

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

Редакция журнала
«Обозреватель-Observer»

Меры укрепления доверия и безопасности от Ванкувера до Владивостока

А.БОЙКО

В.ПАНОВА

**Тенденции
глобальной безопасности**

**Роль "клубов" в
глобальном управлении**

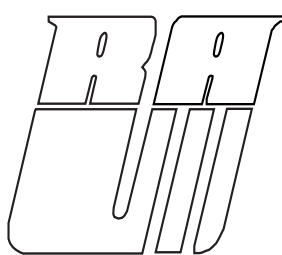
С.ИВАНОВ

В.ПАВЛЕНКО

**Россия
и региональные конфликты**

**Мифы
"устойчивого развития"**

Венесуэльский "социализм"

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Содержание номера

Осенний зов (Стихотворение) 5

А.Цветков

Меры укрепления доверия и безопасности от Ванкувера до Владивостока 6

В.Гончаров

Статья посвящена проблеме модернизации Венского документа 1999 г. о мерах укрепления доверия и безопасности, который является важным механизмом раннего предупреждения о необычной или масштабной военной деятельности в регионе ОБСЕ, повышения предсказуемости и доверия, инструментом ограничения масштабов военной деятельности. С 1999 г. он все более утрачивает связь с меняющейся военно-политической обстановкой, в результате чего все чаще высказываются мнения о необходимости его обновления. С начала 2010 г. в ОБСЕ развернулось активное обсуждение вопросов совершенствования мер укрепления доверия.

Современные тенденции глобальной безопасности 14

А.Бойко

Исследуя факторы влияния процесса глобализации на международную безопасность, автор стремится выявить современные тенденции развития угроз глобальной безопасности в мире, показывает необходимость разработки новых подходов к международному сотрудничеству в вопросах глобальной безопасности, включая трансформацию деятельности ООН.

Мифы «устойчивого развития»

22

В.Павленко

В третьей части статьи автор продолжает рассмотрение концепции «устойчивого развития». В центр анализа поставлено содержание доклада Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству «Наше глобальное соседство», а также эволюция его положений в важнейших документах ООН. Рассматриваются поднятые этим докладом проблемы глобализации и глобального управления, формирования «глобального гражданского общества», расширения проблематики окружающей среды и глобальных налогов. Показывается, что совокупность этих предложений образует тщательно продуманный и последовательно реализуемый глобальный план, развивающий основные положения идеологии Римского клуба.

Россия и региональные конфликты на постсоветском пространстве

63

С.Иванов

Анализируя сохраняющиеся внутренние и региональные конфликты на постсоветском пространстве, автор раскрывает роль России в их урегулировании, опасность дальнейшего сохранения любых межнациональных, межэтнических, межконфессиональных конфликтов для региональной и международной безопасности и приходит к выводу, что в условиях глобализации всех мировых процессов и дальнейшего научно-технического прогресса роль и значение человеческого фактора заметно возрастают. Одним из основных источников экстремизма и терроризма в современных условиях остаются неурегулированные региональные конфликты, поэтому Россия и мировое сообщество должны активизировать усилия по их мирному урегулированию.

«Группа восьми» и «группа двадцати»: роль клубов в глобальном управлении

75

В.Панова

Указав, что в 2010 г. в Канаде завершились два саммита – встречи уже устоявшейся элитной «восьмерки» и нового экономического директората «двадцатки», автор рассматривает их основные итоги с точки зрения содержания и основных разногласий, существовавших накануне встреч между участниками «клубов» и достигнутых компромиссов, и делает попытку определить современное положение России внутри этих механизмов, в первую очередь в рамках «Группы восьми», так как именно вступление в эту структуру происходило в момент рождения нового российского государства и этот процесс отличался длительностью и определенной противоречивостью. В рамках «Группы двадцати» Россия обладает бесспорным статусом, являясь одним из ее основателей. Кроме того, сопоставляются преимущества и недостатки обоих механизмов, их взаимодополняемость по функциям и возможностям, а также дальнейшие перспективы деятельности «восьмерки» и «двадцатки» в рамках архитектуры международных отношений.

Развитие наднациональных форм хозяйствования в Евросоюзе

87

А.Иншакова, К.Беликова

Рассматривая наиболее значимые наднациональные организационно-правовые формы ведения предпринимательской деятельности, являющиеся по своей сути «проекцией»

национальных разновидностей юридических лиц и существующие благодаря санкциям ЕС, авторы подчеркивают особенности, определяющие преимущества рассмотренного метода унификации законодательства о компаниях в условиях региональной экономической интеграции в ЕС.

Венесуэльский «социализм»

93

И.Букова

Исследование леворадикальной политики лидера Венесуэлы Уго Чавеса отражает возросший научный интерес к данной теме в свете интенсификации контактов и расширения сотрудничества России на латиноамериканском направлении. В статье рассматривается теоретическая база венесуэльского «социализма», где идеологическим фундаментом выступают концепции «боливаризма» и «социализма XXI века», а также воззрения Уго Чавеса. Изучается материальная составляющая «социализма» по-венесуэльски – доходы от экспорта нефти, а также социальные реформы и национализация промышленности. Проводится обзор основных направлений внешней политики Венесуэлы – регионализма, антиамериканизма, многополярности.

Национализм в Каталонии – фактор риска для Испании

108

А.Орлов

В статье рассматриваются проблемы национализма в Каталонии: историческая основа его появления, особенности и формы проявления, а также его влияние на характер взаимоотношений центральных властей Испании с автономными сообществами.

Лики свободы в русской политической мысли XVI века

121

А.Ермолина

Статья посвящена анализу трактовок понятия свободы, предложенных русскими политическими мыслителями XVI в. Рассмотрено христианское понимание идеи свободы, положенное средневековыми авторами в основу собственных политических концепций. Исследована связь богословского принципа свободы воли и политической свободы. На основании проведенного исследования предпринята попытка опровергнуть стереотипное мнение об отсутствии традиций политической свободы в Московской Руси.

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень введен в действие с 1 января 2007 года.

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, д.п.н., проф.

ЕРЕМЕНКО И.Н. – исп. директор, к.т.н.; НОВИКОВ Ю.Д. – зам. гл. редактора; АБАШИД-ЗЕ А.Х. – д.ю.н., проф.; БЕРКОВ А.А. – к.ю.н.; БОЙКО Ю.П. – д.п.н., проф.; ГРОМЫКО А.А. – д.п.н.; ЗАДОХИН А.Г. – д.п.н., проф.; ЗИМЕНКОВ А.Л. – д.п.н.; КОМАРОВ И.К. – д.э.н.; КРУГЛОВ В.В. – д.в.н., проф., генерал-майор; ЛУЗЯНИН С.Г. – д.п.н., проф.; ОРЛОВ А.А. – к.и.н.; ПАВЛЕНКО В.Б. – д.п.н.; ПЛЯИС Я.А. – д.п.н., проф.; РУДОВ Г.А. – д.п.н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол; ЦВЕТКОВ А.И. – д.в.н., проф., Заслуженный деятель науки РФ.

Научно-редакционный совет

- АРИСТОВ В.В. – член-корреспондент РАН
БАБАЯН Э.А. – председатель Постоянного комитета по контролю наркотиков при Минздраве России, член Международного комитета ООН по контролю наркотиков, доктор медицинских наук, профессор
ГАБАРАЕВ Б.А. – доктор технических наук, Заслуженный энергетик РФ
ГАЛОГАНОВ А.П. – президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
ГРИБ В.В. – заместитель Председателя комиссии по региональному развитию и местному самоуправлению Общественной палаты России, заместитель Председателя правления Ассоциации юристов России
ДЕЛЯГИН М.Г. – директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор
ЖУРКИН В.В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН
ЗОРИН В.С. – первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор
ИВАШОВ Л.Г. – президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор
ИВЛИЕВ Г.П. – депутат Госдумы ФС РФ, председатель комитета по культуре
КРЕМЕНЮК В.А. – заместитель директора ИСКРАН, доктор исторических наук, профессор
ЛАДЫГИН Ф.И. – вице-президент Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник
МУРАДОВ Г.Л. – руководитель департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы, председатель правления фонда международного сотрудничества им. Юрия Долгорукова, кандидат исторических наук
ПЕТРАКОВ Н.Я. – директор Института проблем рынка РАН, академик РАН
ПИВОВАРОВ Ю.С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН
ПРИМАКОВ Е.М. – президент ТПП России, академик РАН
СУХАРЕВ А.Я. – советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, профессор
ТИТАРЕНКО М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН
ТОРКУНОВ А.В. – ректор МГИМО(У) МИД России, академик РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель РАС ООН
ШАХНАЗАРОВ К.Г. – генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»
ЩЕРБАКОВ И.А. – директор Института общей физики им. А.М.Прохорова РАН, член-корреспондент РАН, профессор
ЯКОВЛЕВ В.Ф. – советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

Осенний зов

Анатолий Цветков

*Октябрь в России
всколыхнул всю планету
Герберт Уэльс*

На Русь опять пришел октябрь,
Как в том семнадцатом суровом,
И, несмотря на стынь и хлябь,
Он нас зовет куда-то снова.

Двадцатый век свое сказал,
Он пожелал нам всем удачи
И всему миру доказал,
Что можно жить совсем иначе.

Без терроризма, войн и ран,
Без постоянных потрясений,
На подвиг вновь зовет землян
Неугомонный дух осенний.

Он будет вечно звать вперед,
К еще неведомым вершинам,
За ним готов идти народ,
Как за великим исполином.

Осенний зов – святой набат,
Народов мира вдохновенье,
И как последний результат
Пришло Европы единенье.

За ней планете всей идти
Через снега, дожди косые,
Она на праведном пути,
Который начался в России.

ЦВЕТКОВ Анатолий Исаевич – член Союза писателей России. E-mail: prorags@gmail.com

Меры укрепления доверия и безопасности от Ванкувера до Владивостока

Виталий Гончаров

За годы холодной войны на европейском континенте был накоплен такой огромный деструктивный потенциал обычных вооружений и техники, что перспектива эскалации конфликта по линии соприкосновения двух противоборствующих военно-политических блоков грозила чудовищной по своим масштабам и возможным последствиям войной.

С падением Берлинской стены и развалом Организации Варшавского договора градус напряженности на европейском континенте спал, но сокращение вооружений по объективным политическим факторам не был настолько интенсивным, чтобы ликвидировать военные дисбалансы на континенте. На фоне отсутствия сдерживающего блокового фактора усугубились территориальные споры между государствами, которые порой стали выливаться в региональные вооруженные конфликты. Возникла острая необходимость в понижении уровней обычных вооружений и техники, повышении транспарентности и предсказуемости в отношении намерений государств в военной области.

Осознавая опасность вооруженных конфликтов и необходимость укрепления коллективной и индивидуальной безопасности, европейские государства в 90-е годы выработали солидную базу различных по своему охвату и характеру взаимовязанных и подкрепляющих друг друга соглашений в области контроля над обычными вооружениями и мер укрепления доверия и безопасности:

ГОНЧАРОВ Виталий Игоревич – атташе Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД России, эксперт Делегации Российской Федерации по вопросам военной безопасности и контроля над вооружениями при ОБСЕ. E-mail: goncharov_v_i_t@mail.ru

Ключевые слова: меры укрепления доверия, Венский документ 1999 г., уведомление о военной деятельности, наблюдение за необычной военной деятельностью, «пороговые» уровни, квота инспекций и посещений по оценке, Ежегодное совещание по оценке выполнения, Форум ОБСЕ по сотрудничеству в области безопасности.

К ним относятся:

- Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ);
- Договор по открытому небу (ДОН), Венский документ 1999 г. переговоров по мерам укрепления доверия и безопасности (ВД-99);
- Кодекс поведения, касающийся военно-политических аспектов безопасности;
- Принципы, регулирующие нераспространение;
- Принципы, регулирующие передачу обычных вооружений;
- Меры стабилизации в отношении локальных кризисных ситуаций;
- Глобальный обмен военной информацией;
- Итоговый акт переговоров о численности личного состава обычных вооруженных сил в Европе и ряд других региональных и двусторонних соглашений.

Договор об обычных вооруженных силах в Европе

Ключевым механизмом обеспечения военной безопасности на пространстве от Ванкувера до Владивостока стал ДОВСЕ, который заложил фундамент стабильности и предсказуемости в военной области. Однако этот Договор, подписанный еще в период блоковой конфронтации и основанный на балансе сил двух групп государств (ОВД и НАТО), безнадежно устарел и практически потерял свою жизнеспособность.

После приема в НАТО ряда восточноевропейских государств оказались нарушенными установленные Договором групповые и зональные ограничения на обычные вооружения стран альянса в Европе, а подписанное в 1999 г. Соглашение об адаптации

ДОВСЕ так и не ратифицировано странами НАТО.

В данной связи Российская Федерация наложила мораторий на действие Договора.

Нежелание стран Запада учесть российские озабоченности не позволило сторонам найти взаимоприемлемые развязки. Несмотря на это диалог по восстановлению жизнеспособности ДОВСЕ продолжается, но в практическом плане сегодня не реализуются заложенные в Договоре цели.

В этой связи особое значение для укрепления доверия между государствами-участниками ОБСЕ, повышения стабильности за счет транспарентности в отношении военной деятельности имеет Венский документ.

Венский документ 1999 г.

Принятый 16 ноября 1999 г. на саммита ОБСЕ в Стамбуле Венский документ переговоров по мерам укрепления доверия и безопасности (ВД-99) является важным механизмом раннего предупреждения о необычной или масштабной военной деятельности в регионе ОБСЕ, повышения предсказуемости и доверия, инструментом ограничения масштабов военной деятельности.

Венский документ является политически обязательным для всех 56 государств-участников ОБСЕ. Его цель – установление и осуществление согласо-

ванного набора взаимодополняющих мер укрепления доверия и безопасности (МДБ).

Положения ВД-99 развивают и дополняют меры доверия, зафиксированные в:

- Хельсинкском заключительном акте 1975 г.;
- Документе Стокгольмской конференции 1986 г.;
- Венских документах 1990, 1992 и 1994 гг.

Одна из первых согласованных МДБ на пространстве ОБСЕ, которая содержится в ВД-99, – это уведомле-

ние о масштабной военной деятельности.

Впервые эта мера была прописана в первой корзине Хельсинского заключительного акта как обязательство государств-участников заранее уведомлять друг друга о военной деятельности, в которой примут участие более 25 тыс. чел. В документе 1975 г. также содержится рекомендация приглашать наблюдателей на такую военную деятельность.

Концепция раннего предупреждения находит дальнейшее развитие в Документе Стокгольмской конференции 1986 г. в виде таких мер доверия, как предварительное уведомление, наблюдение, издание ежегодных информационно-справочников, меры верификации (проверки).

Данные меры легли в основу важнейших глав Венского документа – V (Предварительное уведомление об определенных видах военной деятельности) и VI (Наблюдение за определенными видами военной деятельности).

В этих главах вводятся «пороги» – ограничения на количество личного состава, вооружений и техники, задействование которых в обычной военной деятельности (учения) накладывает на государства обязательства уведомлять (гл. V) и приглашать на данные учения наблюдателей (гл. VI) из числа государств-участников ОБСЕ.

В соответствии с гл. VII (Ежегодные планы) ВД-99 государства-участники обязаны не позднее 15 ноября каждого года обмениваться в письменном виде информацией о своих планах по проведению в последующем году военной деятельности, подлежащей предварительному уведомлению. Гл. VIII (Ограничительные положения) вводит ограничения на количество учений с заданными «порогами».

Помимо уведомлений, наблюдений и ограничений на проведение масштаб-

ной военной деятельности, важная мера доверия, содержащаяся в Венском документе, – ежегодный обмен военной информацией.

Впервые эта МДБ была введена в Венском документе 1990 г., затем в модернизированном виде она нашла отражение в ВД-92, ВД-94 и ВД-99.

Венский документ 1990 г. содержал целый набор новых МДБ, направленных на повышение предсказуемости и понижение риска военной опасности на континенте:

- ежегодный обмен информацией государств-участников по структуре их вооруженных сил и основных типах вооружений и техники;
- меры проверки;
- практику проведения контактов по линии военных.

Для оперативного обмена уведомлениями и информацией была создана специальная Сеть связи ОБСЕ, которая успешно действует и сейчас. ВД-90 также была введена практика проведения Ежегодного совещания по оценке выполнения. Предусматривался механизм уменьшения опасности, призванный способствовать деэскалации напряженности в случае необычной военной деятельности и инцидентов военного характера.

В Венском документе 1999 г. были развиты соответствующие положения ВД-90. В соответствии с гл. I (Ежегодный обмен военной информацией) и II (Планирование в области обороны) государства-участники ежегодно обмениваются информацией о своих вооруженных силах, основных системах вооружений и техники и планах их развертывания, о планировании в области обороны и военных бюджетах.

Гл. III (Уменьшение опасности) предусмотрен механизм консультаций в связи с необычной военной деятельностью, которая может вызывать озабо-

ченность, и сотрудничества в отношении опасных инцидентов военного характера.

В рамках ВД-99 осуществляется масштабная и исключительно полезная верификационная деятельность (гл. IX «Соблюдение и проверка»). Стороны имеют возможность проводить инспекции, а также посещения воинских формирований для оценки правильности предоставляемой о них информации.

В обстановке, когда основной механизм контроля над обычными вооружениями в Европе – ДОВСЕ находится в состоянии глубокого кризиса, принципиальное значение для поддержания стабильности, предсказуемости и прозрачности в отношении вооруженных сил государств-участников ОБСЕ играет Венский документ. В соответствии с ВД-99 ежегодно проводится около 150 инспекций и посещений по оценке*.

Однако вопрос масштабов инспекционной деятельности и ее ценности для государств-участников весьма деликатный в современной обстановке, когда на европейском континенте доминирует один военно-политический блок. Страны НАТО придерживаются негласной договоренности не инспектировать друг у друга, что создает некоторый информационный перекося. Вместе с тем, в нынешнем виде гл. IX представляет собой один из важнейших разделов ВД-99, выполнение которого значительно повышает транспарентность, снижает риск возникновения очагов напряженности и повышает доверие между государствами-участниками ОБСЕ.

Укреплению доверия также служит гл. IV (Контакты). За годы с момента подписания Венского документа в со-

ответствии с гл. IV было проведено множество мероприятий по посещению авиабаз, военных объектов и формирований, демонстрации новых типов основных систем вооружений и техники.

Наиболее существенным достижением по сравнению с предшествующими документами по МДБ стало включение в ВД-99 новой главы, содержащей перечень рекомендуемых региональных мер укрепления доверия и безопасности (Гл. X «Региональные меры»). Несмотря на добровольный характер выполнения рекомендаций, содержащихся в данной главе, за прошедшие годы государства-участники разработали на ее основе около двух десятков (в основном двусторонних) соглашений и договоренностей. Такие соглашения, как правило, отражают конкретные интересы государств региона и успешно дополняют меры укрепления доверия, действующие в масштабе всего европейского континента.

В Венском документе предусмотрен механизм его регулярного рассмотрения (гл. XI «Ежегодное совещание по оценке») – проведения Ежегодного совещания по оценке выполнения (ЕСОВ) для обсуждения текущего и будущего выполнения согласованных МДБ. Опыт свидетельствует о полезности подобных совещаний, позволяющих проводить регулярные обзоры выполнения ВД и других военно-политических документов ОБСЕ.

В ходе ЕСОВ обычно высказываются немало практических предложений, направленных на совершенствование имплементации действующего режима МДБ.

Вместе с тем, в течение последних лет (2007–2009 гг.) авторы подобных

* Согласно статистике Секретариата ОБСЕ за 2008 г., в соответствии с Венским документом было проведено 163 инспекции и посещения по оценке и 51 двусторонняя инспекция и посещение по оценке в рамках осуществления региональных мер / двусторонних соглашений по гл. X ВД.

инициатив воздерживаются от последующего продвижения своих предложений на Форуме ОБСЕ по сотрудничеству в области безопасности (ФСОБ),

являющемся основной регулярно (еженедельно) собирающейся переговорной площадкой по обсуждению МДБ на пространстве ОБСЕ.

Обзор выполнения ВД-99

В последние годы возросла обеспокоенность членов ОБСЕ современным положением дел с режимом МДБ. С 1999 г. Венский документ так и не был модернизирован. В результате более чем 10 лет абсолютной стагнации европейский режим МДБ все более утрачивает связь с реальностью и меняющейся военно-политической обстановкой, постепенно теряет свой сдерживающий потенциал и перестает отвечать современным требованиям.

Так, он уже фактически не охватывает мерами доверия существенный сегмент вооруженных сил и значительную часть военной деятельности государств-участников в регионе ОБСЕ. По крайней мере, четыре ключевых главы ВД-99 уже на протяжении ряда лет существуют преимущественно на бумаге*.

Несмотря на то, что нынешняя редакция Венского документа датируется 1999 г., его концепция разрабатывалась еще в период конфронтации времен холодной войны. В 1994 и 1999 гг. произошло обновление инструментария ВД.

В мандате переговоров 1997 г. ставилась цель «провести субстантивное обновление МДБ с учетом новых военно-политических реалий в Европе». Несмотря на то, что в течение двух лет переговоров было рассмотрено более ста

предложений, западники во главе с США на практике вели дело к «косметической» модернизации документа, стараясь изъять те предложения государств-участников, которые ограничивали им свободу рук.

В результате были отведены российские инициативы относительно охвата мерами доверия военно-морской деятельности и транзитных перебросок войск. Сложилась ситуация, когда один из важнейших компонентов военной триады – военно-морские силы – остаются за рамками общеевропейского режима МДБ.

Сделанные государствами-участниками отдельные шаги в данном направлении не способны кардинально улучшить ситуацию, поскольку либо носят фрагментарный характер (режим МДБ на Черном море), либо являются добровольными (предоставление обобщенных сведений о военно-морских потенциалах в рамках Глобального обмена военной информацией).

Не лучше обстоит дело и с параметрами уведомляемой и наблюдаемой военной деятельности (гл. V и VI).

Предусмотренные в Венском документе «пороги»** направлены на предотвращение угрозы глобальной конфронтации с привлечением большого числа военнослужащих, вооружений и

* Документ «пища для размышления» «Анализ выполнения Венского документа 1999 года». (FSC/AIAM/2/09) распространен делегацией Российской Федерации на переговорах в Вене по вопросам военной безопасности и контроля над вооружениями на Ежегодном совещании по оценке выполнения (24 февраля 2009 г.).

** В соответствии с гл. V параметры уведомляемой военной деятельности равны 9000 чел., или 250 боевых танков, или 500 ББМ, или 250 артиллерийских орудий калибра более 100 мм, 200 самолетов-вылетов и десант в количестве 3000 чел.

техники, в то время как распад ОВД, увеличение количества малых государств в Европе, изменение в структуре вооруженных сил государств-участников, разработка новых систем высокоточного оружия кардинально изменили военно-политическое измерение ОБСЕ.

Не удивительно, что за последние годы было всего три уведомления о военной деятельности выше предусмотренных «порогов». В связи с очень высокими порогами «наблюдаемой» военной деятельности за все время имплементации ВД-99 имело место всего несколько случаев, когда государства-участники приглашались на такие мероприятия.

Не исправляет ситуацию и такая МДБ как уведомление об одном наиболее крупном учении или военной деятельности, проводимой на территории государств-участников, поскольку данная мера носит добровольный характер*.

Негативный опыт последних лет, включая конфликт на Кавказе (август 2008 г.), наглядно продемонстрировал, что современные войны возможно проводить без превышения «пороговых» уровней.

Венский документ оказался неэффективным механизмом раннего предупреждения в отношении малых локальных конфликтов высокой интенсивности. Более того, предусмотренный гл. III громоздкий и явно политизированный «антикризисный» механизм на деле оказался практически нерабочим**.

Отсутствие детально прописанного механизма урегулирования кризисной

ситуации (гл. III), четкого определения форс-мажора (гл. IX) и высокие потолки уведомляемой военной деятельности (гл. V) оказались серьезным препятствием для поддержания стабильности на субрегиональном уровне.

В современной редакции Венского документа есть определенные проблемы и в отношении тех глав, которые, казалось бы, в целом выполняются успешно. Представляется, что, несмотря на надлежащее выполнение государствами-участниками обязательств в отношении ежегодного обмена военной информацией (гл. I), его параметры не полностью удовлетворяют современным требованиям, поскольку не охватывают значительные сегменты вооруженных сил и военных мероприятий, проводимых в регионе ОБСЕ:

- *в первую очередь* это относится к военно-морской деятельности, которая по-прежнему остается за рамками общеевропейского режима МДБ и не подпадает под обмен информацией;

- *во-вторых*, по ВД-99 государства не обмениваются информацией по многонациональным силам быстрого реагирования, которые в последнее время стали весьма значительным военным явлением;

- *в-третьих*, ВД-99 не учитывает развитие вооруженных сил. Новые системы вооружений, включая беспилотные летательные аппараты, не подпадают под обмен информацией;

- *в-четвертых*, Венским документом не предусмотрены четкие согласованные категории вооружений и техники, в связи с чем государства-участни-

* В соответствии со статистикой Секретариата ОБСЕ, число добровольных уведомлений ничтожно (5–11 в год).

** За всю историю существования Венского документа он задействовался всего три раза и всякий раз не очень успешно: в 1991 г. – в отношении кризисной ситуации в бывшей Югославии, в 1999 г. – применительно к операции НАТО против Союзной Республики Югославия и в 2008 г. – в связи с ситуацией в Закавказье.

ки включают в ежегодный обмен информацией технику по своему усмотрению.

То же можно сказать и в отношении гл. IV «Контакты», выполнение которой не охватывает военно-морские силы.

Выполнение гл. VII (Ежегодные планы) и гл. VIII (Ограничительные положения) едва ли можно назвать удовлетворительным. В связи с тем, что «пороги» уведомляемой и наблюдаемой военной деятельности по гл. V и гл. VI настолько высоки, что государства-участники их превышают во время военных учений довольно редко, либо численность их вооруженных сил (в случае малых государств Европы) настолько мала, что не выбирает и трети порогового значения, то и уведомлять по гл. VII многим государствам не о чем. Тем более не приходится использовать ограничительные положения, которые могут быть актуальны лишь в случае глобальной конфронтации.

Представляется, что обязательное уведомление каждым государством-участником о наиболее крупной военной деятельности на его территории за год, могло бы реализовать незадействованный потенциал гл. VII.

Есть проблемы и с обменом информацией по планированию в области обороны (гл. II). Так как в данной главе Венского документа четко не определен срок предоставления необходимых сведений, то среди государств-участников отсутствует должная дисциплина и возникают проблемы с осуществлением контроля за выполнением данной меры. Из года в год наблюдается уменьшение количества государств, добросовестно выполняющих свои обязательства по второй главе.

За последний пятилетний период только 32 государства из 56 ежегодно предоставляли информацию о планировании в обла-

сти обороны и только 33 из 56 о военных бюджетах¹.

Довольно эффективно функционирует гл. IX (Соблюдение и проверка). Однако и при ее выполнении возникают некоторые проблемы, которые связаны с отсутствием четкого определения «форс-мажора», точных размеров (площади) указанного района, унифицированных подходов к проведению транспортно-организационных мероприятий.

На сегодняшний день есть несколько предложений государств-участников, по большей части технического и организационного характера, призванных усовершенствовать процедуру проведения инспекций и посещений по оценке. В целом же, гл. IX представляет собой один из важнейших механизмов транспарентности и укрепления стабильности на европейском континенте.

Таким образом, существующий сегодня в Европе режим мер укрепления доверия, с одной стороны, хорошо себя зарекомендовал в том, что касается ежегодного обмена военной информацией и активной верификационной деятельности, но с другой – под воздействием объективных изменений военно-политических реалий значительно устарел.

Время выявило и слабые места ВД-99, которые нуждаются в более детальной проработке и спецификации.

Сегодня особенно опасно то, что в режиме МДБ существуют серьезные прорехи, такие как нахождение военно-морской деятельности за рамками общеевропейского режима доверия. Особую озабоченность вызывает и то, что Венский документ в его нынешней редакции оказался практически бессильным для раннего уведомления, предотвращения и урегулирования локальных кризисов. Мысль о том, что многие положения документа устарели, практически никем уже не оспаривается.

Модернизация режима МДБ

В течение последних лет на переговорах по МДБ в рамках Форума ОБСЕ по сотрудничеству в области безопасности (ФСОБ) царила атмосфера общего застоя.

Западники, опасаясь, что «вскрытие» ВД-99 приведет к тому, что действующий режим общеевропейских МДБ окажется парализован, всячески «тормозили» инициативы по его модернизации. Без внимания были оставлены конкретные предложения Российской Федерации и Республики Беларусь – «Макет обновленного ВД-99», внесенный в мае 2003 г., а также внесенные в 2006 г. предложения об обмене информацией по силам быстрого развертывания; о предварительном уведомлении при развертывании иностранных военных сил на территории государства-участника ОБСЕ в зоне применения МДБ; о предварительном уведомлении о военном транзите в зоне применения МДБ.

Однако, спустя год после августовского кризиса 2008 г., стали появляться первые признаки более сбалансированного, реалистичного подхода партнеров к этой проблеме.

Целый ряд государств-участников ОБСЕ высказался в пользу модернизации ВД-99. 2 декабря 2009 г. на Совете министров иностранных дел государств участников ОБСЕ в Афинах было принято решение № 16/09 «Вопросы, относящиеся к Форуму по со-

трудничеству в области безопасности» (MC.DEC/16/09), в которое вошло важное положение о совершенствовании новых мер доверия на пространстве ОБСЕ, включая поручение Форуму в 2010 г. модернизировать Венский документ*.

С января с.г. на Форуме развернулась интенсивная дискуссия по субстантивным и процедурным аспектам модернизации Венского документа.

19 мая с.г. принято решение Форума об установлении процедуры включения соответствующих решений ФСОБ в Венский документ. В соответствии с ним предполагается в дополнение к действующей редакции Венского документа создать некую «корзину» (так называемый «ВД-плюс»), в которую по мере согласования будут «складироваться» новые или обновленные МДБ. Каждая из них будет заменять существующие положения ВД и вступать в силу в день принятия. Не реже одного раза в 5 лет, начиная с 2011 г., будет проводиться специальное заседание Форума с целью обновления ВД.

В течение последних месяцев ряд делегаций на Форуме внес официальные предложения по модернизации устаревших или неудовлетворительно функционирующих положений ВД-99. В настоящее время рассматривается вопрос о том, какие разделы ВД-99 могут быть выбраны для «первой очереди» модернизации.

Примечания

¹ Доклад Центра по предотвращению конфликтов Секретариата ОБСЕ от 13 февраля 2009 г. (FSC.GAL/17/09).

* «Совет Министров... призывает ФСОБ в 2010 году, действуя в соответствии со своим мандатом... искать пути усиления военно-политического инструментария ОБСЕ с уделением особого внимания усилению существующих механизмов контроля над вооружениями и МДБ, включая укрепление Венского документа 1999 года». (MC.DEC/16/09).

Современные тенденции глобальной безопасности

Анастасия Бойко

Исчезновение с распадом биполярной системы международных отношений глобального геополитического конфликта, который десятилетиями держал человечество на грани ядерной катастрофы, привело к возникновению мнения о дальнейшей безопасности жизни на планете. Однако комплексный и зависящий от множества субъектов процесс укрепления глобальной безопасности на планете развивается отнюдь не прямолинейно.

Существует множество факторов, которые не позволяют человечеству справиться с рисками возникновения локальных конфликтов или глобальной конфронтации, угрожающих безопасности значительных масс людей. Риски, в первую очередь, связаны с социально-экономической поляризацией стран по условной оси Север – Юг, появлением новых государств, межнациональными конфликтами и гуманитарными катастрофами, потенциальной возможностью терроризма; распространением оружия массового

уничтожения; усилением давления на международные институты¹.

По мнению И.С.Иванова², в целом процесс формирования новой системы международных отношений после окончания холодной войны приобрел затяжной и во многом неуправляемый характер. Создалась ситуация, несущая в себе большой кризисный потенциал и одновременно мало приспособленная к предотвращению и урегулированию глобальных проблем безопасности на коллективной основе.

Как указывает автор, отсутствие эффективных механизмов координации дей-

БОЙКО Анастасия Юрьевна – слушатель магистратуры Дипломатической академии МИД России. E-mail: sponya@gmail.com

Ключевые слова: глобализация, международная безопасность, ядерные вооружения, международный терроризм, миротворческая деятельность.

ствий и учета интересов широкого круга государств может быть использовано как повод или оправдание тезиса о том, что обзаведение оружием массового уничтожения, пусть даже в ограниченном количестве, становится чуть ли не единственным способом гарантировать свою безопасность в нестабильном и труднопредсказуемом мире.

С этой точки зрения, одной из важнейших задач человечества является предотвращение третьей мировой войны, которая может стать ядерной. Хотя период «гонки вооружений» двух мировых полюсов силы считается оконченным, конфликтный потенциал в мире увеличивается, в него включаются все новые участники, а суммарные расходы на вооружение продолжают расти.

В 2006 г., согласно данным международного фонда *Oxfam*³, общемировые затраты на оборону достигли суммы в 1,059 трлн. долл., что стало на тот момент абсолютным рекордом для человечества.

Объемы торговли оружием продолжают расти и в последние годы.

Доходы США от продажи оружия за рубеж составили в 2009 финансовом году 37,9 млрд. долл.⁴. Об этом сообщил директор Агентства по сотрудничеству в области безопасности Пентагона вице-адмирал Джеффри Уиринг.

В соответствии с информацией Агентства, крупнейшими покупателями американского оружия сейчас являются Объединенные Арабские Эмираты (7,9 млрд. долл.), Афганистан (5,4 млрд. долл.), Саудовская Аравия (3,3 млрд. долл.), Тайвань (3,2 млрд. долл.), Египет (2,1 млрд. долл.) и Ирак (1,6 млрд. долл.).

Как указывают эксперты, наиболее острый интерес к вооружению проявляют не сильные, а слабые страны, поскольку видят в этом определенную гарантию своей безопасности и возможность отстаивания своих интересов.

Рост военных приготовлений, по мнению П.Ю.Быкова⁵, тем более показателен, что происходит на фоне истощения очередной волны глобализации. Возросшие открытость и интегрированность мира не гарантируют отсутствия противоречий, которые могут привести к открытому конфликту конкурирующих центров силы. Система «баланса сил», принятая и используемая ведущими державами в начале XX столетия не помешала развернуться двум мировым военным конфликтам, в каждом из которых у сторон были свои геополитические цели.

При биполярном противостоянии второй половины XX в. мир удерживался на грани войны за счет паритета сил, страха перед масштабностью поражений при применении ядерного оружия, а также за счет функционирования институтов международной безопасности.

На современном этапе сформировались или активно формируются новые конкурирующие мировые центры силы. Возрастает число геополитических разломов, конфликт западного и восточного блоков замещают иные глобальные противоречия:

- противостояние между западными странами и исламским миром;
- столкновения между отдельными странами, ставящие под угрозу региональную безопасность⁶;
- развивающаяся конкуренция за глобальное лидерство между ядерными державами – США и Китаем.

Наличие ядерного оружия у увеличивающегося числа стран вызывает тревогу, поскольку любой вооруженный конфликт может затронуть мир в целом. Эти процессы сопровождаются ослаблением международных институтов, которые сегодня не в полной мере способны регулировать глобальное развитие. Кризис ООН, ослабление влияния МВФ и Всемирного банка, проблемы НАТО широко обсуждаются в мировых СМИ. В определенной сте-

пени это связано с политикой Соединенных Штатов, одобряемой рядом европейских стран, которые подменяют четкую систему международного права, гарантирующую безопасность членам ООН, системой прецедентов применения силовых методов к суверенным государствам под предлогом защиты прав человека или потенциальной угрозы того или иного государства для мировой безопасности. Возможность применения силы к суверенному государству разрушает изнутри как саму систему международной безопасности и интеграции, так и ее институты. Разочарование национальных государств в способности международных институтов обеспечить их безопасность приводит к новым виткам гонки вооружений.

В настоящее время крайне серьезной является угроза локального ядерного конфликта, что связано с увеличением числа стран, обладающих ядерным оружием. Договор 1967 г. о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) предполагал нераспространение технологий производства ядерного оружия и жесткую фиксацию стран, ими обладающих.

В данном договоре, подписанном первыми ядерными державами – США, СССР и Великобританией, стороны согласились совместными усилиями установить запрет на создание ядерных зарядов вне существовавшего в тот момент ядерного клуба, хотя к тому времени ядерным оружием уже обладали Франция и Китай.

Индия провела испытание ядерного заряда в 1974 г., а термоядерного – в 1998 г.

В 1998 г. Индия официально вступила в ядерный клуб. В 1991 г. к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерного государства присоединилась ЮАР, предварительно демонтировав 6 ядерных зарядов, которыми это государство обладало уже к 1989 г.

Пакистан провел ядерные испытания 28 и 30 мая 1998 г.⁷

Отношения между Индией и Пакистаном остаются напряженными, что создает угрозу ядерного конфликта.

Аналитики считают, что ядерным оружием обладает Израиль, хотя достоверных сведений о проведении этим государством ядерных испытаний не имеется. Израиль, как известно, обладает средствами доставки в рамках всей «ядерной триады» – баллистическими ракетами, подводными лодками и самолетами-бомбардировщиками дальнего радиуса действия.

Атомные программы вооружений разворачиваются в Иране и КНДР.

Еще несколько стран, например Япония и Тайвань, имеют технологии, достаточные для создания бомбы.

Не способствует укреплению мировой безопасности и то, что одна из основных держав-обладательниц ядерного вооружения – США до сих пор не ратифицировала Договор о запрещении испытаний ядерного оружия.

Взаимозависимость в современном мире вносит свои коррективы в выбор средств и методов обеспечения национально-государственных интересов. С одной стороны, как отмечают исследователи, рост конфликтного потенциала в современном мире, влияет на изменение внешней политики национальных государств. Национальные государства более жестко отстаивают свои интересы на международной арене⁸. Одновременно снижаются темпы глобализации в политической сфере – приостанавливаются процессы размытия государственных границ, снижается возможность передачи ряда государственных полномочий на наднациональный уровень. С другой стороны, современное оружие исключает возможность обеспечения безопасности народа и общества односторонними усилиями. Безопасность одного госу-

дарства неразрывно связывается со всеобщей безопасностью, обеспечиваемой коллективными усилиями всего мирового сообщества, господством в международных отношениях норм международного права, на которые особенно важно опираться, в случае если мировое сообщество и в дальнейшем будет сталкиваться с проблемой сепаратизма.

В истории конца XX – начала XXI вв. имеются негативные примеры тенденциозного толкования коллективных международно-правовых норм в данном вопросе, продемонстрированного, в частности, на Балканах.

Как отмечают исследователи, на современном этапе происходит расширение субъектной сферы мировой безопасности. Социально-экономическая поляризация стран, сопровождающая процессы глобализации, приводит к возникновению внутренних для национальных государств факторов, негативно влияющих на их стабильность.

Во многих регионах мира сохраняется или даже растет внутренняя напряженность на почве столкновения интересов различных этно-культурных, религиозных, социальных, политических групп, споров вокруг собственности, прав на территорию и т.д. Нередко возникающие конфликты разрешаются не политическими, а силовыми методами. В политически нестабильных странах оппозиционные силы, стремящиеся завоевать власть, не останавливаются перед полным разрушением существующих государственных и общественных институтов, чтобы добиться этой цели. Достигается это, как правило, применением террористических методов, использованием вооруженного потенциала террористических организаций.

В конце XX – начале XXI в. заметным негосударственным субъектом, влияющим на международную бе-

зопасность стал международный терроризм.

По мнению В.М.Кулагина, силы транснационального терроризма не имеют обратного национального адреса. Они растворены в глобальном мировом сообществе. Часть из них получает поддержку финансами и вооружениями от отдельных государств. Но, как правило, такая поддержка не является основой потенциала, без которого террористическая деятельность была бы невозможна⁹.

Стремительная интернационализация всех сторон жизни современного общества, облегчение паспортных, визовых и иных режимов, развитие информатики, демократизация политических систем, ослабление их полицейской составляющей позволили терроризму развиваться в международное явление, а террористическим группировкам получить в свое распоряжение мощные современные средства реализации планов. Усиление миграционных процессов в мире способствует маскировке проникновения через границы международных террористов-профессиональных боевиков, которые участвуют в боевых действиях против правительственных сил и обучают членов местных террористических группировок.

В ряде случаев международный терроризм использует слабость государственной власти, утрату правительством страны контроля над частью территории государства, когда власти не могут справиться с политическими, экономическими, социальными и национальными проблемами своих стран. В районах, где правительство не контролирует ситуацию, и базируются обычно различные оппозиционные, сепаратистские, террористические или просто бандитские группировки. Еще одна причина, по которой современные террористы не сталкиваются с дефицитом оружия и взрывчатки, – несовершенство

ство контроля за оборотом оружия и боеприпасов и рост теневых международных рынков оружия.

Заинтересованность террористов в приобретении химического, биологического, радиологического и ядерного оружия повышает вероятность крупных терактов с применением оружия массового уничтожения. Самые серьезные опасения связаны с возможным приобретением террористами биологического оружия или ядерных устройств, применение которых приведет к массовым жертвам.

Особенностью современной эпохи стал также информационный терроризм, эксперты указывают на высокую вероятность хакерских атак на жизненно важные информационные сети или попыток физического уничтожения информационных систем, например, связанных с жизнеобеспечением крупных населенных пунктов.

Вмешательство в сферу международной безопасности новых негосударственных действующих лиц не может не сказываться на изменении роли национальных государств.

В эпоху, когда понятие безопасности расширяется от уровня безопасности государства до уровня безопасности отдельной личности¹⁰, возрастают и обязанности государств по отношению к своим народам и отдельным гражданам, что отражается в определениях безопасности в государственных правовых актах.

В законе Российской Федерации «О безопасности» это понятие имеет широкое толкование: «Безопасность – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»¹¹.

В эпоху глобализации, по мнению исследователей, речь идет уже не только о «международной безопасности» в

ее межгосударственной ипостаси, а о явлении с более широким набором действующих лиц, которое по этой причине более корректно было бы именовать «*мировой безопасностью*»¹².

Как упоминалось выше, в эпоху глобализации сложившиеся международные институты обеспечения безопасности испытывают сильное давление. В изменяющемся мире, чьи будущие характеристики ученые и политики пока не могут достоверно прогнозировать, роль международных организаций, их функции и полномочия не могут оставаться неизменными.

Выступая 15 июля 2008 г. на совещании с послами и постоянными представителями России при международных организациях, Президент России Д.А.Медведев отметил необходимость реформы международных институтов при укреплении центральной роли Организации Объединенных Наций для поддержания режима глобальной безопасности¹³.

За последние 60 лет миротворческая деятельность ООН развивалась по нескольким направлениям:

- концептуальные основы проведения операций ООН по поддержанию мира;
- совершенствование работы органов ООН, в том числе Секретариата;
- реформа в практике проведения полевых миссий.

Миротворческая деятельность ООН базируется на положениях Устава ООН¹⁴. Новым элементом в миротворчестве 90-х годов стала идея предотвращения конфликтов, или превентивной дипломатии, отраженная в «Повестке дня для мира» Генерального Секретаря ООН Б.Бутрос-Гали (1992 г.)¹⁵. Им были выделены условия, без которых не может быть успешно проведена операция по поддержанию мира:

- четкий мандат;
- сотрудничество сторон в выполнении этого мандата;

– последовательная поддержка со стороны Совета Безопасности;

– готовность государств-членов предоставить необходимый военный, полицейский и гражданский персонал;

– эффективная поддержка и руководство со стороны Секретариата ООН в штаб-квартире и на местах;

– надлежащее финансовое обеспечение.

Большое значение имело создание и совершенствование системы «резервных соглашений», в соответствии с которой около 90 государств подтвердили готовность предоставить в распоряжение Генсекретаря ООН необходимые людские контингенты.

Однако, как указывает В.Ф.Заемский, меморандумы о взаимопонимании, которые подписываются государствами с ООН, носят условный характер. Государства сохраняют за собой право дать отрицательный ответ на просьбу Генсекретаря ООН выделить воинский контингент в состав сил, участвующих в операции¹⁶.

Важнейшие решения по проблемам безопасности должны приниматься на многосторонней основе, но коллективный подход в принятии решений подразумевает и равномерное распределение вкладываемых материальных и людских ресурсов, а также рисков при реализации данных решений.

В современной ситуации многие государства не имеют материальных возможностей для участия в миротворческих операциях на уровне Соединенных Штатов и других западных стран. В связи с этим и решения о целесообразности международного вмешательства на территориях стран, где создаются (или считается, что создаются) те или иные угрозы мировой безопасности, зачастую принимает не все мировое сообщество или его представители в лице ООН и Совета Безопасности ООН, а те страны, которые

выделяют средства на проведение миротворческих операций.

К чему это может привести показывают две важнейшие ситуации (Косово и Ирак), когда решения о вооруженном вмешательстве были приняты в обход Совета Безопасности ООН.

Исследователи считают принципиально важным, чтобы миротворческая деятельность соответствовала положениям Устава ООН об исключительной ответственности Совета Безопасности ООН за усилия, предпринимаемые в интересах международного мира и безопасности, в том числе с использованием силы¹⁷.

В настоящее время коллективные усилия ООН по вопросам продвижения контроля над вооружениями становятся менее результативными.

Ослабление роли ООН иллюстрирует и учащение случаев выхода стран-участников из важнейших договоров или их игнорирования. Снижение роли ООН, по крайней мере частично, связано с разочарованием ряда государств-членов предвзятостью и преобладанием западного мировоззрения в решениях, исходящих от данной организации, в частности от Секретариата ООН.

С точки зрения В.В.Шустова, несмотря на то, что Генеральный секретарь всего лишь высшее административное лицо Организации, где решающим голосом обладают государства-члены, а Секретариат ООН призван только реализовывать решения, ими принимаемые, практика показывает, что сотрудники Секретариата нередко действуют с превышением своих полномочий и пытаются оказывать влияние на политические решения. Это объясняется тем, что развитые страны покрывают своими взносами 80% бюджета ООН и, соответственно, претендуют на адекватную кадровую квоту. В результате среди работников Секрета-

риата большинство – это представители западных стран¹⁸.

В последние годы много внимания уделяется вопросу расширения числа постоянных членов в Совете Безопасности ООН. Возражения против расширения числа постоянных членов Совета Безопасности заключаются в основном в том, что это затруднит процесс принятия решений. Не следует также забывать, что страны, которые являются постоянными членами СБ ООН, являются ядерными державами и, соответственно, в данном качестве – гарантами международной безопасности.

Различие мировоззрений и идеологических подходов данных стран, а также наличие права «вето» увеличивают вероятность сбалансированности и взвешенности решений Совета Безопасности ООН.

Дальнейшее расширение СБ ООН на данном этапе мирового развития не представляется целесообразным, по крайней мере, до тех пор, пока мировое сообщество не примет каких-либо конструктивных решений о масштабном реформировании ООН для усиления ее роли в укреплении мировой безопасности.

Таким образом, можно выделить следующие тенденции развития угроз глобальной безопасности в современном мире:

- усугубляется социально-экономическая и политическая поляризация стран по оси Север-Юг;

- распад биполярной системы международных отношений стимулирует стремление ряда стран стать одним из мировых центров силы, обостряется международная конкуренция, растут обороты торговли обычными видами вооружений, не прекращаются испытания ядерного оружия, национальные государства более жестко отстаивают свои национальные интересы на мировой арене;

- эгоистические подходы не позволяют государствам выработать единую конструктивную позицию в отношении глобальной угрозы экологии и ограниченности мировых ресурсов;

- процессы глобализации приводят к развитию теневых рынков, транснациональной преступности, международного терроризма.

Необходимость коллективных усилий в борьбе с указанными угрозами требует изменения подходов национальных правительств к международному сотрудничеству, что, в первую очередь, потребует определенных политико-психологических трансформаций в подходах мировых лидеров к решению глобальных проблем, а также значительной коллективной работы по реформированию современных международных институтов, обеспечивающих мировую безопасность.

Примечания

¹ *Шубин А.* Россия и мир в 2020 году. М.: Изд. «Европа», 2005.

² *Иванов И.С.* Международная безопасность в эпоху глобализации // Россия в глобальной политике. № 1. Январь-март 2003.

³ http://www.chas-daily.com/win/2006/09/23/v_024.html?r=3&printer=1&

⁴ Независимое военное обозрение // http://nvo.ng.ru/news/2009-11-13/9_dohod.html

⁵ *Быков П.Ю.* Еще повоюют // Эксперт. 2008. № 2 (591).

⁶ *Климова В.В.* Источники внешних угроз национальной безопасности // Обозреватель – Observer. 2009. № 9.

- ⁷ Сайт Службы внешней разведки Российской Федерации. Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления (Открытый доклад СВР за 1995 г.). Опубликовано в 2000 г. <http://svr.gov.ru/material/4-0.htm>
- ⁸ Божанов Е.П., Бажанова Н.Е. Куда идет человечество? О тенденциях международных отношений в XXI веке // Обозреватель – Observer. 2009. № 6. С. 11–20.
- ⁹ Кулагин В.М. Глобальная или мировая безопасность? // Международные процессы 2007. Т. 5. № (14). Май-август. С. 24–25.
- ¹⁰ Парамонова М.А. Безопасность человека в контексте международной политики // Обозреватель – Observer. 2010. № 6. С. 101.
- ¹¹ Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 9 апреля 1992 г. № 15. Ст. 769; Российская газета. 1992. 6 мая. № 103.
- ¹² Кулагин В.М. Глобальная или мировая безопасность? // Международные процессы. 2007. Май-август Т. 5 № 2(14). С. 24–25.
- ¹³ <http://www.kremlin.ru/transcripts/787>
- ¹⁴ Штоль В.В. НАТО в миротворческом процессе // Обозреватель – Observer. 2008. № 4. С. 81.
- ¹⁵ <http://www.un.org/russian/basic/history/milestones/1991–2000.htm>
- ¹⁶ Гришаева Л. Кризис миротворчества ООН // Обозреватель – Observer. 2008. № 4. С. 49, 52; Заемский В.Ф. ООН и миротворчество. М.: Международные отношения, 2008.
- ¹⁷ Дзуриндин И. Гуманитарная интервенция – инструмент неолиберализма и глобализма // Обозреватель – Observer. 2009. № 2. С. 86–93.
- ¹⁸ Шустов В.В. Эволюция миротворчества ООН // Международная жизнь. 2008. № 10.

Подписка на 2011 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
36789 – на год

Мифы «устойчивого развития»*

Глобальное потепление или «ползучий» глобальный
переворот?

Владимир Павленко

«Наше глобальное соседство». Доклад и эволюция его положений

О докладе: общие положения

Помимо предисловия сопредседателей Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству И.Карлссона и Ш.Рэмфала, о котором уже говорилось¹, доклад включает 7 глав. Шесть из них являются содержательными и одна – резюмирующая предложения комиссии по вопросам глобального управления, формирования новой системы ценностей, безопасности (значи-

тельное место отведено миростроительству), экономики и экологии, реформы ООН и системы международного права.

«...После 1945 г. мир во многом изменился, – отмечают авторы. – Одним из аспектов ...стало формирование международного гражданского общества, что ...предполагает реформирование ООН и других международных институтов»² (курс. – Авт.).

ПАВЛЕНКО Владимир Борисович – доктор политических наук. E-mail: ako-pm@mail.ru

Ключевые слова: глобальный план Римского клуба, «Наше глобальное соседство», документы ООН, глобализация, глобальное управление, «устойчивое развитие», окружающая среда, глобальные налоги.

* Продолжение. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2010. №№ 9, 10

Что в целом необходимо сказать об этом весьма объемном (под 400 стр.) документе – чтобы прояснить его исходный замысел?

1. «Устойчивое развитие» – квинтэссенция, которая не только «красной нитью» проходит через весь доклад, но и с помощью глобализации, представленной якобы «объективным процессом», увязывается с идеей и концепцией глобального управления.

2. Указывается на основные движущие силы глобально-управленческого процесса – крупный частный бизнес в лице транснациональных корпораций (ТНК) и «глобального гражданского общества». Показывается взаимосвязь и соподчиненность по отношению к глобальному управлению таких категорий, как «демократия» и «рынок» – «инструментов» политического и экономического управления, и «окружающая среда» как ресурса «устойчивого развития».

3. Сама «окружающая среда» рассматривается через призму поэтапного установления глобального контроля над природными ресурсами, для чего вводятся понятия «мировые ресурсы» и «глобальное общее достояние», и указывается динамика их взаимоотношений.

4. Поднимается и пропагандируется тема «глобальных налогов».

5. Вносятся предложения по предлагаемой реформе ООН, которые почти дублируют появившиеся годом позже инициативы Социалистического интернационала (Социнтерна).

6. Предлагаемая авторами доклада методология основана на излюбленном глобалистском приеме. Представляя происходящие перемены якобы естественным, «объективным» ходом дел, они предлагают продолжить движение в этом же направлении, но уже в управляемом режиме. Разумеется ради

«минимизации издержек» и под руководством именно тех, кто эти предложения и выдвигает. Именно так Гитлер, как помним, обосновывал необходимость перехода от «игры свободных сил» к «господству высшего разума».

Причем, стоит подобной комбинации удалась – как в случае с «устойчивым развитием», то сразу же начинает обнаруживаться непомерный рост масштабов предполагаемых угроз вопреки уже предпринятым для их предотвращения действиям. Грубо говоря, каждый рубль, затраченный на реализацию тех самых мер, в необходимости которых так долго убеждали мировое сообщество, в итоге приносит новых проблем – если верить тем, кто убеждал – как минимум на десять рублей. При этом решение этих проблем должно контролироваться и даже руководиться именно ими. Все это облекается в форму интернационализации проблемы, осуществляемой под лозунгом «многосторонности». Причем интернационализируется максимальное количество подобных проблем под предлогом их якобы «объективного» характера. На наш взгляд, это – не что иное, как типичный «наперсточный» прием.

Вот как оценивает общий замысел «устойчивого развития» аналитик из США И.Лебедева:

«Пока российская дипломатия концентрировала внимание на расширении НАТО, инициаторы «Повестки-XXI» спланировали открытие второго фронта, выдвинув на передний план в деле трансформации миропорядка «мировотворческую» ООН в отличие от «силовой» НАТО, но имея в виду не ослабление НАТО, а усиление ООН... Принятие этой программы планируется осуществить поэтапно на международных форумах с участием умопомрачительного числа глав государств и одновременно представить переход к «глобальному управлению» как единую инициативу, идущую снизу».

Значительная часть работы ...уже проделана. Сейчас отрабатывается механизм функционирования так называемой «социальной сети» (*social network*), сочетающей передовые коммуникационные технологии и ультрасовременную методику организации массовых глобальных акций. При ООН аккредитовано более двух тысяч НПО «быстрого развертывания», как правило, финансируемых правительствами. Одну из первых таких «НПО» с амбициозным названием «Фонд Объединенных Наций» организовал в 1998 г. телемагнат Тед Тернер.

По данным канадского исследователя Нейла Раба, в 1998 г. начальный оборот организации составил 125,4 млн. долл., а с добавлением разного рода грантов разбух до 227,7 млн. Так что, когда вы смотрите по *CNN* сборище оголтелых «антиглобалистов», не удивляйтесь, что в преддверии Лондонского саммита (саммит «Группы двадцати», состоявшийся в конце марта 2009 г. – Авт.) знакомый вам по прошлым передачам п...ст в зеленом парике уже не раздает народу, как раньше, презервативы (это тоже входит в «Повестку-XXI»), а

объясняет свое участие в акции желанием «бороться с глобальным потеплением»³.

Далее. В докладе Римскому клубу «Пределы роста» (1972 г.) констатируется возможность достижения этих «пределов» лишь в отдаленной перспективе «следующего столетия». А в докладе «Наше глобальное соседство» (далее – «НГС», 1995 г.) то есть уже после того, как «целостность глобальной системы окружающей среды и развития» была признана Конференцией ООН в Рио-де-Жанейро, об «истощении невосполнимых природных ресурсов и загрязнении окружающей среды» говорится уже как о свершившемся факте, не дожидаясь следующего века².

Понятно, что эта игра началась не сейчас и, стало быть, ее предыдущие этапы также были управляемыми. Как помним, «теплеть» на планете стало уже после появления теории «глобального потепления».

О глобализации и глобальном управлении

В центр глобализации как процесса авторами доклада «НГС» ставится размывание государственных суверенитетов.

«...Государственный сектор сузился, и служение государству утратило свой возвышенный и исключительный смысл. ...В идее децентрализованного (сетевого – Авт.) и демократического руководства не следует искать противоречий. ...Его источником в гораздо большей степени становится солидарность, а не власть. Деятельность его чаще всего основана на убеждении, сотрудничестве и согласии, а не на принуждении и приказе»² (курс. – Авт.).

Прежде всего, отметим, что безальтернативность «децентрализованного» руководства не подтверждается дальнейшими положениями доклада, в котором говорится и о возможности

«централизованного» принятия решений, и о «центральной роли ООН», и т.д. Затем подчеркнем выделенный еще в первой части статьи принцип «позитивной мотивации» («убеждение, сотрудничество, согласие»), на котором строится предлагаемое авторами «демократическое руководство»⁴.

Теперь о главном. В соответствии с принципом противопоставления «тирании» «демократическим правам и свободам», который был сформулирован У.Черчиллем в Фултонской речи, доклад провозглашает мобилизацию на «крестовый поход» против правительств и других государственных институтов практически всех общественных сил. Авторы ставят перед собой очевидную цель: дискредитировать институт государства посредством формирования негативного общественного

отношения к представляющим его правительствам.

Первыми в ряду сил, противостоящих правительствам, авторами названы НПО, выдаваемые за основу «гражданского общества». Ряд положений доклада вообще поднимают НПО до уровня, позволяющего им фактически «замещать» государства, требуя от последних стать «добропорядочным глобальными гражданами», то есть (*sic!*) «представителями организаций глобального гражданского общества». По мнению авторов, государства, превратившиеся в полпредов НПО, «должны быть готовы работать совместно и обеспечивать руководство ...на всех международных форумах...», в частности при разработке предложений по реформе ООН², то есть вносить элементы организации в проамериканское «агрессивно-послушное большинство».

Государствам противопоставляются этнические, региональные и местные меньшинства, выраженные ими групповые интересы, и новые формы народного представительства – «децентрализованные», встроенные в глобальную сеть*. Унифицированная совокупность этих форм, образующая «глобальное гражданское общество» создает вводимое авторами новое понятие – «глобальная община», которая тесно увязывается с регионализмом. «Между миром национальных государств и глобальной общиной лежит целая область различных проявлений регионализма. ...Броские успехи регионализма в Европе, а затем и в Северной, и Южной Америке вдохновляют всех, кто стремится к миру без гра-

ниц»². Не забудем о плане «еврорегионализации», который осуществляется Советом Европы и Социнтерном и который, как мы установили, близок к СС-овскому проекту «Европейской Конфедерации».

По мнению авторов доклада, кроме НПО, государствам противостоит частный сектор, ключевое место в котором ими отводится крупнейшим ТНК. Правительствам ставится в вину период мировых войн XX в., когда «лидеры мирового бизнеса превратились в государственных чиновников, на которых воюющие государства возлагали управление военными и гражданскими поставками»⁷. (Отметим, что на этих поставках они всякий раз очень неплохо зарабатывали).

Поскольку «...глобализация достигла такой степени, что ...определить национальную принадлежность отрасли невозможно», правительствам предписывается устанавливать с частной сферой отношения партнерства в целях (*sic!*) «поощрения вклада негосударственных участников в эффективное глобальное управление»². В этих целях «НГС» особо отмечает роль Совета бизнесменов, послужившего основой выведенного на уровень ООН Глобального договора².

В том, что дело не столько в пропаганде социальной ответственности бизнеса, сколько в стремлении допустить его к рычагам политической власти, убеждает следующий фрагмент. «Некоторые из ТНК, – говорится с явным намеком на структуры, подобные корпорации *RAND*, – находятся на передовом рубеже научно-исследовательских

* Например. «...Любая международная организация вполне может проявить интерес к локальной проблеме, если, ...Всемирный банк профинансирует ...проект в некой отдельной стране. Любая местная добровольная ассоциация также легко может стать участником одной из международных систем управления и сотрудничества»² (выступив агентом финансирования – *Авт.*).

работ «будущего», разрабатывая долгосрочные глобальные сценарии и оценивая их последствия». Высокая оценка дается вкладу бизнеса в подготовку Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992 г.)².

Кстати, о глобальных сценариях, появление которых, как следует из сказанного, является продуктом институтов, ставящих целью «приватизацию государства», что соответствует прозвучавшему в 1999 г. «пророчеству» Д.Рокфеллера о предстоящей замене государственной власти правительством частной властью крупного бизнеса⁵.

Авторами «НГС» рассматриваются три таких сценария:

«Оптимистический сценарий будущего представляет нынешний уровень насилия как феномен переходного периода. ...Существует вероятность, что Земной шар ...станет местом более мирным и безопасным, как только оправится от потрясений, вызванных внезапным окончанием холодной войны.

Другой сценарий предполагает раскол мира ...на процветающую и безопасную часть, которая будет включать ...большинство стран Западной и Центральной Европы, Восточную Азию и Северную Америку, и значительно большую часть, состоящую из нищих и яростно конфликтующих между собой территорий...

*По третьему сценарию весь мир будет охвачен растущим насилием, и обширные его зоны станут неуправляемыми...*² (курс. – Авт.).

Итак, условия миру предъявлены. Либо подчинение глобализации с дальнейшей эрозией суверенитетов, либо масштабные потрясения, которые, наряду с «развивающимся» миром, затронут и «развитый» – весь или неолжальную его часть. Именно эти социально-политические технологии, как мы убедились⁴, отрабатываются Институтом в Санта-Фе (США) в рамках озвучен-

ной С.Манном «эксплуатации критичности». Но тогда получается, что «критичность» не только «эксплуатируется», но и создается. Ибо вопреки усилиям по преодолению нищеты и бедности, к которым призывают мировое сообщество авторы доклада, критичность в их сценариях раньше проявится именно в той части мира, на помощи которой эти усилия предлагают сосредоточить.

Вот что отмечал по этому поводу известный системный аналитик, заместитель директора Института прикладной математики РАН Г.Г.Малинецкий (2006 г.):

«Хаос дает удивительные возможности. Например, если мы знаем, что система находится ...в точке бифуркации, то малые воздействия на нее могут иметь очень большие последствия. В точке бифуркации у системы есть несколько путей развития. ...И вот здесь наши малые воздействия могут сыграть ключевую роль.

...Лет 15 назад мне довелось беседовать со своим коллегой из Института сложностей в Санта-Фе... Я задал ему вопрос: "Какими проблемами вы занимаетесь?"

– Вы знаете, мы строим сценарии дестабилизации обстановки в Югославии. Крайне сложная и интересная задача. Мы предполагаем задействовать Интернет, различные социальные механизмы. Должно получиться очень здорово»⁶ (курс. – Авт.).

Это и есть модель «управляемого хаоса», экспорт которой в незападный мир, по мнению С.Манна, требует *содействия либеральной демократии, поддержки рыночных реформ, повышения жизненных стандартов у населения, особенно у элиты, вытеснение ценностей и идеологий*⁷ (курс. – Авт.).

Иначе говоря, получается, что все в руках самих сценаристов. В противном случае, почему в первую очередь «зоны стабильности» второго из рассмотрен-

ных авторами сценариев исключается евразийское постсоветское пространство?

Вряд ли случайно в «НГС» также не рассматривается четвертый, вполне очевидный сценарий – возобновление «жесткой» или «гибкой» биполярной или многополярной конкуренции, что предусматривается хорошо известными типологиями международных систем, разработанными такими авторитетными западными учеными как М.Николсон и М.Каплан? Причина проста и понятна: такие модели⁸, несмотря на доказанную научность, по чисто идеологическим мотивам неприемлемы для заказчиков доклада и поэтому игнорируются его авторами.

В дополнение ко всему государствам, наконец, противопоставляется молодежь, а следом за ней, ни много – ни мало, – и все люди, а также сама планета*.

«Мы считаем, что ...молодежь более восприимчива..., нежели их правительства...

...Концепцию глобальной безопасности следует расширить, перестав ...делать упор на безопасности государств с тем, чтобы она охватывала безопасность людей и безопасность планеты.

...Идея государственного суверенитета ...служила предлогом для создания мощных национальных вооруженных сил, оправданием бюджетной политики, ставящей оборону выше целей благосостояния, и стимулом для жесткого ограничения гражданских прав и свобод. ...Правители использовали суверенитет как щит против международной критики и ...во имя суверенитета лишали своих граждан свободного и беспрепятственного доступа к внешнему миру»².

Авторы доклада подтверждают актуальность рассматривавшегося в первой части статьи⁴ наследия Римского клуба и предлагают увязать эрозию суверенитета с «окружающей средой» и «устойчивым развитием» («безопасность планеты»), с разоружением и миротворчеством («миростроительство»), а также с демократией и «правами человека». При этом заодно поощрить деструктивную оппозицию и под предлогом «свободного и беспрепятственного доступа граждан к внешнему миру» стимулировать ее превращение в «пятую колонну», работающую на подрыв суверенитета.

Небезынтересно, что технология противопоставления народа правительству уходит корнями отнюдь не в большевистский лозунг «превращения империалистической войны в гражданскую». Современное обоснование – геополитическое, а не классовое – эта технология получила как раз на англосаксонском Западе.

«Не может вызывать сомнение, – говорится в датированном концом мая 1917 г. совместном меморандуме Э.Хауса и Э.Друммонда** на имя главы британского МИД А.Бальфура, – что попытка противопоставления германского народа его правительству, сколь бесполезной она ни казалась в то время, способствовала в конечном итоге ослаблению моральной стойкости Германии...»⁹.

А разве не таким же образом в конце XX века поступили с СССР?

И не продолжается ли эта политика в отношении властей Российской Федерации?

* Противопоставление созданных человеком институтов планете напрямую отправляет нас к соответствующим футурологическим сюжетам, например, к «Неукротимой планете» Г.Гариссона, недавно экранизированной Дж.Кэмероном в фильме «Аватар».

** Полковник Э.М.Хаус – основатель американского Совета по международным отношениям (СМО), советник президента США В.Вильсона и один из архитекторов Версальского миропорядка; сэр Э.Друммонд – первый генеральный секретарь Лиги Наций.

«Философское» обоснование идеи противопоставления народа государствам нашел Г. Уэллс, предложивший учредить «новую историю» – как историю не государств, а «обыденного человека», отбросив для этого письменные источники и сосредоточившись исключительно на фактах. Назвать такую науку он предложил (*sic!*) «человеческой экологией» или «социальной биологией»¹⁰.

Отметим также, что, помимо НПО, этнических, региональных и местных интересов и глобальной олигархии, правительствам противопоставляется еще и выдвигаемая авторами доклада концепция международного права.

По их мнению, оно «...включает комплекс правовых норм и принципов, которые применяются в отношениях между государствами, а также в отношениях государств с прочими субъектами, в том числе с глобальным гражданским обществом и международными организациями»².

Что тут скажешь?

Мало того, что равноправным «субъектом международного права» признается «глобальное гражданское общество», коим само оно как неоформленная абстракция являться не может, а могут лишь отдельные его институты. Так еще и подтверждается исключительно односторонняя англосаксонская трактовка источников права – в русле Статута Международного суда, в котором любой юрист легко усмотрит доминирование прецедентного принципа, отнюдь не являющегося общепринятым, а любой политолог – конъюнктурно-политизированную и опять-таки одностороннюю интерпретацию категории «цивилизация»*.

Словом ясно, что «генеральная линия» доклада не только поощряет эро-

зию государств, но и ускоряет ее, в том числе за счет управления этим процессом, который только на первый взгляд выглядит «объективным».

Подчеркнем также мнение авторов, что в условиях глобализации против правительств играют не только все остальные элементы политической системы, но и контекст, в который эта система помещена.

«Достижения техники сделали национальные границы более прозрачными. Государства сохраняют суверенитет, но власть правительств подтачивается. Они все менее способны контролировать движение денег или информации через свои границы.

...Глобальные потоки денег, образов, идей, а также угроз перехлестнули старую систему национальных преград, которая оберегала государственную автономию и власть.

...Следует определить формальный статус того, что можно назвать корпоративным банкротством, подразумевая, что государство (*sic!*) **дает согласие, чтобы управление его делами на какое-то время перешло к представителям международного сообщества; жизнь в этом государстве начинается заново, с чистой страницы**»² (курс. – Авт.).

Представим себе Россию после дефолта 1998 г. под внешним управлением и оценим вероятные последствия «начала жизни в стране с чистой страницы». Так вот откуда взялось чуть не ставшее реальностью «второе явление» в 1998 г. В.С.Черномырдина с его аргентинским экономическим «гуру» Д.Кавальо, которого впоследствии на родине привлекли к уголовной ответственности.

Отметим, что к экономическим аспектам десуверенизации авторами

* Кроме западнического видения ее «уходом от варварства», существует сформулированное еще Н.Я.Данилевским представление о цивилизации как «культурно-историческом типе»².

«НГС» через некоторое время добавляются идеологические («образы, идеи») и геополитические («угрозы»). Подчеркнем также, что различные фрагменты общей картины, якобы доказывающие «несостоятельность» государств, сосредоточены по тексту доклада таким образом, чтобы не демонстрировать деструктивные намерения слишком уж явно.

Авторы безусловно знакомы с политической технологией, разработанной тем же полковником Хаусом. «...Если по внешнему виду на них (конференциях – Авт.) все идет как будто само собою, – учил своих последователей Хаус, – то в действительности там ничего не предоставлено случаю.

Положения вносятся разными организациями (или, как в нашем эпизоде, помещаются в разных местах доклада – Авт.), а к концу оказывается, что они так пригнаны одно к другому, что получается нужный узор мозаики...»¹.

После этого, наконец, подводят к долгожданному выводу:

«...Статьи Устава ООН, касающиеся обеспечения мира и безопасности, были составлены применительно к войнам между государствами и не предусматривали возможного вмешательства ООН во внутреннее дела суверенных государств. Однако теперь общественное мнение оказывает на ООН давление в тех случаях, когда раздоры и столкновения внутри стран ведут к тягчайшим страданиям или (*sic!*) угрожают безопасности соседних государств.

...Становится все труднее отделить ...внутренние дела нации от ...имеющих последствия для других государств, а значит, и определить легитимные пределы суверенной власти. ...Ничто не подчеркивает первостепенность этой проблемы с такой силой, как вопрос о гуманитарном вмешательстве (то есть о «миростроительстве» – Авт.)»² (курс. – Авт.).

Поскольку комментировать здесь нечего – ввиду предельной ясности

сказанного, попытаемся выяснить, что же нам предлагается взамен суверенитета?

«В течение последнего десятилетия произошли два события, которые вынудили мир пересмотреть проблему самоопределения – **...распад Советского Союза и Югославии.**

Обе страны были многонациональными федерациями, удерживаемыми воедино железной рукой центральных правительств...

...Государствам следует признать, что в определенных сферах суверенитет должен осуществляться **коллективно**, особенно в отношении **общего достояния...**»² (курс. – Авт.).

Итак, во-первых, представление о допустимости, приемлемости и позитивности иностранного вмешательства во внутренние дела распространяется на геополитическую сферу: суверенитету отныне предписывается стать «коллективным». Именно в этом положении следует искать корни трагедий Афганистана и Ирака, а также двадцатилетнего распада Югославии, включая эпизоды с Боснией и Косово. Случайно ли, например, что вмешательство авиации НАТО в боснийский конфликт, приведший к подписанию Дейтонских мирных соглашений (1995 г.), совпало с появлением «НГС»?

Во-вторых, авторы доклада прямо поощряют центробежные тенденции в России, которая, несмотря на распад СССР, остается «многонациональной федерацией».

В-третьих, опять-таки явно в связи с Россией вводится новое, следующее после «глобальной общины» важное понятие – «общее достояние» (далее – «глобальное общее достояние»), которое относится уже к природным ресурсам. Удержим это в памяти до перехода непосредственно к этой теме.

Теперь зададимся вопросом: что же практически предпринимается против

суверенитетов, и как этот процесс развивается?

В марте 2000 г., незадолго до Саммита тысячелетия, на базе ЮНЕСКО – как одной из структур ООН – был открыт процесс подписания Инициативы «Хартии Земли». Работа над этим проектом протекала параллельно подготовке «НГС», но с его обнародованием не закончилась. «Хартия» провозглашает себя «глобальной конституцией» и требует «фундаментальных перемен в ...системе ценностей, институтах...», включая создание «устойчивого образа жизни на всех уровнях: локальном, национальном, региональном и глобальном» и «нового устойчивого глобального общества...»¹¹.

Инициатива «Хартии», поддержанная правительством Нидерландов (не забудем о нацистском прошлом отца королевы Беатрикс принце Б. де Липпе), принадлежала генсеку Конференции ООН в Рио-де-Жанейро М.Стронгу и президенту «Международного зеленого креста» М.С.Горбачеву. Организационная структура включила Комиссию «Хартии», Руководящий комитет, Международный секретариат, сеть координационных советов и партнерских организаций, а также «тысячи отдельных лиц»¹².

Перед нами – многоуровневая система горизонтальных сетей с управляющими центрами, которые контролируются Западом. Чем это угрожает России можно убедиться на таком примере, как присоединение в 2001 г. к «Хартии» Государственного совета (парламента) Республики Татарстан.

Откуда корни этого плана?

Похоже из проекта «Открытый заговор» того же Г.Уэллса (1928 г.), который предлагал многое, в том числе «игнорировать правительства, трансформируя заговор в орган управления»¹³.

А теперь сопоставим «Хартию» и «Открытый заговор» с документами Римского клуба. Выясняется, что целенаправленная дискредитация национально-государственных институтов как якобы безответственных, неспособных к совершенствованию, не обладающих суверенной компетенцией решения внутренних задач из-за определяющего значения внешних факторов клубом осуществлялась уже давно. В рамках этих разработок, в частности, предлагалось:

- создать «систему связанных, но географически разбросанных центров принятия социально ответственных решений, действующих на всех уровнях человеческой организации» (А.Печчеи, 1969 г.). Ясно, что «Хартия Земли» – ядро именно такой системы;

- преобразовать существующие институты в «горизонтальные агентства» корпоративного, национального и регионального уровней (Э.Ласло, 1977 г.), то есть в управляющие центры организационной структуры «Хартии»;

- сформировать глобальное управление, основанное идеологически на передаче ...международных функций наднациональным неправительственным органам, а организационно – на системе координационных институтов, действующих «от имени народов, а не элит и бюрократий» (А.Кинг, Б.Шнайдер, 1990 г.)¹⁴. Это конечный замысел «Хартии».

Ну что, будем и дальше, вслед за Горбачевым, убеждать себя и окружающих, что глобализация и размывание суверенитетов – процесс, который пошел сам собой?

В «объективность» этого процесса тем временем не поверили даже авторы Декларации тысячелетия (2000 г.), через пять лет после появления «НГС» утверждавшие, что «глобализация мо-

жет обрести ...всеохватывающий и справедливый характер лишь посредством *широкомасштабных и настойчивых усилий по формированию общего будущего...*»⁵ (курс. – Авт.).

А вот выдержки из последующих документов – Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию (2002 г.) и Итогового документа только что завершившегося Всемирного саммита в Нью-Йорке (сентябрь 2010 г.):

Йоханнесбург – «Мы заявляем о нашей приверженности *строительству* гуманного, справедливого и заботливого *глобального общества...*»⁶.

Нью-Йорк – «Мы признаем, что сегодня *...рамки внутригосударственной политики*, особенно в областях инвестиций и промышленного развития, *зачастую определяются рамками международных принципов, обязательств и соображений глобальных рынков. Каждое правительство должно само сопоставить выгоды от принятия международных правил и обязательств с ограничениями, налагаемыми сужением стратегического пространства*»³¹ и т.д. (курс. – Авт.).

Итак, глобализацией не только предполагается управлять, но это уже делается. Причем в постоянно растущих масштабах с помощью мер, принимаемых не только в экономике, но и в сферах окружающей среды, политики и т.д. Кроме того, «каждому правительству» настоятельно рекомендуется подумать о последствиях отказа от следования в фарватере упомянутого «глобального плана» А.Печчеи.

Переходя к глобальному управлению, заметим, что в России и на Западе имеется немало ученых, не верящих в необратимость глобализации, доказывающих, что в преддверии Первой мировой войны уровень «глобализации» если и был меньше современной, то

незначительно. Кроме того, все более широкую популярность, в том числе на международном уровне, приобретает теория кризиса, разработчик которой российский экономист М.Л.Хазин указывает на виртуальный характер экономической и, следовательно, политической глобализации ввиду ее отчужденности от реального сектора экономики:

«В 2001 году автор ...провел расчет американской экономики по данным межотраслевого баланса за 1998 год, целью которого было найти сектора..., получающие "дополнительный", то есть не имеющий источника в рамках межотраслевого кругооборота ресурсов, источник. Было обнаружено, что сектор "новой" экономики, в который были включены отрасли, связанные с информационной экономикой, а также оптовая и розничная торговля, занимая примерно 25% экономики США по потребляемым ресурсам, "выдает" обратно в экономику всего около 15%»¹⁸.

Поскольку трудно предположить, что эти данные были неизвестны тем, кто готовил доклад Генерального секретаря ООН Саммиту тысячелетия (2000 г.), в котором информационная глобализация охарактеризована позитивно трактуемым термином «цифровая революция»¹⁹, то остается предположить, что главный объект этого управляемого процесса все-таки не экономика, а политика. Кстати, спустя восемь лет, в Дохийской декларации термин «цифровая революция» был преобразован в противоположную по смыслу «цифровую пропасть». Но только применительно к развивающимся странам и (*sic!*) странам с переходной экономикой, то есть к субъектам бывшего СССР²⁰.

В чьих интересах предлагается эта политика?

«Управление и сотрудничество (глобальное – Авт.) есть совокупность многих

способов, с помощью которых отдельные лица и организации как государственные, так и частные, ведут свои общие дела. Это непрерывный процесс сглаживания противоречий интересов, их различий в целях осуществления совместных действий. Такой процесс включает всю систему правления и официальные институты, призванные обеспечивать уступчивость, согласие и существующие **неофициальные договоренности между отдельными лицами и организациями, которые отвечают их интересам**² (курс. – Авт.).

Итак, во-первых, управление без обиняков именуется согласованием государственных интересов с частными, а отнюдь не общественными. Во-вторых, это согласование зиждется не на транспарентном демократическом процессе, в том числе электоральном, а на неких «неофициальных договоренностях», которые, надо полагать, заключаются в обход народов и в которые посвящены лишь голосующие в ООН их «представители». В-третьих, роль официальных институтов, если верить докладу, заключается не в службе общественным интересам, а в «сглаживании противоречий» между «неофициальными» фигурантами.

Корни здесь однозначно масонские, что подтверждается тезисом А.Гизе (в 1985–1996 гг. – Великий Мастер Великой ложи Австрии) о важности лож для воспитания консенсуса в условиях буржуазной конкуренции²¹.

«В некоторых случаях глобальное управление будет полагаться ...на рынки и рыночные инструменты, возможно, под неким институциональным надзором. ...Значение и роль регулирования, правового обеспечения и централизованного принятия решений будут варьироваться. В соответствующих случаях могут найти применение и такие принципы как **субсидиарность**, когда решения принимаются как можно ближе к тому уровню, на котором

они могут быть выполнены более эффективно.

...Концепция субсидиарности, вокруг которой сейчас идут ожесточенные споры в Европе, обеспечивает основу для эффективного распределения обязанностей между институтами глобального, регионального, национального и местного управления.

...Для осуществления деятельности и проведения политики на соответствующих уровнях должна существовать согласованная глобальная структура. Необходима также многогранная стратегия глобального управления и сотрудничества.

Это подразумевает реформирование и упрочение существующей системы межправительственных институтов, совершенствование их методов сотрудничества с частными и независимыми группами...

...В большой степени управление может и фактически неформально уже осуществляется через такие объединения, как «Большая семерка» (G7), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)...

...Следует также упомянуть ряд сугубо функциональных специализированных институтов – Международный союз электросвязи (МСЭ), Международную морскую организацию (ИМО), Банк международных расчетов (БМР) и Парижский клуб (государств-кредиторов – Авт.). **...Вот так постепенно, без шумихи и помпы, создается система глобального управления и сотрудничества**² (курс. – Авт.).

Что следует из этой замысловатой мозаики, составленной опять-таки из разбросанных по тексту доклада отрывков?

Во-первых, в центре, несомненно, стоит признание, что глобальное управление уже осуществляется. С помощью «Большой семерки», которая сегодня, как известно, передала управленческие функции «Группе двадцати» (G20), созданной, в свою очередь, на базе институтов, в центре которых на-

ходится «десятка» (G10) государств-учредителей базельского БМР*.

В этот же глобально-управленческий «пул» включаются и «функциональные» (отраслевые) международные организации. Поэтому не стоит удивляться систематическому зажиму на Западе лучших образцов российской техники, а также унификации «под Запад» отечественных образовательных стандартов.

Во-вторых, за исключением темы эрозии государств, «НГС» раскрывает содержание глобализации слабо и невнятно, ограничиваясь констатацией перераспределения в послевоенный период динамики и центров мирового развития. Однако этот недостаток с лихвой компенсируется последующими документами.

Так, в докладе Саммиту тысячелетия генсек ООН К. Анан осторожно, но твердо протягивает линию от экономического измерения глобализации к политическому:

«...Глобализация стала возможной благодаря постепенной ликвидации барьеров, препятствовавших торговле и движению капитала, а также благодаря основополагающим техническим достижениям... Ее объединительная логика кажется неумолимой, а ее движущая сила непреодолимой...

Всеохватная глобализация должна быть обеспечена благодаря, прежде всего, мощной движущей силе рынка, однако одних лишь рыночных сил для этого недостаточно...

Глобализация не виновна в неравенстве, она просто усиливает разрыв...

...Глобализация должна означать нечто большее, нежели создание более обширных рынков. Деятельность в эконо-

мической сфере нельзя отделить от более сложной структуры социальной и политической жизни...»² (курс. – Авт.).

Как видим, авторы доклада, продекларировав экономическое («рыночное») происхождение глобализации, затем плавно и без лишнего шума переходят к глобальному управлению, демонстрируя готовность внедрить его в «структуры социальной и политической жизни».

Констатируя ту роль, которая отводится в этих планах либерализации торговли, обратимся к двум последующим документам ООН – «Монтеррейскому консенсусу» и Дохийской декларации, которые были приняты международными конференциями по финансированию развития в Мексике (март 2002 г.) и Катаре (декабрь 2008 г.).

Так, в Мексике говорилось, что «либерализация торговли является важным элементом стратегии той или иной страны в области обеспечения устойчивого развития»²².

Теперь Катар: «Мы подчеркиваем, что для получения максимальных выгод от либерализации международной торговли и сведения к минимуму сопряженных с ней издержек требуется проведение на всех уровнях согласованной политики, ориентированной на развитие. ...Мы должны и дальше принимать меры к тому, чтобы эти соглашения способствовали долгосрочному развитию и достижению целей ВТО... Важно также, чтобы приоритеты и потребности стран-получателей помощи ...были в полной мере отражены в их национальных стратегиях развития. Специализированные учреждения ООН, имею-

* Добавим, что БМР был создан еще в 1930 г. для финансирования гитлеровского Третьего рейха. По окончании Второй мировой войны американцы попытались исключить его из мировой финансовой системы под предлогом заключения Бреттон-Вудских соглашений. Но не тут-то было: правительству США, несмотря на половину производившегося этой страной в 1944–1945 г. мирового ВВП, кто-то жестко указал на место. БМР не только сохранился, но и стал одним из ключевых глобальных финансовых институтов, фактически пережив в этом качестве саму Бреттон-Вудскую систему.

щие соответствующий мандат..., должны продолжать оказывать помощь развивающимся странам в укреплении производственного потенциала их экспортных секторов»²⁰ (курс. – Авт.).

Итак: ВТО формирует долгосрочные цели и задачи, которые обеспечиваются «проведением на всех уровнях согласованной политики», а получатели помощи создают под это «национальные стратегии», по которым отчитываются перед «имеющими мандат учреждениями ООН». И, разумеется, все это происходит исключительно добровольно и суверенно!

В-третьих, глобальное управление опирается на «согласованную глобальную структуру» и осуществляется в рамках «многогранной стратегии» принятия решений в диапазоне от централизованного до сетевого и субсидиарного. Сам принцип субсидиарности, объединяющий уровни глобального, регионального, национального и местного управления, свидетельствует о многоуровневом характере формируемых сетей. В том, что в них вовлекаются самые разные акторы, которые вследствие этого начинают ориентироваться не на государственные, а на транснациональные и глобальные центры принятия решений, мы убедились на примере «Хартии Земли».

Констатация европейских споров вокруг концепции субсидиарности подтверждает роль регионализма как одного из элементов «глобального плана» Римского клуба и, следовательно, устанавливает его связь с упомянутыми планами высшего командования СС по интернационалистской трансформации нацизма. Сегодня эта роль возложена на Совет Европы и другие европейские институты.

«Формальным организационным структурам зачастую может не хватать широты охвата, скорости и ин-

формационного потенциала, позволяющих не отставать от быстро меняющейся глобальной повестки дня, – возвращаемся мы к докладу генсека ООН Саммиту тысячелетия. – Поэтому мобилизация навыков и иных ресурсов различных глобальных действующих сил может все в большей степени быть сопряжена с формированием не жестких и непостоянных глобальных сетей *по вопросам политики*, которые *не признают национальных, институциональных и секторальных границ*»¹⁹ (курс. – Авт.).

Вряд ли нужно комментировать, что такое «глобальные сети по вопросам политики», которые «не признают никаких границ».

В-четвертых, глобальное управление не стоит на месте, а развивается путем «реформирования и упрочения существующей системы межправительственных институтов». В этом логическом ряду находятся и предложение авторов «НГС» создать параллельно Совету Безопасности ООН Совет экономической безопасности (СЭБ), и рассмотренное нами раздвоение системы Всемирных саммитов, и создание институтов постконфликтного урегулирования в лице Комиссии ООН по миростроительству, и, конечно же, вся проблематика «устойчивого развития», включая гуманитарную и разоруженческую сферы.

В-пятых, в докладе признается существование (sic!) «частных и независимых групп», влияние которых таково, что *к сотрудничеству с ними предлагается адаптировать* уже не государства и правительства, а «*межправительственные институты*» самой ООН (курс. – Авт.). Ясно, что ни о чем другом, кроме глобальной финансовой олигархии, речь здесь не идет.

Итак, подведем краткие итоги той части «НГС», которая посвящена

глобализации и глобальному управлению.

Первое. В докладе четко прописан их генеральный тренд: от государств к негосударственным структурам – общественным и частным, а от экономических аспектов – к политическим и геополитическим. Разумеется, все это упаковано в благозвучные рамки «борьбы с нищетой» и «экономической взаимозависимости». От них ниточка тянется к преодолению национальных и государственных границ и далее – к эрозии сначала отдельных суверенитетов, затем суверенитета как принципа, что выводит авторов на некую «согласованную глобальную структуру», основу которой составляет «реформированная и упроченная система межправительственных институтов» при «центральной роли ООН».

В таком виде глобальное управление предстает системой, находящейся под патронатом не только ООН, но и глобальной финансовой олигархии, что указывает на глобальное управление как не только систему, но и концепцию. Субъектами этой концепции оказываются не народы, а «лица и организации», имеющие «общие корпоративные интересы», противоречия которых сглаживаются «неофициальными договоренностями», заключающимися за спиной у народов.

Второе. Глобальное управление имеет формы, причем институциональные, и осуществляется в рамках многоуровневой системы с помощью централизованного, сетевого и субсидиарного способов принятия решений.

Доклад «НГС» дает однозначный ответ на вопрос о том, чей опыт при этом задействуется:

– «Исторически глобальное управление осуществлялось в отсутствие глобальных институтов. XIX в. стал периодом углубления интеграционных про-

цессов и беспрецедентного расширения торговли, движения инвестиций и миграции людей. Некое подобие накопления опыта управления во всемирном масштабе частично осуществлялось через *управление доминионами со стороны империй, особенно Британской*»²;

– чтобы устранить институциональный недостаток глобального управления, «...еще в начальный период войны (Второй мировой – *Авт.*) *американские и английские представители* принялись за разработку планов создания международных институтов...»² (курс. – *Авт.*).

Третье. Система глобального управления функционирует на основе базового принципа «право против своеволия – экономического, политического и военного». Сам принцип права, которому придается международный, то есть общеобязательный статус, отражает сугубо англосаксонский подход и трактуется авторами доклада с односторонней, тенденциозной точки зрения. Видимость законности ей придается ссылкой на действовавший на момент написания «НГС» Статут Международного суда (в редакции 1945 г.).

Четвертое. Глобальное управление увязывается с «устойчивым развитием», в которое включаются «экономический рост» (неиндустриальный, то есть не выходящий за рамки установленных Римским клубом «пределов роста»), «социальное развитие» (декларативная «борьба с нищетой»), а также «окружающая среда». Утверждается «необходимость единых глобальных подходов к решению упомянутых проблем и подчинения во всемирном масштабе *дисциплине устойчивого развития*...»². Если «устойчивое развитие» предполагает дисциплину, то, значит, не могут не существовать и дисциплинарные меры ответственности.

Декларативность и конъюнктурность этих тезисов доказывается встре-

чающимися в соответствующих текстах противоречиями и откровенными казусами.

Так, в Дохийской декларации (2008 г.) приветствуется «повышение темпов роста в большинстве развивающихся стран и сокращение масштабов нищеты в мире». А буквально через два года, в Итоговом документе Всемирного саммита в Нью-Йорке (2010 г.) констатируется, что «в период с 2007 по 2009 гг. вновь расширились масштабы голода и недоедания...»⁴⁵.

Возникают вопросы. Кризис ударил больше всего не по развивающимся, а по развитым странам. В 2008 г. – по США; в 2009 г. – по Европе. Откуда тогда рост масштабов «голода и недоедания»?

Имеется ли принципиальная разница между положением бедствующих стран в 2007 и 2009 гг., или это плод пропагандистских усилий адептов «устойчивого развития»? Или все проще, и с началом кризиса чиновники ООН просто не удосужились выправить подготовленный заранее документ?

То же самое случилось с оценками состояния озонового слоя – в 1997 и 2000 гг.

В резолюции XIX специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН («Программа действий по дальнейше-

му осуществлению “Повестки дня на XXI век”») использование слова «устойчивый» вообще в ряде случаев приобретает анекдотический характер. Создается впечатление, что берутся все рассматриваемые проблемы подряд, буквально по списку и к ним для пушией важности прикрепляется это слово: «устойчивый образ жизни», «устойчивый туризм», «устойчивое использование энергии» и даже «признание роли женщин» в «сохранении биологического разнообразия (!) и обеспечения устойчивого использования природных ресурсов»²⁴.

Видимо, словосочетанию «устойчивое развитие», подобно рекламе, придается некий кодовый смысл, с помощью которого оказывается зомбирующее воздействие на индивидуальное и общественное сознание.

Пятое. Противопоставление государству людей и планеты в целом, встроенное в концепцию эрозии суверенитета, обеспечивает расширение проблематики «устойчивого развития» за рамки экологии («окружающей среды»), включая в нее такие важнейшие императивы глобального управления как «демократия» и «права человека», обобщением которых служит так называемая «глобальная гражданская этика».

«Глобальная гражданская этика».

Ценности и принципы «глобального гражданского общества»

Прочитируем вновь «Наше глобальное соседство...»:

«...Глобальное управление и сотрудничество охватывают самый разнообразный круг участников – людей, **официально или неофициально** действующих в общинах и странах, внутри различных сфер и вне их, в НПО и гражданских движениях, на национальном и международном уровнях, которые как раз и составляют **глобальное гражданское общество**. И имен-

но через людей исполняют свои роли и другие действующие лица – государства и правительства..., регионы и **официальные и неофициальные объединения...**»² (курс. – Авт.).

Опять те же самые «люди» и «организации» («объединения»), которые действуют «официально и неофициально». И, как помним, в «корпоративных» интересах, а не в интересах народов. Причем, заключая «неофициаль-

ные договоренности» и являясь буквально вездесущими, находящимися «внутри различных сфер и вне их». И вся эта кипучая деятельность осуществляется под демагогическим лозунгом «Мы, народы...».

Некая секретность или, по крайней мере, недосказанность (а разве нет?) буквально пронизывает весь доклад, составляя важнейшую, причем глобальную политическую установку.

Кто такие «эти люди» и «эти организации»?

Масонские ложи?

Устроенные по масонской организации «советы», «клубы» и «комиссии»?

Рассредоточенные «субсидиарные» центры принятия решений?

Конкретные специализированные учреждения ООН?

А может быть это международная бюрократия в целом – ООН или ведущих региональных организаций, например, того же НАТО?

Или глобальные ТНК, ВТО, Парижский или Лондонский клубы кредиторов?

Мировые финансовые институты: от Группы Всемирного банка до МВФ и других структур «вашингтонского консенсуса» и далее до Базельского клуба и Банка международных расчетов?

Институционально неоформленные интересы глобальной финансовой олигархии?

Все они вместе?

Выдвинем гипотезу: сочетание «люди и организации» является синонимом другого, также упоминавшегося сочетания – «частные и независимые группы», «согласовывать противоречия» между которыми понуждаются предварительно адаптированные к этой задаче «официальные институты», то есть «люди и организации» – это, на наш взгляд, синоним глобальной финансовой олигархии, а также отражаю-

щих ее интересы институтов, которые совместно прикрываются лозунгом «глобального гражданского общества». Из этого следуют два вывода:

Первый из них констатирует вовлеченность в систему глобального управления институциональных элементов «глобального гражданского общества», которыми фактически подменяется само это «общество».

«Идея о том, что люди разделяют общие интересы независимо от национальной и иной принадлежности и что они организованно объединяются, невзирая на границы, обретает для глобального управления все более важное значение»².

Поскольку «глобальное гражданское общество» отождествляется с многочисленными НПО, обращает внимание выведенный в докладе спектр их дифференциации – по уровням и функциям.

«НПО отличаются разнообразием и многогранностью. Их планы и действия могут носить локальный, национальный, региональный или глобальный характер. Некоторые ...ориентированы на решение определенных проблем и задач, другие функционируют на идеологической основе; некоторые ставят ...перспективы, представляющие широкий общественный интерес, другие сосредоточены на более частных и узких вопросах. Состав их разнится от немногочисленных и располагающих скудными средствами групп рядовых граждан до крупных и щедро финансируемых объединений, укомплектованных профессиональным штатом. Некоторые действуют в одиночку; другие создали сети для обмена информацией, согласования задач и усиления своего влияния»².

И второе. Имея намерение опереться на «глобальное гражданское общество», глобальная олигархия не ограничивается пусть многоуровневой, но разрозненной структурой, а стремится объединить НПО, используя для этого

институт, организационную структуры и механизмы ООН.

«Назрел момент, — читаем в докладе, — ...для создания глобального форума, который может возглавить деятельность в экономической, социальной и экологической областях»².

Двуединная формула этого подхода в докладе выглядит следующим образом: «Во-первых, не только предусмотреть место элементам гражданского общества в реформированной системе ООН, но и содействовать их практическому участию в ней.

Во-вторых, признать важность роли, которую гражданское общество будет играть за пределами ООН»².

Совокупность этих элементов в документе представлена следующим образом: «НПО, глобальный деловой сектор, постоянно меняющаяся, эволюционирующая Ассамблея людей, а также право подачи петиций»².

Подробности этого плана будут изложены в завершающей части статьи — в главе о реформе ООН.

Пока лишь констатируем, что в качестве конечной цели в «НГС» было заявлено создание «Форума гражданского общества», участники которого делегируются «аккредитованными» НПО². Первая проба сил, как помним, состоялась в рамках подготовки к Саммиту тысячелетия, в июне 2000 г. в форме Форума тысячелетия. В дальнейшем форумы «гражданского общества» созывались для сопровождения различных конференций ООН, например, в рамках Дохийского раунда переговоров по ВТО.

«В записке, озаглавленной «Реформа ООН: меры и предложения: Ассамблея тысячелетия, система ООН (Специальная комиссия) и Форум тысячелетия» (A/52/850), Генеральный секретарь выразил мнение, что, если ООН суждено продолжать играть жизненно важную роль в предстоящем столетии, настоятельно необходимо, чтобы она использовала творческие воз-

можности населения мира и заручилась его поддержкой. Поэтому он предложил, чтобы НПО и другие институты гражданского общества провели в связи с Ассамблей тысячелетия Форум тысячелетия»² (курс. — Авт.).

Общее представительство на Форуме тысячелетия: свыше 1 тыс. НПО из более 100 стран. Теперь о предложенных «глобальному гражданскому обществу» ценностях и принципах.

«В нашем быстро меняющемся мире нормы и ограничения, диктуемые общепринятыми ценностями, обретают ...жизненно важное значение. Без них будет трудно — а то и невозможно — создать более эффективные и легитимные формы глобального управления.

...Мы призываем продемонстрировать общую приверженность *ключевым ценностям, которым могло бы следовать все человечество: уважение права на жизнь, свобода, справедливость и равенство, взаимное уважение, забота и честность*»² (курс. — Авт.).

Отметим в цитате, что «общепринятым ценностям», к которым так любят апеллировать поборники «демократии» и «прав человека», авторами доклада отводится лишь прикладная, второстепенная роль — обеспечения легитимации глобального управления. Но демократия — инструмент не только глобального управления, но и развития; ресурсом же последнего является «окружающая среда». Тогда становится ясно, что глобальное управление и «развитие» (разумеется, «устойчивое») — это понятия-синонимы²⁶. Что их соединяет? В политической сфере — не что иное как «демократия», а в экономической, как мы убедимся ниже, — «рынок».

При этом разделение глобального управления на «устойчивое развитие» и «миростроительство» — как экономический и политический аспекты — весьма условно: в его рамках «мирострои-

тельству», также как и всем остальным элементам этой системы, надлежит быть «устойчивым».

Повторим: доклад «НГС» не является официальным документом ООН, поэтому обратимся к Итоговому документу Всемирного саммита 2005 г. Из него следует, что «главы государств и правительств...» подтверждают веру в цели и принципы ООН, Декларацию тысячелетия и «общие ценности, включая свободу, равенство, солидарность, терпимость, уважение всех прав человека, уважение к природе». Подтверждается и обязательство *«поддерживать все усилия, направленные на обеспечение суверенного равенства всех государств и уважения их территориальной целостности и политической независимости»*, и т.д. (курс. – Авт.).

А дальше начинается само интересное: расшифровка того, как эти «общие ценности» понимаются:

«...7. Мы считаем, что сегодня в большей мере, чем когда-либо, мы живем в глобальном и взаимозависимом мире. **Ни одно государство не может держаться абсолютно особняком.** Мы признаем, что коллективная безопасность зависит от эффективного сотрудничества в соответствии с международным правом в борьбе с *транснациональными угрозами*.

8. Мы признаем, что происходящие сейчас события и сложившиеся на данный момент обстоятельства требуют, чтобы мы *в срочном порядке достигли консенсуса в отношении основных угроз и вызовов*. Мы обязуемся воплотить этот консенсус в конкретные действия, включая *ликвидацию коренных причин таких угроз и вызовов* со всей решительностью и непреклонностью.

...10. Мы признаем, что развитие само по себе является центральной целью и что *устойчивое развитие ...представляет собой один из ключевых элементов в деятельности всей системы ООН*.

11. Мы признаем, что утверждение *принципов благого правления и верховен-*

*ства права на национальном и международном уровнях имеет важнейшее значение для обеспечения поступательного экономического роста, устойчивого развития и искоренения нищеты и голода»*²⁷ (курс. – Авт.).

Итак, угрозы и вызовы, как следует из этой цитаты, только транснациональные; национальных, следовательно, нет и быть не может. Кроме того, эти угрозы и вызовы требуют консенсуса, причем, в «срочном порядке». Данный консенсус призван решительно «ликвидировать» транснациональные угрозы и вызовы, причем любые. Не говорится, например, о том, что не будут «ликвидироваться» государства, которые соберутся осуществлять собственные проекты, исходя из своего понимания угроз и вызовов, и поэтому сами станут для адептов «устойчивого развития» «угрозой». «Устойчивое развитие» – вообще ключевая идеологема системы ООН, а принципиальное значение для него имеют «принципы благого правления» (уже не «управления», а именно «правления» – мелочей в таких документах не бывает) и т.д.

Ну, и никто, разумеется, не может «держаться особняком» – достанут везде.

Все как в старом советском анекдоте:

– Простите, имею ли я право?..

– Имеете!

– А могу ли я?..

– Нет, не можете!

Все это побуждает обратить внимание на то, каким именно образом трактуются ценности, названные авторами «НГС» «общепринятыми», то есть «общечеловеческими». Прежде всего, отметим, что провозглашается одинаковость этих «ценностей» для «всех субъектов – государственных и частных, коллективных и индивидуальных», а также их включение в систему международных норм, «касающихся

суверенитета и самоопределения», «в соответствии с меняющимися реалиями»², то есть имеет место развитие предпринятой Уэллсом попытки обеспечить историю государств и народов.

«Общие ценности составляют фундамент для превращения глобального добрососедства на основе самого широкого экономического обмена и всемирной системы коммуникаций (sic!) **во всеобщее духовное сообщество...** Эти ценности ...проистекают из принципа, который согласуется со всеми известными миру религиозными учениями... Именно это главное требование было отражено в содержащемся в принятой ООН Всеобщей декларации прав человека заявлении о признании "достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их..."»².

Что такое «всеобщее духовное сообщество», если не призыв к созданию де-факто, по существу той самой «единой мировой религии», о которой возвещал Уэллс?

И как быть с теми положениями доклада, которые являются неприемлемыми для традиционных монотеистических религий? Например, с «недопустимостью дискриминации по признаку сексуальной ориентации» или с признанием «основой духовного» сближения» «широкого экономического обмена и всемирной системы коммуникаций»?

И случайно ли изыскания авторов «НГС» получили поддержку общины Бахаи-веры?

Двигаемся дальше. «...Реалии нарождающейся глобальной общины требуют, чтобы мы в дополнение к упрочению вышеупомянутых ценностей выработали глобальную этику, обязательную для всех сторон, вовлеченных в международные отношения»².

И чуть ниже. «Мы надеемся, — пишут авторы «НГС», — что с течением времени эти принципы будут включены в международный документ, носящий более обязательный характер — в **глобальный Устав**

гражданского общества, и обеспечивающий основу для всеобщего согласия относительно правил, которыми должна руководствоваться глобальная община»² (курс. — Авт.).

Отметим, что с этого места наметилось не только постепенное преобразование «ценностей» добрососедства в «принципы глобальной гражданской этики», но и придание этим принципам «уставного» характера.

Поэтому перечислим эти принципы, снабдив их соответствующими авторскими комментариями (курс. в скобках):

Права:

— жизнь в безопасных условиях (**в условиях предлагаемого глобального разоружения «безопасные условия» могут быть обеспечены только «мировой армией» и «мировой полицией»**);

— одинаковое обращение (что это как не заявка на «новый тоталитаризм»: **свободный человек свободен в поступках, а не подвергается «обращению»**; отсюда прямая ассоциация то ли с оруэлловским «скотным двором», только глобальным, то ли с «глобальным человекиком» А.А.Зиновьева);

— возможность зарабатывать и обеспечивать свое благосостояние (**не ликвидация ли государственных социальных гарантий здесь подразумевается?**);

— собственное своеобразие «мирными средствами» (**коль скоро речь идет о своеобразии «меньшинств», в том числе сексуальных, то это положение предполагает подрыв традиционных представлений о морали и нравственности**);

— участие в управлении на всех уровнях (**многоуровневый, сетевой характер унифицированной глобальной власти — в духе концепции «нового ковенничества» или «номадизма» Ж.Аттали**);

— свободная подача петиций об устранении несправедливости (**выглядит как приглашение к внешнему «гуманитарному» вмешательству по наводке изнутри — как в Боснии и Косово**);

– одинаковый доступ к информации **(невозможен без единого глобального контроля над СМИ);**

– такой же одинаковый доступ к «глобальному общему достоянию» **(единый контроль над природными ресурсами, прежде всего, российскими);**

Обязанности:

– действовать на общее благо **(явная неконкретность, почти гарантирующая доминирование субъективных подходов и оценок, выгодных тем, кто «заказывает музыку»);**

– учитывать последствия своих действий **(для государств этот пункт равнозначен усечению, а то и утрате суверенитета);**

– содействовать равенству, включая равенство полов **(апелляция к меньшинствам, а также содействие феминизации, разрушающей традиционную мораль, в том числе традиционный семейный уклад);**

– отстаивать интересы будущих поколений путем устойчивого развития **(то есть, согласно документам Римского клуба, с помощью снижения численности населения и уровня жизни) и охраны общего глобального достояния (контроля над природными ресурсами, то есть частично дублируется право № 8);**

– сохранять культурное и интеллектуальное наследие человечества **(что-то вроде «культурно-национальной автономии», применяемой в унитарных многонациональных государствах имперского типа, но поскольку речь идет о «человечестве», то империя, надо полагать, предлагается глобальная);**

– активно участвовать в управлении **(дублируется право № 5; такое сочетание прав и обязанностей со времен Устава КПСС еще не фиксировалось; отсюда – требование подчинить «глобальное гражданское общество» нормам специального устава);**

– искоренять коррупцию **(это можно делать разными способами, например, с помощью предложенного Бже-**

зинским индивидуального микроципирования и т.д.)².

Комментарии тенденциозные? Так непонятно же, куда подевались из «принципов» – «прав и обязанностей» – такие «ценности», как свобода и справедливость? Ведь даже о праве на жизнь не упоминается, только на «безопасность» – и всего-то через 8 страниц! Что уж говорить об отсутствии права избирать и быть избранным и многих других ценностей, составляющих основу любой демократической конституции?

Между тем, как следует из текста доклада, эти положения «глобальной гражданской этики» на 70-й странице характеризуются как «содействующие укреплению основных прав, уже входящих ...в международные нормы, обеспечивающие моральную основу для создания более эффективной системы глобального управления». А на 342-й странице они же (дословно) признаются уже (sic!) необходимыми для «обеспечения качества глобального управления» и «направляют действия в рамках глобальной общины и лидеров, придерживающихся этой этики» (курс. – Авт.).

Итак, в рамках «глобальной гражданской этики» сначала «ценности» потихоньку трансформируются в «права и обязанности». Следующим же движением руки авторов «моральная основа» глобального управления заменяется его «качеством», разумеется, полностью отчужденным от всякой морали.

Что это как не спецоперация по подмене понятий с помощью манипуляции отдельными фрагментами общей картины и, по заветам Хауса, распыления их по различным частям доклада?

В справедливости приведенных выше параллелей с известным творением Дж. Оруэлла убеждают и следующие выдержки из доклада. «Реформирование и упрочение существующей системы межправительственных институтов», осуществляемое

в рамках «многогранной стратегии глобального управления...» будет способствовать «развитию глобальной гражданственности» и (sic!) «поможет вовлечь беднейшие, маргинальные и отчужденные сегменты национальных обществ и международного сообщества. ...Подобный взгляд на глобальное управление может ...возторжествовать лишь в том случае, если он основан на непоколебимой приверженности принципам равенства и демократии, воплощенным в гражданском обществе»² (курс. – Авт.).

Раньше авторов «НГС» еще в 1992 г. к «неорганизованным, бедным и маргинальным слоям» апеллировал все тот же генсек ООН К.Анан²⁸.

Означает ли это, что в постиндустриальном и, следовательно, постмодернистском обществе, о приходе которого без устали твердят авторы «НГС», «средний класс» уступает ведущее место, отводившееся ему послевоенной концепцией «государства всеобщего благосостояния» («*welfare state*»), маргинальным слоям?

Или апелляция к глобальному «коллективному Шарикову» нужна авторам доклада лишь для того, чтобы еще раз акцентировать привычную риторику в хорошо известном нам стиле предвыборного лозунга «Мы за бедных – мы за русских»?

Забегим немного вперед в вопросы, касающиеся «миростроительства», находящиеся в компетенции соответствующей Комиссии ООН. Сделаем это для того, чтобы посмотреть, каким образом рассуждают о демократии высокие должностные лица ООН в тех случаях, когда разговаривают с единомышленниками из числа «прикормленных» представителей мирового сообщества.

Из доклада Генерального секретаря ООН «Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира» (1992 г.):

«Для того, чтобы быть успешными, миротворчество и операции по поддержанию

мира должны включать ...всеобъемлющие усилия по определению и поддержке (sic!) структур, которые будут иметь своей тенденцией укрепление мира и вселение в людей чувства уверенности и благополучия. На основе соглашений, прекращающих гражданский конфликт, они могут включать в себя ...надзор над проведением выборов, содействие усилиям по защите прав человека, реформирование или укрепление правительственных учреждений и (sic!) содействие формальным и неформальным процессам политического участия»²⁹ (курс. – Авт.).

Итак, отыскивается «структура», по чьему-то мнению «имеющая тенденцией укрепление мира» (например, «Армия освобождения Косова» или правительство «Чеченской республики Ичкерия»). Затем с участием этой структуры подписывается «соглашение, прекращающее гражданский конфликт» – Парижское или Хасавюртовское, после чего ее власть укрепляется, в том числе с помощью выборов, а «миротворцы» включаются в «процессы политического участия», в том числе «неформальные».

Из доклада Генерального секретаря ООН «Развитие и международное экономическое сотрудничество. Повестка дня для развития» (6 мая 1994 г.):

«Демократия является единственной долгосрочной основой для балансирования сталкивающихся этнических, религиозных и культурных интересов таким образом, чтобы свести к минимуму опасность ...внутреннего конфликта. ...Демократия неотделима от вопроса об управлении (глобальном – Авт.), который затрагивает все аспекты деятельности в целях развития...»³⁰ (курс. – Авт.).

Здесь тот самый случай, когда текст по своей красноречивости значительно превосходит любые возможные комментарии.

Остается лишь констатировать, что термины «демократия», «права челове-

ка», «гражданское общество» и т.д. упоминаются во всех последующих документах ООН такое количество раз и в таком разнообразии сочетаний и ракурсов, что ни процитировать, ни просто пересчитать их не представляется возможным.

Таким образом, главное – это постоянное сближение понятий «устойчивое развитие» и «глобальное управление». Инструментом их практического осуществления в сфере политики служит «демократия», ресурсом – «окружающая среда», а объектом воздействия – «глобальное гражданское общество», составленное из людей и организаций, которые «действуют» во всех структурах и на всех уровнях – «официально и неофициально». (Та же схема и в экономике, только «демократию» в ней заменяет «рынок»).

Второе, что важно: подвижность рекомендуемого авторами «НГС» видения морали и нравственности. Сначала они преподносятся в качестве «ценностей», затем – в значительной степени усеченных «прав и обязанностей», из которых изымаются такие демократические императивы, как право на жизнь, свобода, солидарность и т.д. Причем, сами эти «права и обязанности» в одном случае выдаются за «моральные условия» глобального управления, а в другом – укладываются в

фундамент его «качества», достигаемого распространением данных установок на всю «глобальную общину» и превращением их в источник мотивации ее «лидеров». Именно этой последней, откровенно тоталитарной трансформации глобальных «ценностей» в унифицированную трактовку мотивов «устойчивого» поведения присваивается звучное наименование «глобальной гражданской этики».

И, наконец, третье, что следует подчеркнуть: предпринимаемую при поддержке глобалистских квазирелигиозных кругов попытку некоей духовной унификации человечества – на атеистической, космополитической, «неокочевнической» (по Ж.Аттали) основе. Следовательно, речь идет о полном и окончательном отрешении человека от своих традиционных духовных корней, которые однозначно связаны с доминирующими религиями и поместными церквями, а, в конечном счете, с Историей, которую пытаются обесценить, низвести до атавизма, возведя тем самым на пьедестал описанные Оруэллом уэллсовские социально-биологические и социально-экологические комплексы.

Как тут не вспомнить знаменательное пророчество св. Иоанна Кронштадтского: «Демократия – в аду, на Небе – Царствие».

Окружающая среда и «устойчивое развитие»: идеология и институты

Развитие глобального управления в экономической и экологической сфере отражается уже рассмотренным преобразованием «Повестки дня на XXI век» в «Цели развития тысячелетия» («ЦРТ») и далее – в «Глобальное партнерство по целям развития».

Первое, что обращает внимание, – поэтапное соответствие этим преобразованиям тех коррективов, которые стали вноситься в «глобальный план». Так,

на первом этапе, еще в рамках «Повестки дня на XXI век», изменениям подвергся изложенный в «НГС» проект создания уже к 1997 г. в структуре ООН Совета экономической безопасности (СЭБ). Экономический и социальный совет ООН (ЭКОСОС), который Комиссия по глобальному управлению рекомендовала упразднить, сохранился. А СЭБ, как упоминавшийся проект⁴ еще одного Совета безопасно-

сти ООН – по экологии, так и не был создан.

На втором этапе, при переходе к «ЦРТ», ЭКОСОС, с одной стороны, был увязан с Программой ООН по развитию (ПРООН), который передали функции «глобального экологического органа», а с другой – под руководство ЭКОСОС перешла Комиссия ООН по устойчивому развитию. Таким образом, была упорядочена взаимосвязь в системе институтов, призванных восполнить отсутствие СЭБ. В полной мере добиться этого организаторам и исполнителям «глобального плана» не удалось. В итоге часть глобально-управленческих функций в экономической сфере, как увидим, оказалась выведенной из системы ООН.

На третьем этапе с формированием в 2000–2005 гг. «Глобального партнерства по целям развития» данная корректировка продолжилась. В сфере ООН продолжилось укрепление ЭКОСОС. Сегодня это исполнительный орган ПРООН. Семь его представителей на равных с семью членами Совета Безопасности ООН входят в руководящий орган Комиссии ООН по миростроительству – Организационный комитет.

Активизировались процессы и вне системы ООН. Так, существенно повысился статус глобальных финансовых институтов – МВФ, других структур «вашингтонского консенсуса», а также Группы Всемирного банка. Кроме того, появилась «Группа двадцати», тесно связанная с образованным вокруг БМР Базельским клубом. До этого она представляла собой «спящий» консультативный орган, функционировавший с 1999 г. в формате министров финансов и глав центробанков.

Главные вопросы о том, почему не состоялся СЭБ и каковы дальнейшие перспективы этого проекта – тщательно обходятся.

Связано ли это с созывом Саммита тысячелетия, положившего начало пятилетним циклам Всемирных саммитов ООН по развитию?

Или с провалом на данном этапе реформы ООН?

Или создание СЭБ просто отложено «до лучших времен», например, до 2020 г., который фигурирует в ряде документов Комиссии ООН по миростроительству в качестве некоего «рубежа»?

Или избран вариант с возведением на глобально-управленческий пьедестал «Группы двадцати»?*

А, может быть, в 1996–1997 гг. случилось нечто такое, что сделало предусмотренное проектом СЭБ внедрение жесткой глобально-управленческой модели излишним или вообще неактуальным и «глобальную игру» посчитали возможным успешно завершить и без СЭБ – так сказать, «малой кровью»?

Тогда что именно произошло? Повторное избрание в США Б.Клинтон, а в России – Б.Н.Ельцина со всеми вытекающими отсюда последствиями для системы неформальных международных обязательств? Или успешное для США и НАТО развертывание операции по расчленению Югославии, подкрепленное Дейтонским соглашениями, за которыми последовали события в Косово, бомбардировки Белграда и т.д.?

В любом случае, представляется, что проект СЭБ со счетов сбрасывать рано. Хотя бы потому, что вмененные ему авторами «НГС» задачи по-прежнему реализуются, но с помощью других институтов. А это свидетель-

* На взгляд автора, это маловероятно, ибо наделение «двадцатки» распорядительными функциями без введения ее в систему ООН может породить «глобальное двоевластие».

ствует о неизменности общефилософского замысла «глобального плана».

Возвращаясь с этим к анализу доклада, прежде всего, следует подчеркнуть, что проблематика «устойчивого развития» в нем тесно связана с экономикой и темой природных ресурсов. В частности, указывается место «мировых ресурсов» в общей концепции глобального управления (гл. I, С. 43–53), роль «окружающей среды» в системе глобального экономического управления (гл. IV, С. 153–156), а также загримированный под «Защиту окружающей среды» порядок управления «глобальным общим достоянием» (гл. IV, С. 228).

Главными проблемами в сфере окружающей среды и «устойчивого развития» «НГС», вслед за документами Римского клуба, признает увеличение численности населения и экономический рост, которые «легли тяжким бременем на природные ресурсы и экологическую обстановку»². И далее: «Имеется множество свидетельств ширящейся деградации окружающей среды, вызванной деятельностью человека: снижение плодородия почв и их эрозия, выбитые пастбища, наступление пустынь, исчезновение лесов, загрязненный воздух и отравленная вода. Добавим к этому новые сложности, связанные с изменением климата и появлением озоновых дыр»².

С «озоновыми дырами», кстати, вышел очередной конфуз. В резолюции XIX специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1997 г.) читаем, что «продолжается быстрое разрушение озонового слоя, и в этой связи необходимо укрепить режим Монреальского протокола... (этот протокол 1997 г. по веществам, разрушающим озоновый слой, является дополнением к Венской конвенции 1995 г. – Авт.)²⁴». В докладе генсека Саммиту тысячелетия (2000 г.)

черным по белому записано прямо противоположное: «Возможно, наиболее успешным международным соглашением в области окружающей среды на сегодняшний день является Монреальский протокол, в котором государства согласились с необходимостью постепенного прекращения использования веществ, разрушающих озоновый слой»¹⁹.

Одно из двух: или эта проблема за три года рассосалась без всякого «протокола», силами самой природы – по воле человека за такой короткий срок столь радикальные перемены, к тому же осуществляемые «постепенными» темпами, не происходят. И тогда «вброс» темы «озонового слоя», как, видимо, и некоторых других тем, является не чем иным, как спецоперацией.

Либо «дыра» как была, так и осталась, и, следовательно, имел место сбой бюрократической системы глобального управления, одна рука которой не знала, что делает и пишет другая.

Однако оставим этот эпизод на совести авторов доклада и функционеров ООН. Лучше обратим внимание, что «не менее значимыми факторами» обострения экологической ситуации в «НГС» признается (sic!) «осознание людьми своих прав и их растущие возможности самим определять собственную судьбу»².

«Этим странам («третьего мира» – Авт.) необходимо помочь выбраться из нищеты... Однако, одолевая бедность, они **повысят уровень жизни, что, в свою очередь, приведет к росту потребления.** Мир должен найти такие пути, которые обеспечат избавление от нищеты, не ставя под угрозу безопасность окружающей среды. Развивающиеся страны должны получить доступ к технологиям, которые позволят **снизить потребление ресурсов** (например, к энергосберегающим). Для поддержания использования **мировых ресурсов** в ра-

зумных пределах, пока беднейшие страны будут добиваться повышения своего жизненного уровня, *богатые общества должны снизить уровень своего потребления*² (курс. – Авт.).

Что это – просто популистский лозунг? Нет, дьявол, как всегда, в деталях.

Во-первых, вспомним пресловутый «датский текст», предлагавший предложить развитому миру Запада двукратные, по сравнению с развивающимися странами, преференции по «парниковым выбросам» на душу населения. Ясно, что при таком подходе, особенно когда в «третий мир» сбрасываются наиболее «грязные» производства, беднейшие страны не имеют возможности справиться с нищетой не просто в обозримой перспективе, но вообще никогда. Это недостижимо даже и без «датского текста», ибо энергосберегающие технологии в значительной мере относятся к перечню высоких и потому большинству бедных стран просто не по карману, а максимальный потенциал широко рекламируемого перехода к использованию «возобновляемых» источников энергии, по оценке Председателя правительства России В.В.Путина, не превышает 8–10%³¹.

Про действительную альтернативу ископаемым энергоресурсам – ядерную энергетику, – в докладе, разумеется, ничего позитивного не сказано. Это табу!

Во-вторых – и это самое главное – авторы доклада призывают отнюдь не поднять уровень жизни развивающихся стран до уровня развитых, а наоборот, ввиду угрозы роста потребления не допустить такого подъема, то есть, как мы уже убедились на примере докладов Римскому клубу, опустить уровень потребления в мире в целом через деиндустриализацию и зафиксировать его на этом низком уровне, обеспечив удов-

летворение лишь утилитарных потребностей. Для этого предполагается задействовать весь перечень «инновационных» отраслей Римского клуба, прежде всего химические и биологические технологии, особенно в сфере создания генно-модифицированной продукции, как раз и решающей проблему численности населения посредством радикального снижения репродуктивной функции в перспективе третьего-четвертого поколений.

В-третьих, добиться этого предполагается с помощью установления над ресурсами глобального контроля. Следим за общей логикой изложения этой темы в первой главе доклада по пунктам: на стержень «Населения» и «Ресурсов Земли» («мировых ресурсов») последовательно нанизываются «Глобальные СМИ», «Проводники перемен в гражданском (то есть управляемом извне – Авт.) обществе» и «Активизация роли людей». В сумме получается «Просвещенное руководство»². Это вверху, а внизу, как помним, – «коллективный суверенитет» и «глобальная гражданская этика».

Похожая логика и в четвертой главе: «Устойчивое развитие и Программа-XXI» – «Рыночные инструменты и окружающая среда» – «Глобальное общее достояние» – «Принципы глобального экологического управления». И в заключение – «Финансирование глобального управления»².

Следовательно, управление природными ресурсами, с какого боку к нему ни подходят, неизменно выводится на глобальный уровень.

Тогда в чем терминологическое различие между «мировыми ресурсами» и «глобальным общим достоянием»? А вот в чем.

Управление «мировыми ресурсами» пока рассматривается лишь перспективно, в то время как управление «гло-

бальным общим достоянием» – это реальность, уже существующая, но признающаяся в «НГС» недостаточной. Иначе говоря, термин «глобальное общее достояние» пока намного более узкий, чем термин «мировые ресурсы», к которому причисляются абсолютно все ресурсы, а не более или менее широкая выборка из них. Но «глобальное общее достояние» – еще и более конкретный термин.

«Глобальное общее достояние включает ...атмосферу, космическое пространство, океанические воды за пределами национальной юрисдикции и другие аналогичные жизнеобеспечивающие системы, необходимые для поддержания человеческой жизни.

...Договоры (по охране глобального общего достояния – Авт.) ...контролируют *атмосферу, океаны, находящиеся под угрозой уничтожения виды животного и растительного мира, Антарктику и торговлю токсичными отходами*. Важную роль в переговорах по этим соглашениям и в их осуществлении приобрела Программа действий по окружающей среде (ЮНЕП)... НПО, такие как Всемирный союз охраны природы, Институт мировых ресурсов, Всемирный фонд защиты дикой природы (WWF), также внесли большой вклад, создавая благоприятную атмосферу для официальных акций по улучшению управления в сфере охраны окружающей среды»² (курс. – Авт.).

Управление «глобальным общим достоянием» – атмосферой, биоресурсами, Антарктикой и т.д. – осуществляется многократно упоминавшимися нами международными конвенциями: по изменению климата, по биологическому разнообразию, по озоновому слою. (Отметим также особую роль перечисленных в этой цитате глобальных НПО).

Для остальных составляющих тоже имеются соответствующие конвенции, но они пока менее «раскручены» в ин-

формационном поле, чем перечисленные. Но так будет не всегда.

«Несмотря на то, что сейчас такие глобальные проблемы, как истончение озонового слоя, встречаются куда больше понимание, нежели несколько лет назад, более жизненно важным вопросам – *снабжению питьевой водой и ее качеству, истощению почв, наступлению пустынь* – уделяется гораздо меньше внимания»² (курс. – Авт.).

Сказано – ясней некуда. Вода и почвы, а также леса, препятствующие наступлению пустынь, – это, в частности Байкал, Черноземье и Сибирь, то есть территория России и потенциал роста «глобального общего достояния» одновременно. Если и эта дилемма будет разрешена в пользу «глобального плана», а также, надо полагать, после предусмотренного им глобального разоружения, наступит черед уже и углеводородных, редкоземельных и многих иных ресурсов, до которых на тот момент еще не дотянется рука «гуманитарного вмешательства».

Итак, из «НГС» следует, что «глобальное общее достояние» будет расширяться до тех пор, пока не совпадет с «мировыми ресурсами». Для контроля над сегодняшним «глобальным общим достоянием» наиболее актуальны «устойчивое развитие», «Цели развития тысячелетия», рыночная экономика и глобальное управление экологией. Но уже завтра могут потребоваться управляемые глобальные СМИ, а также управляемая активизация роли людей и НПО – не только отдельных, но и всего «глобального гражданского общества» в целом:

«Отсутствие ...единого подхода и контроля над глобальным общим достоянием становится все более очевидным. ...Только **один орган** должен нести общую ответственность, в том числе за осуществление связанных с общим достоянием договоров в экологической сфере... Мы

считаем, что такую роль следует предложить Совету (ООН – Авт.) по опеке...

...Крупной неудачей конференции в Рио стало то, что она не смогла достичь согласия относительно принятия Хартии Земли..., и не добилась заключения соглашения по обеспечению дополнительных ресурсов (природных – Авт.) для развития (устойчивого – Авт.)»² (курс. – Авт.).

Не забудем, что «Хартия Земли» – одновременно и «глобальная конституция», и глобальная сетевая организационная структура с руководящими органами. И что возглавляет ее Горбачев, давно уже ратующий за «глобальную перестройку».

Вот тезисы, «развивающие» эту тему:

Из резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по докладу Генерального секретаря, посвященному ходу выполнения «Повестки дня на XXI век» (1997 г.): «Необходимо предпринять дальнейшие усилия для содействия ...интеграции деятельности в области окружающей среды и развития с помощью соответствующих нормативной и регулятивной политики, инструментов и механизмов обеспечения исполнения на национальном, провинциальном и местном уровнях»²⁴ (курс. – Авт.).

А это уже выдержки из доклада самого генсека Саммиту тысячелетия:

«По общему мнению, выбросы двуокиси углерода являются главной причиной изменения глобального климата, а главный источник таких выбросов – сжигание ископаемого топлива. ...За период после 1972 г., когда ООН впервые созвала глобальную конференцию для рассмотрения экологических вопросов (Стокгольмская конференция по окружающей среде – Авт.), мы достигли определенного прогресса. Эта конференция привела к созданию по всему миру министерств по охране окружающей среды, учредила Программу ООН по окружающей среде и способствовала широкому распространению организаций гражданского общества природоохранного направления.

Двадцать лет спустя Конференция ООН по окружающей среде и развитию (в Рио-де-Жанейро – Авт.) заложила основы для заключения соглашений, касающихся изменения климата, лесов и биологического разнообразия...

Признавая, что в основе проблемы изменения климата лежат экономические причины, Протокол (Киотский – Авт.) стремится привлечь к поиску необходимых решений частный сектор.

...Я призываю участников Саммита тысячелетия содействовать принятию и осуществлению Киотского протокола...

...«Механизм чистого развития» позволяет промышленно развитым странам зарабатывать связанные с выбросами очки за осуществление инвестиционной деятельности, не вызывающей пагубных последствий для климата, в развивающихся странах, где эти инвестиции будут приводить к снижению существовавших до этого уровней выбросов парниковых газов. Эти очки засчитываются в счет обязательств по сокращению выбросов, которые промышленно развитые страны должны выполнять. ...Перспектива получить такие очки стимулирует богатые страны к тому, чтобы осуществлять в бедных странах инвестиционную деятельность, способствующую экономии энергии»¹⁹ (курс. – Авт.).

Здесь практически вся экологическая мифология «устойчивого развития». И контроль над государственной политикой с помощью министерств по окружающей среде, и международные конвенции, управляющие «глобальным общим достоянием», и ставка на ТНК, и торговля квотами на «парниковые выбросы», интерес к которым, как отмечалось⁴, проявляют все без исключения глобальные олигархи, и многое другое.

А далее обрисованы состояние и перспектива расширения «глобального общего достояния» в сторону его приближения к «мировым ресурсам»:

«Я настоятельно призываю промышленно развитые страны рассмотреть возможность предоставления беспоплатно-

ного и неквотируемого доступа для всего ...экспорта из наименее развитых стран...

Заглядывая в будущее, мы видим серьезную угрозу в том, что исчерпание ресурсов, прежде всего запасов пресной воды, а также острые формы деградации окружающей среды могут привести к непредсказуемому, но потенциально опасному усилению социально-политической напряженности»¹⁹ (курс. – Авт.).

Что экспортируют «наименее развитые страны»? Природные ресурсы, в которых нуждаются развитые. А открытие всех «шлюзов» призвано обеспечить конкуренцию и снижение на них цен. ВТО, прежде всего, именно для этого и существует!

Абсолютное большинство всех перечисленных здесь тем красной нитью проходят через все последующие документы ООН – вплоть до Итогового документа Всемирного саммита 2010 г.

Переходим к предложениям авторов «НГС» в сфере глобальных институтов.

Разумеется, в первую очередь речь пойдет о СЭБ. Поскольку в основе этой идеи находилось функциональное (именно функциональное!) разделение центров принятия экономических и политических решений при сохранении фундаментального единства глобального экономического и глобального политического управления, общий замысел СЭБ является политическим, а не экономическим. А именно: обойти заложенное в Устав ООН право «вето» для постоянных членов ее Совета Безопасности и создать под предлогом продиктованной глобализацией «экономической взаимозависимости» новый, параллельный Совбезу руководящий орган ООН, в котором это право «вето» отсутствовало бы.

«...Различные варианты включают..., например, упрочение авторитета Совета Безопасности путем расширения его ком-

петенции за счет экономических вопросов или создание особого органа в рамках ООН, по структуре подобного Совету Безопасности, но полностью от него независимого.

Взвешивая оба варианта, Комиссия (по глобальному управлению – Авт.) отдает предпочтение последнему. ...В отличие от нынешнего Совета Безопасности, деятельность СЭБ будет основана на консенсусе и права вето в ней не предусматривается. Более того, краткосрочный характер решений Совета Безопасности и его поглощенность ...проблемами мира и безопасности превращают его в неподходящую модель для СЭБ, который будет ...занят разработкой политики и правил.

...Членство в нем будет обусловлено разнообразными критериями.

Во-первых, крупнейшие экономические державы мира будут представлены в СЭБ по своему праву...

Во-вторых, должно соблюдаться сбалансированное представительство регионов; оно, как и участие малых государств, будет обеспечиваться избирательной системой.

В-третьих, должна быть предусмотрена достаточная гибкость, чтобы входящие в СЭБ страны, являющиеся также членами, например, Европейского союза либо какой-либо из крепнущих региональных групп ...могли бы принимать участие в его деятельности от имени всех своих членов.

И, наконец, по членству, СЭБ не должен превышать состав реформированного Совета Безопасности (23 члена)»² (курс. – Авт.).

Перед нами – развернутая программа действий. Еще раз подчеркнем: то, что СЭБ не сложился, не является основанием для отказа от рассмотрения ни общеполитического замысла «глобального плана», ни конкретных его пунктов. Вместо СЭБ эти меры сегодня осуществляются ПРООН, ЭКОСОС, «Группой двадцати» в части финансового регулирования, а в политическом планировании – Комиссией по миростроительству и другими структурами внутри и вовне ООН.

Во-первых, в докладе открыто говорится о том, что СЭБ займется «политикой и правилами», то есть превратится в орган, создающий «правила игры». Совету Безопасности же отведут текущие дела, по-видимому передав стратегические аспекты политического планирования и управления Комиссии по миростроительству.

Во-вторых, в докладе упоминается глобальная «избирательная система». Это то самое, что в первой части статьи названо «Глобальной экологической схемой» (ГЭС), которая является совместным проектом ПРООН, ЮНЕП и Всемирного банка.

«Этот проект представляет собой новшество, дающее возможность развивать новые формы управления, – говорится в докладе. – Особый интерес вызывает ее избирательная система*, с помощью которой схема пытается сочетать представительность с эффективностью».

...Для обеспечения участия в работе СЭБ всех членов ООН будут во все возрастающей степени использоваться системы избирательных округов, ротации и консультации...». ...ГЭС представляет собой пусть и небольшой, но весьма полезный шаг к расширению инструментария и базы финансирования Программы-XXI («Целей развития тысячелетия»)².

Как видим, предлагаемая система представительства и процедура принятия решений не только не позволяют России и другим субъектам бывшего СССР претендовать на серьезные позиции в заменивших СЭБ специализированных учреждениях ООН, но и ставят

нашу страну – в случае участия в этой схеме – перед перспективой «разборок» по каждому конкретному вопросу с враждебно настроенными восточноевропейскими соседями, лишая всякой возможности отстаивать свои интересы с помощью апелляции к руководству ООН. И все это, подчеркиваем еще раз, должно будет происходить не «по политике», а «по процедуре».

В-третьих, предусмотренная авторами «НГС» «гибкость членства», включающего представительство региональных групп, также не распространяется на Россию. Ибо единственно продуктивная для нашей страны интеграционная модель в ее традиционных границах – это восстановление единой государственности. И она, по определению, не влечет за собой возможности для нас представлять в глобальных структурах от региональной группы. Как установлено, вне единой государственности элиты бывших советских республик тянутся не к созданию такой группы, а к включению во внешние группы.

В-четвертых, упоминаемый в документе «консенсус» по принятым в международных отношениях правилам не должен противопоставляться праву «вето», как это делается в докладе. Такое право, напротив, предоставляется каждому, а не только «избранным». Польша и Чехия, отстаивая свои национально-государственные принципы, едва не торпедировали Лиссабонский договор Европейского союза, и осталь-

* Структура этой «избирательной системы» и особенности функционирования таковы: «ГЭС охватывает более 100 государств, однако в ее руководящий орган входит всего 32 чел., каждый из которых представляет свой «избирательный округ». 16 созданы в развивающихся странах, 14 – в индустриальных и 2 – в Восточной Европе. Входящие в каждый округ страны избирают в руководящий орган своего представителя и его дублера. Новые члены включаются в работу в уже существующем соответствующем «избирательном округе». Документы распространяются среди всех стран-членов. Каждый «избирательный округ» определяет свою собственную процедуру проведения консультаций и принятия решений»².

ные, в том числе намного более сильные и влиятельные члены ЕС, вынуждены были во избежание этого пойти им на уступки.

Если же подчеркивается, что консенсус вообще не предусматривает права «вето» (!), то, следовательно, ставка делается на управление совсем иными способами. Например, с помощью все того же проамериканского «агрессивно-послушного большинства» или «неформальных договоренностей».

Поскольку автоматическое членство в СЭБ получают ведущие экономические державы Запада (по объему ВВП, исчисляемому на основе паритета покупательной способности), прежде всего англосаксонские державы, то, следовательно, именно они и собирались управлять этим консенсусом.

В-пятых, СЭБ предполагалось созывать дважды в год: один раз на уровне глав правительств, другой – министров финансов². В промежутках между этими сессиями координирующие функции отводились упоминавшемуся⁴ межправительственному органу – Комиссии ООН по устойчивому развитию, обеспечивающей «политическое руководство в сфере устойчивого развития, ... в выполнении Программы-XXI»². Или «Целей развития тысячелетия».

Что мы наблюдаем сегодня? Главы государств и правительств действительно объединены в структуре ООН, а вот министры финансов вместе с председателями центробанков выведены из системы ее органов и решают свои задачи в формате «Группы двадцати» и Базельского клуба.

Но с 2008 г. межправительственный формат «двадцатки» также переведен на высший уровень, а министры финансов, которым предлагалось раз в год собираться в рамках главного планирующего органа ООН, теперь, по сути, задвинуты на исходные позиции – в непубличный Базельский клуб.

О чем говорят все эти метаморфозы?

Прежде всего о том, что ЭКОСОС, даже полномочный и делегирующий своих представителей в Комиссию по миростроительству, не является равноценной заменой СЭБ, который мыслился «супер-институтом», формирующим «порядок и правила» глобальной игры. И поэтому формирование «порядка и правил» «площадки» ООН перенесено за ее пределы.

Что-то в сценарии, изложенном в «НГС», не срабатывает, но обольщаться рано. Система отнюдь не проседает, а продолжает двигаться к намеченной цели, пусть и обходными путями. Кроме того, нельзя поручиться, что эти пути действительно обходные, и глобальная функция «двадцатки» не получит международно-правовой легитимации на уровне ООН задним числом, как это, например, случилось с американской оккупацией Ирака.

Открытым также остается вопрос о возможном дополнении функций «двадцатки» в сфере глобального экономического планирования такими же глобальными планирующими функциями уже в политической сфере. Игра далеко не сыграна, а возможно и вообще только начинается.

В-шестых, СЭБ признается системообразующей структурой глобального экономического управления:

«...В число основных международных «общественных благ», которые должны обеспечивать глобальное экономическое управление, входят:

– система финансовой стабильности: стабильная валютная система, способность справляться с серьезными спадами и потрясениями системы, разумное регулирование международных финансовых рынков;

– примат законности: для функционирования открытой системы торговли, инвестиций, передачи технологий, обеспечения взаимоприемлемого механизма разрешения спорных вопросов;

– инфраструктура и институты: общие стандарты мер и весов, времени и многих технических спецификаций, согласованная система управления и поддержания свободы мореплавания и находящихся в общем пользовании сетей телекоммуникации и аэронавигации;

– экология: защита глобального общего достояния и надлежащая политика поощрения устойчивого развития;

– равенство и социальное согласие: экономическое сотрудничество в самом широчайшем смысле, включая международное содействие в развитии и помощь пострадавшим от катастроф»² (курс. – Авт.).

Отметим здесь, что если «открытая система торговли» (ВТО) действует по правилам, наносящим ущерб российской экономике (а это так), то это антироссийская система, и мы не имеем права присоединяться к ней, не оговарив себе условия, нас не ущемляющие. Если «инфраструктура и институты» ограничиваются тем, что перечислено в цитате, то это – замазывание глаз: институциональная база глобального управления в целом и глобального экономического, в частности, – намного шире. Если «защита глобального общего достояния» увязывается с «устойчивым развитием», то это прямая заявка на глобальный контроль над всеми «мировыми ресурсами» и т.д.

Самое главное – из приведенной цитаты следует, что если глобальное экономическое управление отвечает за систему «финансовой стабильности» и недопущение спадов, то одно из двух: либо оно в 2008–2009 гг. не выполнило своей задачи, либо разразившийся в это время кризис является управляемым (что, как увидим далее, к истине намного ближе). Помимо признания факта «регулирования международных финансовых рынков», на управляемость процесса указывает и призыв к созданию «системы финансовой стабильности».

Это требование «НГС» было исполнено неукоснительно. В 1999 г., одновременно с «двадцаткой» (в ее раннем, «спящем» формате) был создан Форум финансовой стабильности, который сразу же после активизации «двадцатки», на ее втором по счету Лондонском форуме, был преобразован в Совет финансовой стабильности (СФС). Он включил представителей национальных финансовых органов власти (центробанков, надзорных органов, министерств финансов), международных финансовых институтов, комиссий экспертов центробанков.

Итак, для чего же все-таки глобальное экономическое управление разделялось с политическим?

Ответ содержится в последнем пункте «общественных благ», которые обеспечиваются глобальным экономическим управлением, увязывающим этот круг вопросов с политическим управлением, а также в содержащейся в докладе посылке, что глобальные экономические вопросы не решаются без таких стран, как Китай и Индия. КНР и так является постоянным членом Совета Безопасности ООН. Не ради же одной только Индии формулировали такое глобальное предложение!

Следовательно, создание СЭБ направлялось против России и было призвано «подвести итоги» холодной войны таким же образом, как создание ООН с Уставом в основе и с Советом Безопасности во главе подвело итоги Второй мировой войны. То есть, речь шла о том, чтобы зафиксировать победу в холодной войне Запада и поражение в ней СССР, исключив Российскую Федерацию как его правопреемницу из клуба великих держав. Подобные идеи не раз звучали и на других уровнях, но здесь они, пусть и завуалировано, были сформулированы в качестве официальных предложений группы очень высокого уровня.

Что этому помешало, сказать трудно. Повторим, что когда от СЭБ все-таки отказались и подобное «подведение итогов» холодной войны сорвалось, отводившиеся ему функции были соответствующим образом перераспределены между другими институтами.

ПРООН как «ведущему глобальному экологическому органу» было отведено определение глобальной повестки дня в области окружающей среды и содействие последовательному осуществлению связанных с окружающей средой целей устойчивого развития в рамках системы ООН...»³². ЭКОСОС получил поддержку Саммита тысячелетия. «...Мы преисполнены решимости, – говорилось в Декларации тысячелетия, – продолжать укреплять Совет, опираясь на его последние достижения...»¹⁵.

Еще более заметная роль была отведена этому органу ООН в «Плане выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию», принятом саммитом в Йоханнесбурге (2002 г.). «...Подтверждается роль Совета как главного механизма координации деятельности системы ООН и ее специализированных учреждений...»³³.

Функции перешедшей под руководство ЭКОСОС Комиссии ООН по устойчивому развитию также были расширены по сравнению с теми, что отводились ей в проекте СЭБ.

Они подробно расписаны в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по «Повестке дня на XXI век» (1997 г.):

«Комиссии следует выполнять свои функции в координации с другими вспомогательными органами ЭКОСОС, в том числе разрабатывать ...рекомендации для ЭКОСОС...

Комиссии под руководством ЭКОСОС следует:

а) ...участвовать в этапах ежегодных заседаний высокого уровня Комиссии вместе с министрами и руководителями, от-

ветственными за вопросы окружающей среды и развития...;

б) ...Комиссии следует рассмотреть более эффективные методы дальнейшего выполнения обязательств, взятых в Повестке дня на XXI век...;

д) налаживать более тесное взаимодействие с международными учреждениями по вопросам финансов, развития и торговли, а также с другими соответствующими органами в рамках системы ООН и за ее пределами, включая Всемирный банк, Глобальный экологический фонд, ПРООН, ВТО, ЮНКТАД, ЮНЕП...;

е) расширять взаимодействие с представителями основных групп («глобального гражданского общества» – Авт.): научными кругами и НИИ, женщинами... и молодежью, коренным населением и его общинами, НПО, местными органами власти, ...профсоюзами, деловыми и промышленными кругами (все исключительно в целях «устойчивого развития» – Авт.).

...Деятельность Комиссии по ...энергетическим ресурсам и Комитета по природным ресурсам (оба упразднены уже после 2002 г., а их полномочия переданы самой комиссии – Авт.) ...более тесно увязать с программой работы Комиссии»¹⁵ (курс. – Авт.).

Обобщая рассмотрение подходов к глобальному экономическому управлению, заложенных в «НГС» и последующие документы, необходимо подчеркнуть следующее.

Во-первых, трансформация «Повестки дня на XXI век» («Программы-XXI») в «Цели развития тысячелетия» и далее – в «Глобальное партнерство по целям развития» произошла вследствие разделения в 2000–2005 гг. глобального управления на политическую и экономическую ветви, в каждой из которых сложилась собственная система институтов.

В системе глобального экономического управления ведущая роль отведена ЭКОСОС и находящейся под его руководством Комиссии ООН по устойчивому развитию. Их деятельность

направлена на реализацию повестки дня в экологической сфере, которая формируется Программой ООН по развитию. При этом структура институтов глобального политического управления, в частности, Оргкомитета Комиссии ООН по миростроительству, формируемой на основе представительства стран, входящих как в Совет Безопасности ООН, так и в ЭКОСОС, указывает на сохраняющуюся взаимосвязь экономической и политической ветвей глобального управления.

Несмотря на признание «ответственности государств за свое развитие», продолжает осуществляться курс на их эрозию. Инструментами этого курса в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г. в Нью-Йорке опять были названы «повышение вклада НПО, гражданского общества, частного сектора...», усилия которых, по мнению авторов, необходимо сосредоточить на налаживании «глобального партнерства в целях развития»²⁷.

Второе, что обращает внимание. Предложенный авторами «НГС» проект Совета экономической безопасности ООН явился, на наш взгляд, примерно такой же попыткой скрыть преимущественно политическое содержание «глобального плана», какой в эпоху холодной войны стал экологизм Римского клуба.

Эта концепция («устойчивого развития» – Авт.), – говорится в докладе, – занимает прочное место во всех дискуссиях о политике в экономической и экологической сферах»².

Распространение концепции «устойчивого развития» на политическую сферу, позволяющее идентифицировать ее с глобальным управлением, подтверждается ее официальной формулой: «экономический рост, социальное развитие, окружающая среда», то есть экономика, политика, экология.

Третий момент: внедрение в докладе важных понятий «глобальное общее достояние» и «мировые ресурсы». Соотношение их таково, что в настоящий момент сфера «достояния» ограничивается космосом, атмосферой, биосферой, мировым океаном и Антарктикой.

Однако ожидается включение в повестку дня вопроса о расширении «глобального общего достояния» за счет включения водных, почвенных и лесных ресурсов. За этим, по-видимому, последуют и остальные виды «мировых ресурсов», после чего оба понятия сольются и превратятся в концепцию (и политику) глобального контроля над всеми природными ресурсами планеты.

И четвертое. Не должна вводить в заблуждение усиленно насаждаемая авторами доклада «НГС» и других соответствующих документов позитивная мотивация предлагаемого комплекса мер, якобы направленного на изжитие нищеты в развивающихся странах и предотвращение войн. За этими «миролюбивыми» и «гуманистическими» формулировками скрывается очень простая вещь: стремление переустроить мир на тех принципах, по которым сформировалась и функционирует современная западная цивилизация, прежде всего ее англосаксонское ядро. В частности проект СЭБ носил однозначный антироссийский характер и выдвигался с целью официального закрепления итогов холодной войны на уровне, сопоставимом с тем, что было проделано в отношении держав «оси» после Второй мировой войны.

Российскую Федерацию, являющуюся обладателем весьма значительной части естественных природных ресурсов, наблюдающееся в последние десятилетия сосредоточение интеллектуальных, политических, идеологических и организационных усилий Запада в этой сфере не может не настораживать.

Глобальные налоги. Рыночная экономика и финансирование глобального управления

Разделение глобального управления на экономическую и политическую ветви повлекло за собой и разделение их основных инструментов. По мнению Генерального секретаря ООН, «ресурсом» развития является «окружающая среда», а «источником» – «демократия». Разумеется, в комплексе с «правами человека»³⁴. Это – формула глобального политического управления.

В глобальном экономическом управлении, как отмечалось, «ресурс» развития тот же – «окружающая среда». А вот «источником» служит уже не демократия, а «рынок», то есть рыночная экономика, которая именно поэтому, как и «демократия», является неотменяемой и не подлежащей обсуждению идеологемой «нового мирового порядка».

Итак, у глобального управления имеются два «инструмента». Политический – демократия и экономический – рынок.

Рынок обеспечивает «рациональное» управление природными ресурсами, демократия также «рационально», в духе «благого правления», руководит людьми.

Однако возникает вопрос: почему именно рыночный уклад оказался наиболее пригодным для реализации задач «благого» глобального управления?

Из доклада следует, что по ряду причин.

Во-первых, это обусловлено разоруженческим императивом: о том, что строительство «глобального общества» потребует централизации контроля над глобальными силовыми ресурсами, говорилось еще в Фултонской речи У.Черчилля.

Но не только. Военная история как ключевая часть национальной истории,

военная организация, военные традиции и т.д., а также сама армия как неперменный атрибут суверенитета – все это коренным образом противоречит и концептуальной букве, и духу глобализации и глобального управления. И потому не принимается их адептами от Уэллса до сопредседателей Комиссии по глобальному управлению, а также авторов и исполнителей «сердюковской» военной реформы в современной России.

Кроме того, демилитаризация рассматривается главным условием «миростроительства», ядром которого служат «превентивная дипломатия» и постконфликтное урегулирование, включающее в себя огромный комплекс вопросов, которые под разными предлогами эксплуатируются институтами и учреждениями ООН.

И, наконец, самое важное – с какой стороны к проблеме разоружения ни подойди, она всякий раз разворачивается против России и постсоветского пространства. По понятным причинам эта проблема буквально зациклена на демилитаризации бывшего СССР.

«Возвышение военщины во многих странах привело к созданию атмосферы неприятия и враждебности к демократическим ценностям и правам человека.

...В ряде стран демократия страдает из-за того, что армия захватывает доминирующие позиции в национальной политической жизни. ...Но даже в тех случаях, когда военные не стоят у власти, но их позиции и роль необычайно сильны, проявляются чуждые свободному обществу тенденции, подрывающие демократию, так как при распределении национальных ресурсов урезается доля, направляемая на развитие и другие социальные цели. Казарменному духу свойственны авторитаризм и секретность. ...В развивающихся

странах, где служба в армии является одной из немногих, обеспечивающих стабильную и хорошо оплачиваемую работу, особая привлекательность солдатского мундира может оказать (sic!) нездоровое воздействие на общество...

...Наращивание военного потенциала сверх того, что требуется для национальной обороны и поддержки деятельности ООН, представляет собой потенциальную угрозу безопасности людей.

...Мы выступаем за разработку долгосрочного **глобального плана действий**, который охватывал бы как экономический и социальный, так и военные аспекты **демилитаризации**.

...Поставленная такими существенными изменениями (распадом СССР и «восточного блока» – Авт.) перед глобальным экономическим управлением проблема представляется достаточно сложной: необходимо ...демонтировать гигантские и совершенные военные отрасли промышленности, не лишая при этом средств к существованию миллионы занятых в них людей. **Ясно, что населению некоторых из них придется пережить невероятные лишения и трудности**² и т.д. (курс. – Авт.).

Опять «глобальный план», и опять, как и во времена А. Печчеи, главным императивом такого плана называется разоружение. Но почему вопрос был поставлен именно так: «демилитаризация» – ценой «невероятных лишений и трудностей»? А вот почему:

«...Мотивированная политическими соображениями изоляция от мирового сообщества и мировой экономики в сочетании с акцентом на милитаризацию и **тяжелую промышленность** привели ...к застою и спаду. Усилия добиться прогресса через командную экономику оказались несостоятельными и привели к катастрофическим последствиям для окружающей среды...

Переход к рыночной экономике – чрезвычайно трудный процесс. Распад прежних структур вызвал повсюду резкий спад производства. Для многих лю-

дей качество жизни ухудшилось. **Ситуация в России и Украине, отмеченная значительным ростом смертности и преступности, вызывает особую тревогу**. Пока еще не ясно, сумеют ли эти страны долго удерживать правильное сочетание своего стремления к национальному освобождению с чувством взаимной ответственности, взаимного уважения и терпимости или достичь надлежащего равновесия между рыночными реформами и целями в политической, социальной, экологической и других сферах»² (курс. – Авт.).

Итак, во-вторых, путь к деиндустриализации, особенно в России и на Украине, пролегает через рынок и демилитаризацию. И неважно, какую цену за это заплатят (уже заплатили!) наши народы. Главное – чтобы «процесс пошел». Если же он не пойдет или зайдет не туда, придется ставить вопрос о соответствии этих субъектов «общепринятым» ценностям. Но пока не произошло разоружение – это проблематично, поэтому следует поторопиться самим и поторопить «этих русских».

Насчет «командно-административных» систем. Они для авторов доклада неприемлемы только лишь потому, что управление ими осуществляется не извне, а изнутри на основе принципа суверенитета. Такие системы в глобальные концепции не встраиваются иначе, чем на условиях собственного лидерства, а об этом варианте Западу даже подумать страшно.

В-третьих, рыночный подход увеличивает потенциал роста жизненно необходимых для глобального управления элементов «глобального гражданского общества» так называемых «новых акторов» в лице частного бизнеса (прежде всего, ТНК), а также «трудящихся», точнее, контролирующих состояние их интересов профсоюзных лидеров.

В-четвертых, не будем забывать, что рыночная экономика – это «естественная среда обитания» глобальных финансовых институтов, интересы которых находят отражение в докладе.

«ВТО и региональные группировки, такие как Европейский союз, будут в возрастающей степени сталкиваться с проблемой, которая займет господствующее место в международной экономической повестке дня...: как выработать правила для глубокой интеграции, которая далеко выходит за рамки того, что традиционно принято считать «торговлей»² (курс. – Авт.).

И, в-пятых, в приведенных цитатах упоминается «негативное» воздействие советской «командно-административной» системы на окружающую среду. В чем оно заключается? Здесь мы подходим к самому главному.

«Опыт последних лет подтверждает важность инструментов, которые сигнализируют ...о необходимости ...отказаться от расточительных способов производства, но они работают только в децентрализованных системах, основанных на рыночной экономике и совершенно не применимы к административно-командным структурам»² (курс. – Авт.).

Получается, что советская заводская труба дымит сильнее американской только потому, что управляется «командно-административным» способом.

Явный нонсенс! Подчеркнем его и движемся дальше:

«Расточительство (в командно-административной системе – Авт.) ...процветает потому, что потребители и производители не платят экономическую и экологическую цену полностью за то, чем пользуются.

...Всем правительствам следует в полной мере использовать политику, включающую экологические налоги, и взять на вооружение принцип «платит тот, кто загрязняет».

...Смягчить проблему глобального потепления можно было бы путем введения налога на пользование энергией или на

выбросы двуокиси углерода... Налог можно было бы использовать как первый шаг к созданию радикально иной системы налогообложения, в соответствии с которой налогом облагается пользование ресурсами... Это означало бы признание необходимости не допускать чрезмерного потребления ресурсов»² (курс. – Авт.).

Вот это – уже не нонсенс, а программный тезис, четко разъясняющий, что преодоление «командно-административной» системы и переход к рынку необходимы не из ненависти к первой или любви ко второму, а по абсолютно рациональному мотиву – для внедрения собственной модели управления мировой экономикой и, следовательно, мировой политикой и превращения ее в единую, унифицированную.

Если бы глобальная унификация по итогам холодной войны произошла на базе советской «командно-административной» системы, это бы обеспечило лидерство Советского Союза, а «рыночная» система – это часть западного, точнее, англосаксонского глобального проекта, и никакая экология здесь абсолютно ни при чем!

Сказано же в докладе: «Самая непосредственная задача глобального управления в сфере экологии заключается в предотвращении «трагедии общего достояния» – злоупотреблений общим экологическим достоянием из-за отсутствия должного управления»² (курс. – Авт.).

Иначе говоря, если обобщить названные факторы, которыми объясняется якобы императивная необходимость перехода постсоветских государств к рынку, то окажется, что в ее основе находятся две вещи.

Это, прежде всего, упоминавшееся стремление «подвести итоги» холодной войны, зафиксировав постсоветское пространство на том уровне социально-экономического развития, на который оно опустилось в результате

вызванной рыночными «реформами» деиндустриализации. Любой ценой не допустить возрождения России и, тем более, развития каких бы то ни было интеграционных процессов в СНГ.

И, кроме того, создать глобальную – «радикально иную» – систему налогообложения, то есть переформатировать мировые финансовые потоки и порядок пользования окружающей средой таким образом, чтобы они обеспечивали не государственные, а глобальные интересы. И установить за этим процессом непрерывный контроль. Это и называется «подведением итогов» холодной войны. Причем отнюдь не только экономических.

Остается выяснить, каким именно образом с помощью глобальных налогов осуществляется «рыночный» контроль.

Во-первых, реализация принципа «полной оплаты экономической и экологической цены», прелюдией к которому является принцип «платит тот, кто загрязняет», составляющий, как помним⁴, основу Рамочной конвенции ООН по изменению климата, – это настоящая экономическая удавка, глобальный тоталитаризм и терроризм в одной упаковке. Достаточно ввести это правило в полном объеме и становится возможным быстрое обрушение экономики любого государства и, следовательно, самого этого государства без всякого применения вооруженных сил.

Ведь цены на энергоносители – управляемые. Причем на глобальном уровне. Для этого, в частности, существует ОПЕК. Быстрый подъем нефтяных цен в 1973 г., отразивший договоренность, достигнутую между США и нефтеносными монархиями Персидского залива, привел к «войне Судного дня» на Ближнем Востоке, поспособствовав укреплению позиций Израиля и США. Такое же быстрое их падение в середине 80-х годов открыло дорогу

горбачевской «перестройке», а во второй половине 90-х годов привело к дефолту экономики уже Российской Федерации. Конечно, такое не представлялось возможным, пока как наша страна не подсела на «иглу» нефтедолларов.

В условиях рынка обрушение экономики любого государства можно осуществить и без обвала нефтяных цен, а только за счет спекуляций с ее валютой. Разумеется, если эта страна не замкнута на внутренний рынок и является членом Базельского клуба, в который Россия вступила 10 февраля 1996 г. – через неделю после создания под выборы Ельцина пресловутой «семибанкирщины».

Во-вторых, внедрение «радикально иной системы налогообложения» предназначено и для расширения источников прибыли, в которые включается торговля различного рода квотами.

«Разрешения с правом продажи используются в США вместо налогов как средство контроля над загрязнением окружающей среды. Правительство устанавливает контрольные показатели уровня загрязнения и выпускает разрешения, которые компании должны приобрести пропорционально своим объемам выбросов вредных веществ. Компании могут торговать такими разрешениями между собой без централизованного вмешательства»².

Итак, учрежденная Киотским протоколом «торговля квотами», по поводу которой так возбудились все ключевые глобальные банки, – лишь первая проба сил, и торговле воздухом (то есть, производству денег из ничего), подобно торговле индульгенциями, процветавшей в Средние века с благословения Святого престола, предстоит существенно расширяться.

Наконец, в-третьих, «глобальная рыночная экономика, в которой производство размещается там, где ...требуются наименьшие затраты и куда сво-

бодно перетекает капитал (но не рабочая сила), чтобы обеспечить максимальную прибыль»², играет важную роль в становлении космополитического «нового мирового порядка». Смысл ее, в соответствии с разработанной Ж.Аттали концепцией «нового кочевничества», приучить рабочую силу послушно перетекать вслед за капиталом без привязки к национальным, государственным или цивилизационным «условностям» и «атавизмам»³⁵.

Куда пойдут глобальные налоги и за что, по мнению авторов «НГС», их надлежит начислять?

«Взимание платы за пользование глобальным общим достоянием импонирует широким международным кругам по соображениям (sic!) экономической эффективности и защиты окружающей среды, а также **по политическим и финансовым причинам**. Подобная плата будет поощрять эффективное использование природных ресурсов и усилия по их сохранению, а также (sic!) **станет источником финансирования** институтов глобального управления, требуемых для установления контроля над глобальным общим достоянием и содержания его в надлежащем порядке»² (курс. – Авт.).

Следовательно, деньги из глобальных налогов пойдут на дальнейшее расширение «глобального общего достояния» до тех пор, пока оно не совпадет с «мировыми ресурсами». (Эта взаимосвязь нами уже установлена).

Обратим внимание и на муссирование политического аспекта глобального налогообложения. Налоговая система, как и армия, – атрибут суверенитета. Глобальная налоговая система – атрибут глобальной государственности.

«Можно принять ряд широких принципов для разработки схем глобального финансирования.

Во-первых, было бы уместно взимать плату за пользование некоторыми общими глобальными ресурсами, исходя из непос-

редственно экономических соображений и применяя рыночные инструменты.

Во-вторых, было бы справедливо, если бы все бремя финансирования не ложилось только на плечи небольшого числа индустриальных государств, а *распределялось бы шире и прогрессивно пропорционально*.

В-третьих, было бы полезно, чтобы новые фискальные системы не подменяли собой внутренние налоги и сборы, но (sic!) находили дополнительные источники финансирования.

...Мы намеренно не предлагаем *наделять властью налогообложения* какой бы то ни было орган в системе ООН. Плата за пользование, налоги, сборы – ...должны быть согласованы и одобрены в глобальном масштабе и закреплены в договорах или конвенциях. Связанные же с ними предложения могли бы быть выдвинуты в рамках системы ООН ...и обсуждены и одобрены Генеральной Ассамблеей до их оформления каким-либо международным соглашением, подлежащим принятию и ратификации.

...Мы считаем целесообразным изучить несколько возможных видов взимания оплаты с пользователей:

- надбавка к стоимости авиабилетов... – с каждого международного рейса;
- плата за пользование морским транспортом..., а также особая оплата за сброс отходов в морские воды...;
- плата за рыболовный промысел в открытом море...;
- специальная плата за осуществление ...деятельности в Антарктике...;
- плата (или поступления от аукционов) за место расположения геостанции – плата за право пользования спектром электромагнитных волн² (курс. – Авт.).

Из приведенного фрагмента видно, что глобальное налогообложение имеет как экономическую, так и политическую мотивацию, что его предполагается сделать международно-правовой нормой, обязательной к включению в национальные законодательства. Что «радикально иная» система налогооб-

ложения облагает субъекты хозяйственной деятельности дополнительными обязательствами, а сама она склонна к неограниченному расширению сфер своего контроля и затрагивает не только экономические и политические, но и военные интересы России. Следовательно, лишать нашу страну экономики и обороны будут исключительно на основе «рациональной целесообразности» ввиду неспособности выиграть у глобальных олигархов аукционы на лакомые куски собственного же достоинства, внезапно превратившегося в «глобальное» и «общее».

Актуальность проблемы финансирования глобального управления подтверждена итоговыми документами двух крупных международных конференций, проведенных в 2002 и 2008 гг. в Мексике и Катаре под эгидой ООН, – «Монтеррейским консенсусом» и «Дохийской декларацией». Не оказался в стороне и вопрос о глобальных налогах, хотя внедрение его явно не форсируется.

Тем не менее поступательное продвижение очевидно, о чем свидетельствует сопоставление следующих выдержек из этих документов (соответственно):

– «...Мы признаем необходимость обеспечения бюджетной устойчивости наряду со справедливыми эффективными системами налогообложения и управлением, а также повышением эффективности государственных расходов...»²²;

– «...Каждая страна сама отвечает за свою налоговую систему, вместе с тем важно поддерживать национальные усилия в этих областях путем наращивания технической помощи и расширения международного сотрудничества и участия в решении международных налоговых вопросов, в том числе в сфере двойного налогообложения. В этой связи мы признаем необходимость дальнейшего поощрения международного сотрудничества в налоговых вопросах и просим ЭКОСОС рассмотреть возможность укрепления институциональных механизмов...»³⁶ (курс. – Авт.).

Ясно? Двойное налогообложение – это именно то, что и предлагается в «НГС». И приведенная цитата – из документа не 90-х, а конца 2000-х годов!

Нам, конечно же, начнут рассказывать сказки, что имеется в виду не установить, а устранить двойное налогообложение, возникшее по вине государств из-за наличия у них границ и т.п. Но мы-то знаем, где, по крылатому выражению Горбачева, «собака порылась»!

Несмотря на то, что апология рынка и глобальные налоги в том виде, в каком эти проблемы представлены в «НГС», освещены достаточно подробно, все-таки считаем необходимым краткое резюме.

Прежде всего, подчеркнем, что противопоставление рынка «командно-административной» системе советского образца носит не экономический, а политический, точнее, проектный характер и отражает точку зрения авторов доклада и его заказчиков на глобальную перспективу как унифицированную по цивилизационным стандартам западного глобального проекта. Демократия и рынок, являясь инструментами глобального политического и экономического управления, обеспечивают реализацию западного глобального проекта – строительство «нового мирового порядка».

Факторами, превращающими рынок в идеологему «нового мирового порядка», также служат расширение перечня субъектов международных отношений за счет ТНК, НПО и других элементов «глобального гражданского общества». Глобализация экономики, осуществляемая с помощью международных финансовых институтов, действующих на глобальном и региональном уровнях, также тесно связана с рынком.

Следующее, что требует внимания, – это предлагаемая глобальная

налоговая система, о которой пусть тихо и осторожно, но начинают поговаривать в официальных структурах ООН – на примере приведенных нами документов по финансированию развития. У проблемы глобальных налогов несколько аспектов. Прежде всего, это универсальный инструмент якобы «естественного», осуществляемого без политического или силового принуждения «выкручивания рук» любому государству под предлогом загрязнения им окружающей среды как «глобального общего достояния» или проигрыша аукциона на соответствующие квоты потребления ресурсов. С помощью этих мер, в свою очередь, можно оказать воздействие, а при необходимости даже подорвать экономику такого негосоворчивого государства. Что это как не контроль над внутренней политикой, при котором государства фактически лишаются значительной части суверенитета?

Кроме того, план введения глобальных налогов представляет интерес для бизнеса, в первую очередь глобальных банков, в части, касающейся торговли квотами на потребление природных ресурсов.

С помощью глобальных налогов также решается проблема поэтапного расширения сфер «глобального общего достояния». Конечной целью можно считать включение в него всех мировых ресурсов.

Собственно экономический аспект глобальных налогов тесно связан с разоружением. От него логика этой проблематики ведет к деиндустриализации, от которой, в свою очередь, сильнее всего страдают тяжелая индустрия и технологии, особенно работающие на нужды оборонно-промышленного комплекса.

Очевидно, что наибольший урон от подобной политики в каждом из перечисленных аспектов понесли субъекты бывшего СССР, прежде всего Россия.

P.S. Поскольку нерассмотренными в этой части статьи остались сугубо политические вопросы – как включенные в «НГС» (например, проект реформы ООН), так и институциональные, касающиеся практической деятельности структур глобального управления – от ООН до Социнтерна, общие выводы переносятся в заключительную часть статьи.

Примечания

- ¹ *Павленко В.* Мифы «устойчивого развития» // *Обозреватель – Observer.* 2010. № 10. С. 5–27.
- ² *Наше глобальное соседство.* Доклад Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству. М., 1996. С. 5, 26, 46, 55, 338, 20, 294, 41, 146, 265, 266, 33–34, 61, 74, 89–90, 312, 314, 27, 83, 214, 32, 83–84, 86–87, 19, 22, 161–162, 7, 8, 18, 159, 28, 237, 264, 241, 263–265, 267–270, 61–63, 69, 70–71, 342–343, 22–23, 43, 45, 46, 48, 52, 54, 220–221, 223, 226, 228, 229, 261, 154, 222, 168, 169, 282, 167, 160, 90, 96, 134–135, 150, 39–40, 182, 223–225, 172, 232.
- ³ *Лебедева И.* Уловка-21 или Горбачев и десять заповедей // <http://old.fondsk.ru/article.php?id=2112&search>.
- ⁴ *Павленко В.* Мифы «устойчивого развития» // *Обозреватель – Observer.* 2010. № 9. С. 13–43.
- ⁵ *Четверикова О.* Бельгия, Испания, далее везде: механизмы переделки карты Европы // <http://fondsk.ru/article.php?id=1143>.
- ⁶ *Малинецкий Г.Г.* Сложность, нестабильность и судьба России // http://www.intelros.ru/2007/01/24/georgijj_malineckijj_slozhnost_nestabilnost_i_sudba_rossii_doklad_predstavlenyj_na_zasedanii_kluba_krasnaja_ploshhad_31_maja_2006_g.html.
- ⁷ Цит. по: *Семенко В.П.* Перед лицом «управляемого хаоса» // http://www.ni-journal.ru/archive/2005/n5_05/obsh505/krugst505/semenko505.

- ⁸ Теория международных отношений / Цыганков П.А. – ред. М., 2006. С. 178–183.
- ⁹ Архив полковника Хауса / Уткин А.И. – ред. В 2-х томах. М., 2004. Т. 2. С. 44–45; Т. 1. С. 211.
- ¹⁰ Уэллс Г. Яд, именуемый историей // Собр. соч. в 15-ти томах. М., 1964. Т. 15. С. 407.
- ¹¹ <http://www.earthcharter.ru/zchart.htm>.
- ¹² <http://www.earthcharter.ru/zorg.htm>.
- ¹³ Цит. по: Кригер И.Б. Философия Герберта Уэллса (канд. дисс.) // М., 2005. С. 90.
- ¹⁴ Леччен А. Человеческие качества // М., 1980. С. 262; Ласло Э. Цели для человечества. Доклад Римскому клубу // Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы / Гвишиани Д.М. – сост. «Революция сознания». М., 1997. С. 247; Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. Доклад (Отчет) Римского клуба // Там же. С. 228.
- ¹⁵ Документ ООН A/RES/55/2. С. 2; п. 30. С. 7–8; пп. 130, 133, 135.
- ¹⁶ http://www.un.org/russian/document/declarat/decl_wssd.html, п. 2. С. 1.
- ¹⁷ Документ ООН A/65/L.1, п. 37. С. 10.
- ¹⁸ Хазин М.Л. Теория кризиса. Доклад на конференции в г. Модене, Италия, 9 июля 2008 г. // http://www.zlev.ru/163/163_32.htm.
- ¹⁹ Документ ООН A/54/2000. С. 31–32, 11; п. 261. С. 50; 53–55, 33, 41.
- ²⁰ Документ ООН A/RES/63/239, п. 26. С. 7; п. 31, 36, 38. С. 9–10.
- ²¹ Гизе А. Вольные каменщики. М., 2006. С. 49.
- ²² Документ ООН A/CONF.198/11, п. 26, 27. С. 9; п. S. С. 5.
- ²³ Документ ООН A/RES/63/239, п. 3. С. 1; Документ ООН A/65/L.1, п. 20. С. 5.
- ²⁴ Документ ООН A/RES/S-19/2. С. 20, 26; С. 22, 34.
- ²⁵ Форум тысячелетия. Записка Секретариата // Документ ООН A/54/959. С. 1.
- ²⁶ Развитие и международное экономическое сотрудничество. Повестка дня для развития. Доклад Генерального секретаря ООН (6 мая 1994 г.). П. 118.
- ²⁷ Документ ООН A/RES/60/1. С. 1–2; п. 22. С. 4–5.
- ²⁸ Документ ООН A/47/277, п. 81. С. 24.
- ²⁹ Документ ООН A/247/77, п. 55. С. 17.
- ³⁰ Коммерсант. 2010. 30 августа.
- ³¹ Программа действий по дальнейшему осуществлению «Повестки дня на XXI век». Резолюция XIX специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 28 июня 1997 г. // Документ ООН A/RES/S-19/2. п. 123.
- ³⁴ Развитие и международное экономическое сотрудничество. Повестка дня для развития // Документ ООН A/48/935, п. 118. С. 23.
- ³⁵ Аттали Ж. Понятие «нация» станет отзвуком былых реалий // Россия в глобальной политике, 2007. № 2. Март-апрель
- ³⁶ Документ ООН A/RES/63/239, п. 16. С. 4.

Россия и региональные конфликты на постсоветском пространстве

Станислав Иванов

Завершение периода холодной войны и, как следствие, начало поэтапного сокращения мировыми державами своих арсеналов оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств их доставки, к сожалению, не привели человечество к долгожданному миру и уверенности в завтрашнем дне.

Пока ведущие игроки мировой политики продолжают по инерции с недоверием относиться к новым инициативам и практическим шагам друг друга, ведут неоправданно затянутые по времени переговоры по наиболее острым вопросам современности (нераспространение и дальнейшее сокращение ракетно-ядерного оружия, ядерных технологий двойного назначения и других средств ОМУ, ограничение производства и экспорта обычных вооружений, энергетическая, продовольственная, экологическая и другая безопасность) появились новые глобальные вызовы и угрозы нашей цивилизации (международный терроризм, транснациональная организованная преступность, распространение наркотиков, морское пиратство, эпидемии ранее неизвестных заболеваний, природные, техногенные и экологические катастрофы и др.).

При этом становится все более очевидным, что эскалация новых вызовов и угроз человечеству в значительной мере опережает разрешение существующих геополитических проблем, региональных и локальных конфликтов.

ИВАНОВ Станислав Михайлович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН. E-mail: s.ivanov@imemo.ru

Ключевые слова: региональные конфликты, человеческий фактор, новые вызовы и угрозы, мирное решение, роль России, международный терроризм.

Неспособность мирового сообщества, прежде всего претендующих на роль мирового лидера США, наладить цивилизованные международные отношения с Ираном, Северной Кореей, Сирией, решить вопрос с вакуумом власти в Сомали, нормализовать ситуацию в Ираке, Афганистане, Пакистане, разрешить мирным путем ключевые проблемы современности (палестинская, курдская, кашмирская, кипрская, нагорно-карабахская и др.) в условиях ускорения научно-технического прогресса и повышения роли человеческого фактора может привести мир к непредсказуемым катастрофическим последствиям. Дальнейшее расползание по миру ОМУ, прежде всего ядерных и других технологий двойного назначения, попадание их в руки лидеров тоталитарных режимов, неконтролируемых государствами военно-политических группировок, преступных организаций типа «Аль-Каиды», отдельных террористов, психически нездоровых людей становится все более опасным.

Определенный оптимизм в успешном преодолении потенциальных катастроф на планете вселяют последние высказывания руководителей ведущих мировых держав.

Так, Президент США Барак Обама во время своего недавнего визита в Россию, выступая в Российской школе экономики, заявил: «Накал идеологической борьбы снизился, но на ее место пришли конфликты на племенной, национальной и религиозной почве. Владелец компьютера ныне может хранить у себя такое же количество информации, как в Российской государственной библиотеке, но та же самая технология может причинить страшное зло»¹.

Российский Президент Д.А.Медведев в своем выступлении на 64-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН (24 сентября 2009 г.) также отметил: «Мы все надеемся на то, что холодная война уже позади.

Но мир не стал более безопасным, ...мировому развитию продолжают угрожать региональные и локальные конфликты, терроризм, трансграничная преступность...Мы намерены и дальше участвовать в поиске эффективных вариантов урегулирования региональных конфликтов...».

Уже сам факт общности оценок лидерами США и России современных проблем безопасности дает надежду на окончательное преодоление последствий холодной войны и успешное противодействие новым вызовам и угрозам.

Россия, неоднократно переживавшая природные, техногенные катастрофы и подвергавшаяся масштабным атакам террористов, принимает самое активное участие в решении проблем региональной и международной безопасности. Самостоятельно и с помощью мирового сообщества в стране ликвидируются запасы химического и биологического оружия, утилизируются вышедшие из строя ядерные реакторы, снятые с вооружения ядерные боезаряды, ядерные отходы, сокращаются арсеналы обычных вооружений, проводится работа по повышению уровня физической и технической защиты потенциально опасных для населения и жизненно важных объектов.

Российская Федерация активно участвует в урегулировании региональных конфликтов, миротворческих операциях различных форматов (ООН, ЕС, ОБСЕ, СНГ, ОДКБ), борьбе с международным терроризмом, трансграничной организованной преступностью, морским пиратством, нелегальной миграцией и наркоугрозой.

Свой вклад в повышение уровня международной безопасности Российская Федерация внесла и тем, что в основном разрешила свой **внутренний конфликт в Чечне**.

Сепаратисты, опиравшиеся на экстремистские исламистские группировки

внутри республики и за рубежом, потерпели политическое и военное поражение. К настоящему времени крупные бандформирования разгромлены, часть боевиков добровольно вышла из подполья и амнистирована, иностранные наемники и их эмиссары уничтожены или были вынуждены покинуть Чечню. И хотя вооруженные вылазки бандгрупп и теракты против представителей федеральных и региональных органов власти продолжаются, более того, они давно вышли за пределы Чечни и распространились по всему *Северному Кавказу*, все-таки эти действия уже не носят столь масштабного характера, как в предыдущие годы.

Уцелевшие боевики продолжают борьбу за влияние на местах, за перераспределение денежных потоков и ресурсов, за конкретные материальные ценности. Лидерами боевиков (эмирами) для вербовки в свои ряды молодежи активно используются нерешенные региональные проблемы социально-экономического характера: дотационный порядок финансирования местных расходов из федерального бюджета, назначения из Москвы региональных руководителей, не всегда пользующихся авторитетом в республиках, игнорирование властями всех уровней местных традиций и особенностей, клановость общества, высокий уровень коррупции, массовая безработица, нарушение прав человека и т.п.

Вместе с тем, на Северном Кавказе в настоящее время нет каких-либо серьезных национальных, этнических или религиозных противоречий и даже предпосылок к ним, за исключением сохраняющегося территориального спора между ингушами и осетинами за Пригородный район Северной Осетии. Очевидно, настало время Федеральному центру вплотную заняться этим конфликтом, который лежит плоскости финансово-экономической.

Дальнейшее затягивание сроков принятия Федеральной целевой программы по мирному переселению граждан осетинской и ингушской национальности с соблюдением интересов всех участников конфликта становится все более опасным для власти.

Деструктивные силы в регионе могут в любое время сыграть на нерешенности этого территориального спора и спровоцировать новую бойню между ингушами и осетинами.

Решив этот конфликт мирным путем, власти могли бы не только восстановить доверие между ингушами и осетинами, но и существенно повысить авторитет Федерального центра в регионе.

Анализ общей ситуации на Северном Кавказе показывает, что одними силовыми методами с бандитизмом и терроризмом покончить не удастся. Причины сохранения напряженности в регионе кроются в том, что до сих пор не удалось создать благоприятных условий для развития инфраструктуры и социально-экономической сферы республик Северного Кавказа. Вряд ли положение здесь улучшится до тех пор, пока бюджеты всех уровней, до села (аула) включительно, не станут сбалансированными: доходные и расходные их части должны стать примерно равными и не зависеть от решений вышестоящих чиновников.

Регион может и должен развиваться не за счет дотационных денег из Москвы, а заработанных самостоятельно и полученных на местах в виде налогов. Годами складывавшийся синдром финансово-экономической убыточности региона, больших рисков инвестирования в местную промышленность и инфраструктуру необходимо преодолевать.

Потенциально все республики Северного Кавказа самодостаточны: находятся в благоприятных климатических условиях, располагают необходимыми природными ресурсами, лежат

на пересечении стратегических коммуникаций, в Чечне есть нефть, Дагестан имеет выход на Каспийское море, а население продолжает увеличиваться.

Поэтому изменение законодательной базы в сфере налогообложения в пользу регионов и создание здесь свободной экономической зоны по меньшей мере на ближайшие 20–30 лет могли бы дать толчок экономическому развитию Северного Кавказа и решению накопившихся здесь социально-экономических проблем. Это позволило бы местным властям в короткие сроки развить инфраструктуру, рентабельные отрасли экономики, сельского хозяйства, привлечь российские и иностранные инвестиции и кредиты, решить наболевшие социальные проблемы (снизить уровень безработицы, возродить традиционные для региона промыслы и предприятия, построить новые школы, больницы, современное жилье, дороги, мосты и т.п.).

Таким образом, будет выбита почва из-под ног бандитов, их главари лишатся возможности вербовать молодежь в свои ряды. Перераспределение денежных потоков в пользу регионов нанесет также удар по сложившейся в России на всех уровнях системе коррупции в области сбора налогов и распределения бюджетных средств.

Существующая на сегодня система, когда 60% налоговых отчислений поступает в федеральный бюджет и лишь 4% – в региональные бюджеты – изначально оказалась ущербной. Если к этому добавить скудность самой налогооблагаемой базы на Северном Кавказе из-за неразвитости экономики и сельского хозяйства, массовой безработицы, то складывается самая удручающая картина.

Как известно, все наши крупные государственные компании, типа «Газпрома», зарегистрированы в Москве и Санкт-Петербурге. Они могут себе позволить за

счет бюджетных ассигнований покупать за миллионы долларов США и еврофутбольных игроков и производить другие нерациональные траты.

По словам руководителей Чечни и Ингушетии, через 10 лет, прошедших после окончания «контртеррористической операции», огромные территории республик останутся заминированными и на разминирование у них денег нет.

Это пример того, что выстроенная в России сегодня «вертикаль власти» не может из Москвы охватить все проблемы регионов и настало время поделиться Федеральному центру властью и финансовыми потоками с регионами.

Мы как-то незаметно перешли от одной крайности становления нашего государства, когда субъекты Федерации «брали столько суверенитета, сколько могли», к другой, по сути дела унитарной, модели власти в федеративном государстве.

Это противоречие начинает все больше отрицательно сказываться на устойчивом развитии государства.

В пользу таких корректив внутривнутриполитического курса и новых подходов к решению проблем северокавказских республик можно привести цитату из докладной записки царю Николаю II в 1907 г. наместника Российской империи на Кавказе графа И.И.Воронцова-Дашкова: «Я не допускаю возможности управления Кавказом из центра, на основании общих формул, без напряженного внимания к нуждам и потребностям местного населения, разнообразного по вероисповеданиям, по племенному составу и по политическому прошлому. Централизация допустима только тогда, когда она в силах внимательно следить за всеми проявлениями жизни населения на определенной территории и регулировать их в известном направлении; иначе она опасна, так как ведет к разобщению частей государства»².

Казалось бы, Москва наконец-то прислушалась к этому и создала новый Северо-Кавказский федеральный ок-

руг, в который вошли все 7 республик Северного Кавказа.

Полномочным представителем Президента России в нем назначен неплохо себя зарекомендовавший на посту губернатора Красноярского края, бывший управленец «Норильского никеля» А.Г.Хлопонин.

Но, во-первых, его сразу же назначили по совместительству еще и вице-премьером, что предусматривает двойное подчинение: и Президенту, и премьер-министру (другие представители Президента в округах премьер-министру не подчиняются).

Во-вторых, при этом никаких изменений в законодательные акты страны внесено не было.

Главы северокавказских республик, как и губернаторы, по сути, назначаются из Москвы, бюджеты республик остались непрозрачными и дотационными. Причем, во вливаниях финансовых средств Центра в отдельные республики просматривается явный субъективизм. Так, например, Чечне выделяется намного больше денег, чем другим республикам Северного Кавказа и центральной части России.

Любое неравенство и субъективный подход закладывают новые причины недовольства местных элит и народов политикой Федерального центра.

Есть определенная надежда, что Д.А.Медведев и его команда будут все-таки вынуждены предложить определенные поправки в наше законодательство для перераспределения полномочий и бюджетных средств в пользу регионов, что даст возможность стабилизировать ситуацию и на Северном Кавказе. Эта мера будет весьма полезной и для нормализации положения в других регионах страны.

В своей внешней политике российское руководство уделяет приоритетное внимание урегулированию **региональных конфликтов на постсоветском пространстве**, которые оказывают прямое воздействие на безопасность российского государства и затрагивают его национальные интересы.

К настоящему времени таких конфликтов четыре:

- грузино-абхазский;
- грузино-южноосетинский;
- нагорно-карабахский;
- приднестровский.

Два из них частично урегулированы путем признания Абхазии и Южной Осетии Российской Федерацией. Хотелось бы сразу отметить, что названия конфликтов чисто условны и ни в коей мере не отражают их природу, сущность, причины и содержание. В каждом из них есть свои составляющие и особенности политического, идеологического, экономического, национального, этнического, религиозного, демографического, исторического, языкового, географического и другого характера.

Большую роль при этом играют позиции заинтересованных третьих стран (России, Армении, Турции, Ирана, Румынии, Украины, Белоруссии), региональных и международных организаций.

Общей причиной этих конфликтов стала изначально ошибочная внутриполитическая линия правящих режимов в бывших советских республиках по отношению к национальным меньшинствам и отдельным территориям.

Прикрываясь принципом международного права сохранения территориальной целостности государств, их новые руководители пренебрегли налаживанием диалога с представителями национальных меньшинств, привлечением их лидеров к пропорциональному участию в центральных органах власти, игнорировали их законные требования по сохранению и расширению статусов исторически сложившихся автономий и территорий, нарушали законные права и свободы отдельных групп населения.

«Малые народы», оказавшись перед угрозой окончательной утраты нацио-

нальной идентификации, а в случае с Приднестровьем – опасаясь насильственной «румынизации», заявили, что они предпочитают оставаться в СССР или развиваться самостоятельно, нежели входить в состав новых государств на постсоветском пространстве. Попытки Тбилиси, Баку и Кишинева вооруженным путем восстановить свой контроль над этими территориями оказались весьма схожими по сценариям и по результатам: все военные операции центральных властей провалились. Предыдущие годы притеснений, попыток насильственной ассимиляции нацменьшинств со стороны правящих кругов «титulyных» наций не прошли даром. Распад СССР подтолкнул законодательные и исполнительные органы власти автономий и регионов к принятию решений о самоопределении. В результате появились, так называемые, непризнанные или частично признанные государства на постсоветском пространстве. Это стало объективной реальностью, с которой приходится считаться и государствам, претендующим на эти территории, и всем другим субъектам международного права.

Очевидно, что принятые ООН два основных принципа послевоенного устройства мира (сохранение территориальной целостности государств и право наций на самоопределение) вступают в противоречие в условиях, когда правящими кругами отдельных государств игнорируются законные права и свободы национальных меньшинств и отдельных групп населения.

Танки и артиллерия оказались явно не лучшими аргументами для удержания под своим контролем «малых народов» и отдельных территорий. Тбилиси, Баку и Кишинев не смогли предложить своим гражданам вариантов мирного разрешения нарастающих противоречий между регионами и центром, когда нацменьшинства могли бы

быть надежно защищены в правовом отношении и чувствовали бы себя комфортно в границах новых государств.

Примеры решения национальных проблем в мировой практике имеются: иракские курды в новом постсаддамовском Ираке (Курдистанский Регион), канадские французы (провинция Квебек).

Эти национальные меньшинства вполне устроил предоставленный им статус широкой автономии или субъекта федерации, когда они сами могут эффективно управлять своими регионами, получив при этом пропорциональное представительство в центральных органах власти, двуязычие, гарантированную долю доходов от добычи нефти и газа и т.п. Они ни в коей мере не чувствуют себя ущемленными в правах ни в местах своего постоянного проживания, ни в столицах своих государств, ни на территории других регионов, ни в зарубежных представительствах своих стран.

В результате, ранее выдвигавшиеся лозунги сепаратизма были сняты и эти меньшинства предпочитают оставаться в рамках своих государств.

Мирное и справедливое урегулирование конфликтов на постсоветском пространстве – требование времени и залог национальной безопасности не только их участников, России и других сопредельных государств, но и всего мирового сообщества. Практика показывает, что искусственная изоляция непризнанных территорий и любые дискриминационные международные санкции против них, как правило, не дают желаемого результата. Более того, замалчивание реально существующих проблем, длительное сохранение положений «ни войны, ни мира» в зонах региональных конфликтов приводит к обнищанию населения спорных территорий вплоть до состояния гуманитарных катастроф, разрушению их экономики и инфраструктур, привлекает в эти районы международных террористов, торговцев оружием, наркодельцов, нелегальных мигрантов и представителей организованной преступности.

Мировое сообщество пришло к пониманию, что все существующие в мире этносы, национальности и народы имеют равные права и свободы.

Самый общий экскурс в тысячелетнюю историю участников конфликтов показывает, что ныне проживающие в этих регионах народы длительное время вместе отражали нашествия иностранных захватчиков, между правящими династиями заключались браки, процветала торговля, развивались ремесла. Были и периоды противостояний, грабительских войн и набегов, участия в тех или иных союзах враждующих между собой государств, временная зависимость от завоевателей, попытки ассимиляции правящими режимами национальных меньшинств.

Тем не менее, всем народам на постсоветском пространстве к настоящему времени удалось сохранить свою национальную самобытность, язык, культуру, права и свободы, включая право на самоопределение. Сохранилось и традиционно уважительное и доброжелательное отношение народов друг к другу.

Это наглядно показало вторжение грузинских войск в Южную Осетию (август 2008 г.). Развязанная грузинскими властями мощная пропагандистская шовинистическая кампания, так и не достигла своих целей: им не удалось разжечь межнациональную вражду между грузинами, с одной стороны, и южными осетинами, абхазами и россиянами – с другой.

Несмотря на то, что корни и причины перечисленных выше четырех конфликтов на постсоветском пространстве носят общий характер, все же их индивидуальные особенности, специфика и перспективы решения заметно отличаются.

Грузино-абхазский и грузино-южно-осетинский конфликты условно можно отнести к одной группе, поскольку Абхазия и Южная Осетия исторически

длительное время сохраняли свою независимость, в советский период пользовались правами национальных автономий в составе Грузии, после распада СССР неоднократно подвергались вооруженным нападениям с применением тяжелой боевой техники и артиллерии со стороны центральных грузинских властей. В обоих случаях большую роль в прекращении огня и поддержании мира сыграли российские миротворцы, которые действовали на основании соответствующих двусторонних соглашений.

Некоторым различием можно считать, что миротворческая миссия в Абхазии осуществлялась Россией в соответствии с мандатом глав государств СНГ и в тесном сотрудничестве с миссией ООН, а в Южной Осетии – только на основании двустороннего соглашения и в тесном сотрудничестве с миссией ОБСЕ. Следует также отметить, что мандат СНГ на проведение Россией миротворческой операции в Абхазии был поддержан и соответствующей резолюцией Совета Безопасности ООН.

Последнее военное вторжение Грузии в Южную Осетию (8–12 августа 2008 г.) привело к многочисленным жертвам с обеих сторон конфликта, гибели российских миротворцев и мирных жителей, разрушению экономики и инфраструктуры региона. С помощью российских войск эта агрессия была пресечена, народ Южной Осетии был защищен от новой волны геноцида со стороны грузинских властей. При этом легитимность действий России очевидна.

В соответствии с нормами международного права нападение на пользующихся законным мандатом миротворцев равнозначно нападению на государство, которое их направило в зону конфликта. В таком случае государство вправе защитить своих граждан, выполняющих миротворческую миссию, и отразить агрессию в соответствии со ст. 51 Устава ООН.

Попытки некоторых западных политиков упрекнуть Россию в непропорциональном применении силы лишены оснований. Ответная военная операция России против грузинской группировки войск на югоосетинском направлении и ее тыловой инфраструктуры (военных баз, аэродромов, военных кораблей, складов оружия и боеприпасов и т.п.) была необходимой для скорейшего принуждения агрессора к миру.

Уже к концу августа 2008 г. Россия официально признала суверенитет и независимость Абхазии и Южной Осетии, а в сентябре 2008 г. установила с ними дипломатические отношения и заключила договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Подписанные договоры и соглашения России с Абхазией и Южной Осетией позволяют в полном объеме развивать политические, дипломатические, военные, военно-технические, торгово-экономические, научно-технические, культурные и другие отношения с новыми государствами. Российская Федерация одновременно стала гарантом территориальной целостности и международной безопасности Абхазии и Южной Осетии. Естественно, что миротворческие операции Российской Федерации в этих республиках были прекращены.

Вскоре Республика Абхазия и Республика Южная Осетия получили свое официальное признание также со стороны Венесуэлы, Никарагуа, Республики Науру и соответственно друг друга.

Можно согласиться с мнением российского политолога В.Никонова о том, что «...признание одной из великих держав хватает, чтобы новообразовавшееся государство дальше существовало как независимое. В XIX в. Россия в течение 30 лет была единственной страной, которая признавала независимость Болгарии, которая вовсе не стала более независимой, когда ее признали все остальные»¹.

Дальнейшее международное признание новых республик будет зависеть

от их успехов в становлении своей государственности, восстановлении разрушенных гражданской войной и блокадой экономик, инфраструктур, решения социальных проблем. Одним из ключевых вопросов является создание благоприятных условий для возвращения в эти республики беженцев. Сухуми и Цхинвали должны на практике показать, как можно мирным путем решать национальный вопрос в современном обществе, как гарантировать права и свободы национальных меньшинств.

Пропорциональное представительство всех традиционно проживающих на этих территориях наций и народностей в органах законодательной и исполнительной власти Абхазии и Южной Осетии – залог стабильности и безопасности новых государств.

Нагорно-карабахский конфликт остается наиболее сложным и запутанным на постсоветском пространстве.

Начавшиеся в Нагорном Карабахе в период распада СССР столкновения на межэтнической почве к 1991 г. вылились в широкомасштабные боевые действия, в которых приняли самое активное участие вооруженные силы Азербайджана и Армении. Длившаяся более трех лет гражданская война сопровождалась многочисленными человеческими жертвами (свыше 30 тыс. убитых) и разрушениями, привела к появлению порядка миллиона беженцев и перемещенных лиц с обеих сторон.

В результате армянскими силами было оккупировано – за пределами Нагорного Карабаха – 7 районов Азербайджана (около 14% территории), которые рассматриваются ими в качестве транспортного коридора между НКР и Арменией и «пояса безопасности».

На протяжении 1993 г. Совет Безопасности ООН принял 4 резолюции по нагор-

но-карабахскому конфликту, требования которых (за исключением прекращения огня) вовлеченными сторонами до сих пор не выполнены.

5 мая 1994 г. при посредничестве России и Киргизии под эгидой Парламентской Ассамблеи СНГ в Бишкеке был подписан Протокол о прекращении огня, который был дополнен соглашением от 4 февраля 1995 г.

Несмотря на отдельные вооруженные инциденты, в целом режим прекращения огня поддерживается усилиями самих сторон конфликта без привлечения международных миротворческих контингентов.

В декабре 1994 г. в Вене была создана Группа планирования на высоком уровне (ГПНВУ), которая в июле 1995 г. представила действующему Председателю ОБСЕ концепцию многонациональной миротворческой миссии ОБСЕ по Нагорному Карабаху.

В августе 1995 г. было создано управление личного представителя действующего Председателя ОБСЕ по Нагорному Карабаху.

На саммите ОБСЕ в Лиссабоне (1996 г.) действующий председатель сделал заявление, призывающее к сохранению территориальной целостности Армении и Азербайджана, прояснению правового статуса Нагорного Карабаха путем соглашения, основанного на самоопределении, по которому провинция получила бы высшую степень самоуправления в составе Азербайджана и при этом была бы обеспечена безопасность всего населения в регионе. С этим заявлением согласились все страны-участницы ОБСЕ, за исключением Армении.

В 1997 г. в результате интенсивных консультаций, действующий председатель ОБСЕ назначил Францию, Россию и Соединенные Штаты Америки сопредседателями Минской конференции. Они подготовили двухэтапный план, предусматривавший демилитаризацию линии прекращения огня и возвращение беженцев, а также особый правовой статус Нагорного Карабаха.

К сожалению, сближения позиций сторон конфликта по основным проблемам, включая вопрос создания меж-

дународного миротворческого контингента войск, пока достигнуть не удалось. Надежды на урегулирование конфликта с помощью международных посредников в лице ООН, ОБСЕ, России, США, Франции, Турции также пока результатов не дало.

Одними из наиболее острых вопросов в этом конфликте остаются: будущий статус республики, освобождение прилегающих к НКР районов Азербайджана и возвращение беженцев. Очевидно, что отложенный на время вопрос о статусе НКР и признании статус-кво после состоявшегося фактически размежевания по национальному признаку азербайджанцев и армян соответственно из Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха могли бы послужить основой будущего урегулирования конфликта. Вряд ли новое перемещение сотен тысяч беженцев осуществимо в ближайшие годы.

Судя по всему, в ближайшие годы Нагорный Карабах сохранит статус непризнанной республики и, пользуясь существующим коридором на границе с Арменией, сможет избежать гуманитарной катастрофы. Вместе с тем, следует учитывать, что финансовые и материальные возможности Армении ограничены и мировое сообщество (армянская диаспора) вынуждено будет оказывать гуманитарную помощь Нагорному Карабаху (строительство школ, больниц, жилья, воссоздание разрушенной войной экономики и инфраструктуры).

Переговоры по мирному разрешению беспрецедентного по сложности конфликта продолжаются при международном посредничестве. Ввиду сложившейся тупиковой ситуации в конце 1998 г. было решено направить усилия на налаживание прямого диалога на высшем уровне между Баку и Ереваном с тем, чтобы сами стороны взяли на себя ответственность за нахождение

взаимоприемлемых развязок, а не перекладывали ее на минскую «тройку», призванную играть лишь роль беспристрастных посредников. С 2005 г. международные посредники-сопредседатели Минской группы ОБСЕ сосредоточили свои усилия на работе со сторонами по выработке компромиссных базовых принципов урегулирования, на основе которых стала бы возможной выработка соглашения об урегулировании нагорно-карабахского конфликта.

Переговоры при участии международных посредников проходят на уровне президентов и сопровождается рабочими встречами министров иностранных дел. По договоренности сторон переговоры, вплоть до достижения договоренности по рассматриваемым позициям, носит конфиденциальный характер.

8 октября 2009 г. в Кишиневе состоялась пятая встреча президентов Армении и Азербайджана с участием Сопредседателей Минской группы. 9 октября там же была проведена трехсторонняя встреча президентов Азербайджана, Армении и России.

Принципиальная позиция России по Нагорному Карабаху, изложенная В.В.Путиным еще на январской (2000 г.) встрече с Г.А.Алиевым и Р.С.Кочаряном в Москве и подтвержденная Д.А.Медведевым в 2009 г. в контактах с И.Г.Алиевым и С.А.Саргсяном, остается неизменной:

- мы против навязывания участникам конфликта каких-либо рецептов извне и исходим из того, что главная ответственность за окончательный выбор должна лежать на самих азербайджанцах и армянах;

- Россия была бы готова поддержать тот вариант решения проблемы, который устроит все вовлеченные стороны, а в случае достижения компромиссной договоренности – выступить гарантом урегулирования;

- жизнеспособным будет такое решение проблемы, которое позволит вернуть

стабильность и спокойствие в Закавказье, а в постконфликтный период поможет сохранить исторически сложившийся там геополитический баланс сил, не приведет к превращению региона в арену международного политического и военного соперничества.

Не способствуют разрядке напряженности в районе конфликта и повышению мер доверия между сторонами упорное игнорирование Баку представителей нового руководства Нагорного Карабаха, без учета мнения которых вряд ли можно рассчитывать на какие-либо позитивные подвижки в переговорах с армянской стороной, а также непрекращающиеся военные приготовления и воинственные заявления со стороны азербайджанского руководства.

Приднестровский конфликт к настоящему времени приобрел характер замороженного и протекает относительно спокойно. Здесь нет предпосылок к гуманитарной катастрофе, нет массового исхода беженцев и почвы для этнических чисток. 21 июля 1992 г. в Москве между Россией и Молдавией в присутствии руководителя Приднестровья было заключено Соглашение «О принципах урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдовы».

В соответствии с этим соглашением удалось добиться полного прекращения боевых действий, разъединить противоборствующие стороны, создать между ними зону безопасности, куда были введены воинские подразделения Смешанных миротворческих сил (российский, приднестровский и молдавский батальоны до 600 чел. каждый).

Впервые в практике подобных операций в состав миротворческого контингента вошли представители сторон конфликта: Молдовы и Приднестровья.

Формирование Объединенной контрольной комиссии (ОКК), Объединенного военного командования (ОВК), института военных наблюдателей было осуществлено

также на паритетной основе тремя сторонами. Все решения ОКК и ее военного органа ОВК принимаются только методом консенсуса. В качестве военных наблюдателей, помимо России, Молдовы и Приднестровья в зоне безопасности участвуют и представители Украины.

ОКК наладила сотрудничество с организацией-посредником в лице ОБСЕ, подписав с ней 21 июля 1994 г. «Принципы сотрудничества между Миссией ОБСЕ и ОКК в зоне безопасности».

Несмотря на сохраняющуюся политическую, дипломатическую, информационную, экономическую и другие виды конфронтаций между Кишиневом и Тирасполем, во многом благодаря удачно найденному формату миротворческой операции в зоне безопасности твердо поддерживается режим перемирия и общий порядок. За весь период проведения операции по поддержанию мира не было отмечено сколько-нибудь серьезных военных провокаций или инцидентов с применением оружия.

Одним из главных раздражителей населения Приднестровья остается политический курс кишиневских властей на дальнейшее сближение с Румынией. Очевидно, Молдова и Приднестровье продолжают дальнейшее существование и развитие как самостоятельные государства. Благодаря сохранению торгово-экономических и других связей Тирасполя с Россией, Украиной и Молдовой, а также относительно развитой инфраструктуре и экономике региона, уровень жизни населения непризнанной республики сохранится на прежних показателях. В целом же, нерешенность молдавско-приднестровского конфликта безусловно отрицательно отражается на социально-экономическом положении обеих сторон конфликта, осложняет реализацию планов европейской интеграции и, в конечном итоге, является одним из основных факторов, де-

стабилизирующих общую обстановку в регионе.

Кроме четырех рассмотренных конфликтов на постсоветском пространстве, сохраняются политические и экономические предпосылки к новым столкновениям групп населения с использованием межнационального и межэтнического фактора. Это, прежде всего **Крым**, где Киев в последние годы президентства В.Ющенко проводил довольно грубую политику ускоренной «украинизации» территорий с преимущественно русским или русскоязычным населением.

Рост крымско-татарского населения и проникновение в регион исламистских экстремистских организаций еще более осложняют здесь ситуацию. Борьба за власть, денежные потоки, земли и недвижимость приобретают в Крыму все более ожесточенный характер.

На фоне общего политического противостояния западной и восточной Украины Крым может стать тем самым слабым звеном, где столкновения на межнациональной почве могут приобрести масштабный и кровопролитный характер. Определенные надежды на стабилизацию ситуации в Крыму и в целом на Украине связывают с приходом к власти в стране президента В.Януковича. Уже его первые шаги по пролонгации Договора о пребывании Черноморского флота России в Севастополе, сворачиванию антироссийской пропаганды начинают приносить свои плоды.

Сохраняется внутривнутриполитическая напряженность в Киргизии, Таджикистане, районах **узбекско-таджикской и узбекско-киргизской границ, в Ферганской долине и вокруг нее.**

В целом, **Центрально-Азиатский регион** остается зоной нестабильности, коридором транспортировки наркоти-

ков и нелегальных мигрантов, сюда активно проникают мусульманские экстремисты различного толка и международные террористы, здесь пересекаются интересы России, Китая, США, стран Европы, Ирана, Индии, Турции, Пакистана и других государств.

Последние масштабные кровавые столкновения (июнь 2010 г.) между узбеками и киргизами в районе городов Ош и Джалал-Абад (Киргизия) и новые сотни тысяч беженцев подтвердили взрывоопасность региона.

Таким образом, все перечисленные выше конфликты и предпосылки к новым столкновениям сторон на постсоветском пространстве в той или иной степени оказывают свое дестабилизирующее влияние на общую обстановку в конкретных регионах и в мире в целом.

От их своевременного мирного разрешения все в большей степени зависит безопасность не только сторон-участниц конфликтов, но и России, и всех сопредельных государств.

С учетом продолжающегося процесса глобализации мировых процессов, конфликты на постсоветском пространстве оказывают свое негативное влияние и на геополитическую обстановку. Активизация усилий российского руководства на этом направлении и миротворческая деятельность России в последние годы постепенно начинают приносить свои плоды. Главным итогом этой деятельности явилось:

- повсеместное прекращение кровопролития;
- разъединение противоборствующих сторон;
- предотвращение гуманитарных катастроф;
- переход конфликтов в стадию замороженных или признание Россией новых государств;
- недопущение концентрации в зонах нестабильности международных террористов и экстремистских организаций;
- создание условий к возобновлению мирного диалога между сторонами конфликта напрямую и с участием международных посредников.

В работе на этом направлении Россия тесно сотрудничает с ООН, ЕС, ОБСЕ, ОДКБ, СНГ, ШОС, другими авторитетными международными организациями, а также на двусторонней основе с участниками конфликтов и всеми заинтересованными в их скорейшем разрешении государствами.

Одним из главных дестабилизирующих обстановку в регионе внешних факторов является Афганистан со всеми его криминальными атрибутами (наркотики, оружие, боеприпасы, нелегальные мигранты, экстремисты, террористы и т.п.). От способности мирового сообщества локализовать действия движения Талибан и группировки «Аль-Каида» в Афганистане и прилегающих к нему районах Пакистана во многом будет зависеть и общая ситуация в Центрально-Азиатском регионе.

Примечания

¹ Стратегия России. 2009. № 8 (68). С. 7, 4.

² Стратегия России. 2009. № 7 (67). С. 90–91.

«Группа восьми» и «Группа двадцати»: роль «клубов» в глобальном управлении

Виктория Панова

*Человек, приговоренный быть свободным,
возлагает тяжесть мира на свои плечи.*

Ж.-П. Сартр

В Канаде впервые подряд проводятся два саммита – саммит «восьмерки» и саммит «двадцатки». Очень интересно, что как в СМИ, так и в общественности основное внимание уделялось именно саммиту «Группы двадцати». Показательно, что о «восьмерке» ничего практически и не было слышно.

В преддверии саммитов упорно ходили слухи о том, что нынешнее правительство Канады не верит в эффективность и необходимость проведения этих саммитов в таком формате, поэтому были предприняты максимальные усилия для того, чтобы при формальном отчете об использовании огромной суммы на организацию мероприятий*, возникало ощущение, что намеренно были созданы невозможные условия для жизни местного населения** и СМИ. СМИ были расположены в

ПАНОВА Виктория Владимировна – кандидат исторических наук МГИМО(У) МИД России.
E-mail: victoria.panova@gmail.com; E-mail: v.panova@inno.mgimo.ru

Ключевые слова: «Группа восьми», «группа двадцати», глобальное управление, цели развития тысячелетия, помощь развитию, международная безопасность, глобальный экономический кризис.

* Возмущение среди общественности неадекватностью объемов потраченных средств даже способствовало тому, что следующий председатель «восьмерки» президент Франции Н.Саркози заявил о том, что в 2011 г. на организацию встреч на высшем уровне будет потрачено в несколько раз меньше.

** Проведение встречи «двадцатки» в Конгресс-центре парализовало в значительной степени жизнь города.

Direct Energy Centre, и по непонятной причине канадская сторона в значительной степени ограничила доступ прессы к месту проведения саммитов. За редким исключением итоговых пресс-конференций на месте событий могли находиться лишь представители национальных официальных пулов. Такая ситуация особенно поражала после прошлогоднего саммита, когда все участники саммитов: и лидеры, и делегации, и пресса, и НПО находились на одной территории.

Несмотря на необъятные суммы, потраченные на обеспечение безопасности (более 1 млрд. долл.), саммиты отличались гораздо большими волнениями и беспорядками, очень сильно напомнившими 2001 г. в Генуе, с той только разницей, что в Генуе погиб один антиглобалист, а в данном случае летальных повреждений не получил никто. Тем не менее, странным было и поведение полиции, обеспечивавшей порядок, арестовывали сотни мирных демонстрантов, людей могли просто остановить на улице, полностью обыскать и при отсутствии документов арестовать. Было введено в действие правило, когда арестовывали тех, кто находился в пределах 5 м от огражденной зоны безопасности в случае, если они не могли показать документы и объяснить цель присутствия в данном месте. При этом еще большей странностью отличалось поведение полиции в отношении тех представителей антиглобалистов (в основном участников так называемого «Черного блока»), которым попустительствовали в поджогах машин, крушении витрин магазинов и т.п. В этом случае полиция не препятствовала, а отступала.

Это скорее эмоциональное ощущение от организационных особенностей саммитов, но гораздо важнее рассмотреть результаты, которые были достигнуты или не достигнуты по окончании встреч лидеров обоих «клубов».

Повестка дня и результаты встречи «Группы восьми»

И так, в этом году впервые были фактически совмещены два мероприятия: саммиты «восьмерки» и «двадцатки». Необходимость развести тематически эти мероприятия, доказать продолжающуюся уместность «восьмерки» и тактичность в отношении остальных стран «двадцатки», которые не участвовали во встрече в Мускоке, привели к тому, что для саммита промышленно развитых стран были, в первую очередь, оставлены «донорские» темы как в сфере международной безопасности (поддержание мира, ограничение наркотрафика, борьба с транснациональной преступностью и т.д.), так и (особенно) в области устойчивого развития (достижение Целей развития тысячелетия (ЦРТ), проблема материнства и детства, помощи развивающимся стра-

нам, продовольственной безопасности и т.п.).

Визитной карточкой, наиболее разрекламированной во время встречи, стала канадская инициатива об улучшении здоровья матерей, младенцев и детей до 5 лет в Африке и других развивающихся регионах мира. Что касается экономики и финансов, то несмотря на приоритетность «двадцатки» в этой области, международная экономическая ситуация не могла быть полностью исключена из повестки дня «Группы восьми».

При этом опять же с учетом возникновения и развития «двадцатки» «восьмерка» лишилась практически всех помпезных «гостевых» сессий, так как, кроме постоянной поминаемой Африки и небольшого числа бедных небольших стран Латино-Карибской

Америки, для всех остальных участников, в том числе представителей бывшего **Хайлигендамского процесса**, смысл таких встреч был утрачен. Таким образом, отсутствие реальной общности узкой «восьмерки» и снижения ажиотажа вокруг того, кого захотят принять ее всесильные лидеры, привело к тому, что африканцы удостоились даже двух сессий – послеобеденного заседания в составе участников «Группы восьми» и Алжира, Египта, Нигерии, Сенегала, Южной Африки, Малави (как председателя Африканского Союза) и Эфиопии (как председателя НЕПАД*), и второй встречи в еще более широком составе с подключением латиноамериканских стран Колумбии, Гаити и Ямайки

По итогам первого дня саммита «восьмерки» было проведено три заседания, причем только одно из них состоялось в исключительном формате девяти (то есть «восьмерка» + ЕС). На первом заседании обсуждались экономические проблемы, относящиеся к самим странам «Группы восьми», в первую очередь проблемы бюджетного дефицита, среднесрочных и долгосрочных реформ (пенсионная система, снижение торговых барьеров внутри Европы (сохранение технических требований и т.д.), достижение бюджетной стабильности и приемлемого уровня долга. Несмотря на то, что Россию эта проблема касается в меньшей степени (через несколько лет ряд стран столкнется с серьезной проблемой – их

уровень задолженности по отношению к ВВП может достигнуть порядка 300% у Японии, 200% в Великобритании, порядка 150% во Франции, Германии и Италии), Медведев рассказал коллегам о ситуации в этой сфере в России.

Эта сессия восьми лидеров и руководителя ЕС стала своеобразным возвращением к истокам. Ведь «семерка» начиналась именно с того, что члены «клуба» обсуждали собственные экономические и валютно-финансовые проблемы. Сегодня это более, чем актуально, так как текущий экономический кризис начался именно со страны «золотого миллиарда», одной из основательниц нынешних встреч – США.

Положение в США не вполне стабильное и подходы Вашингтона отличаются от подходов европейских стран. Несмотря на то, что в этом году рост экономики США, согласно прогнозам ФРС, составит 3,5%, безработица в стране достигает 10%. В ходе рецессии 2008–2009 гг. работу потеряло 8,5 млн. чел. и аналитики не вполне уверены в устойчивости экономического восстановления, особенно в свете возможного негативного влияния кризиса Еврозоны на американскую экономику. Разнятся подходы стран и с точки зрения необходимости продолжения государственной поддержки**.

Проблемы реформы МВФ и резервной валюты не обсуждалась, проблема налога на банковские операции*** была упомянута лишь вскользь, но как первый, так и второй вопрос относятся

* НЕПАД – новое партнерство в интересах развития Африки.

** За время пребывания у власти с января 2009 г. Б.Обама запустил массированную программу стимулирования экономики в объеме 787 млрд. долл. США. Но конгресс несколько подкорректировал планы президента, отказавшись от поддержки выделения полного объема средств.

*** Россия выступает против введения данного налога, так как, по мнению российской стороны, банки переложат это на население. Кроме того, такой налог будет препятствовать восстановлению кредитования реального сектора экономики. С точки зрения национальных интересов Россия не заинтересована в отпугивании инвесторов.

к компетенции «двадцатки», поэтому в соответствии с планом, принятым в Питтсбурге, эти вопросы должны быть решены на Сеульском саммите «Группы двадцати» в конце 2010 г. Что касается перспектив создания международного финансового центра в России, то он в принципе не стоял в повестке дня саммитов, хотя обсуждение его и могло состояться.

Итак, итоговым документом встречи «восьмерки» стала Мускокская декларация: восстановление и новые начинания (*G8 Muskoka Declaration: Recovery and New Beginnings*). Важным моментом встречи стало сближение подходов и взглядов стран-участниц по поводу основных глобальных вызовов, стоящих перед ними. Также лидеры отметили, что «восьмерка» продолжает оставаться «мощным катализатором устойчивого изменения и прогресса».

Было отмечено, что экономический кризис лишь выявил существующие в интегрированной экономической системе и коллективной безопасности проблемы, а работа «двадцатки» позволила достичь прогресса в направлении устойчивого восстановления глобальной экономики и финансовой системы. Несмотря на приоритетность «двадцатки» в качестве глобального экономического форума, по итогам встречи «восьмерки» лидеры также подтвердили свою приверженность свободным и открытым рынкам и готовность противодействовать протекционизму в торговле.

Интересным моментом стало то, что впервые за все годы существования «клуба» на саммите по проблеме очередного раунда ВТО не было принято

конкретного срока окончания переговоров*, тем самым «восьмерка» фактически признала свое бессилие или в лучшем случае ограниченность с точки зрения возможностей влияния на другие международные организации и способность к лидерству в них. Вместо этого было высказано простое стремление к скорейшему завершению Дохийского раунда и приемлемость и даже желательность двусторонних договоренностей в отсутствие нового глобального пакта.

Кстати, достаточно интересным представляется положение Российской Федерации на данном саммите в части узкой темы дебатов по проблемам выбора предпочтительных вариантов дальнейшего развития фискального консерватизма и повышения государственных расходов, то здесь отечественная позиция представляет собой фактически золотую середину, когда Россия считает, что невозможно подойти ко всем с одинаковой меркой, поэтому необходимо применять пострановой подход выхода из кризиса. При этом было достигнуто общее понимание между партнерами о том, что такие стратегии выхода из кризиса в мировой экономике должны начать применяться не позднее 2011 г.

В целом этот саммит представляется для России одним из наиболее удобных с той точки зрения, что по большинству вопросов она занимала комфортное срединное положение, обходя практически все конфликтные моменты, но при этом соблюдая собственные государственные интересы и обходясь «малой кровью» с точки зрения достижения компромисса по тем моментам,

* Например, по Уругвайскому и текущему Дохийскому раундам принимались ежегодные обязательства с конкретными сроками окончания переговоров в том же году, что и время прохождения соответствующей встречи.

которые отличались от позиции большинства других членов «Группы» (в частности, здесь можно отметить позицию и компромисс по КНДР).

Кроме того, несмотря на то, что до сих пор периодически продолжается некое медийное и конъюнктурное исключение России из «восьмерки», но в целом этот вопрос уже потерял свою актуальность. Россия уже не столько для того, чтобы доказать, что «мы не лыком шиты», сколько следуя правильной линии, практикуемой всеми участниками встреч саморекламы, рассказывает об успехах и достижениях в рамках выполнения принятых обязательств.

Россия в период с 2005 по 2009 г. на помощь по обязательствам «восьмерки» истратила порядка 1,4–1,5 млрд. долл. США в первую очередь на обеспечение военных миротворческих операций (особенно в Африке), борьбу с наркотиками и вопросы здравоохранения, поддержку сельскохозяйственных и образовательных проектов в беднейших странах, причем половина этой суммы была выделена в пик кризиса – в 2009 г. При этом вполне понятно, что Россия последовательно выступает за то, чтобы за бортом международной помощи не оставались страны СНГ и первоочередную помощь оказывает именно этим странам. В рамках этих инициатив в структуре ЕврАзЭС был образован антикризисный фонд, российский взнос в который составил 7,5 млрд. руб., причем первоочередным получателем помощи оказался Таджикистан*. При этом с учетом того места, которое занимает Африканский конти-

нент в обсуждениях «восьмерки», а также сужения поля деятельности этого «клуба», Россия все больше осознает важность не только продвижения собственных проектов в СНГ, но и участия в общевосьмерочных африканских инициативах.

Основные моменты итоговой декларации этого клуба касались именно военно-политических, социальных и гуманитарных аспектов.

По проблемам безопасности, помимо общих положений об ответственности за укрепление безопасности во всем мире и ряде инициатив о противодействии терроризму (в частности, важным для России моментом стало включение в текст осуждения терактов в московском метро), борьбе с пиратством и организованной транснациональной преступностью, содействии стабилизации и защите гражданских лиц в постконфликтных и конфликтных регионах, приверженности Кимберлийскому процессу, равно как и необходимости противодействия использованию любых минеральных ископаемых для раздувания и продолжения конфликта (в частности, отдельно обсуждалась проблема Конго), а также борьбе с наркотиками (в частности, Россия ставила на повестку дня вопрос о придании борьбе с этим злом глобального характера, так как традиционно внимание уделяется отдельным странам или регионам (особенно Латинской Америке и Колумбии, в частности), но необходимо не забывать о наркопотоках из Афганистана, других азиатских стран и т.п., соответственно делая акцент на выработку общемиро-

* Представляется, что не в последнюю очередь на приоритетность помощи Таджикистану повлияла непростая ситуация в Центральной Азии, касающаяся развития гидроэнергетики: политические аспекты и конфликтная ситуация с Узбекистаном в сфере использования гидроресурсов, а также экономическая составляющая совместного проекта России и Таджикистана в возведении Сангуддинской ГЭС.

вых стратегий по искоренению нарко-проблемы).

Как уже было отмечено выше, Африка является своеобразным «спасательным кругом» для «восьмерки» – теперь с учетом возникновения «двадцатки» обе стороны нуждаются друг в друге. Соответственно, вторая и третья сессии представляли формат гостевых сессий со странами Африки и тремя странами Латинской Америки, где обсуждался ход выполнения ЦРТ. Основным было признание лидерами того факта, что неудовлетворительно идет выполнение цели № 5, а именно сокращение уровня смертности матерей и младенцев, а также детей до 5 лет. Соответственно, главным итогом стало принятие так называемой Мускокской инициативы по этой проблеме.

Страны «восьмерки» договорились о выделении 14 млрд. долл. на эту инициативу, причем 80% пойдет из бюджетов стран «восьмерки», остальное – от благотворительных организаций (Фонд Билла Гейтса согласился выделить 1,5 млрд. долл. США на эти нужды).

Россия взяла на себя обязательство выделить 75 млн. долл. США за три года на данную инициативу, все это соответствует заложенному в бюджете на цели содействия международному развитию.

В дополнение к канадской инициативе по материнскому и детскому здоровью РФ также вышла с предложением поделиться накопленным ею опытом в данной сфере (подготовка медицинского персонала и т.п.) тем более, что канадская инициатива с российской стороны видится как логичное продолжение одного из приоритетов российского председательства в Санкт-Петербурге по борьбе с инфекционными заболеваниями. При этом данная проблема получила свое развитие на национальном уровне. Еще с 2006 г. в рамках национального проекта осуществлялось лечение за счет средств федерального бюджета всех женщин, инфицированных ВИЧ/СПИД в гравитарной стадии.

По итогам 2009–2010 гг. все женщины, вставшие на учет в женских консультациях, получали необходимое лечение, что позволило добиться того, что рождающиеся дети оказывались интактными к данному вирусу.

В ходе саммита Россия также заявила о выделении 270 млн. долл. в Глобальный фонд здравоохранения, причем большая часть этой суммы пойдет на реализацию проектов на территории нашей страны.

Другим прямо связанным вопросом, который поднимался российским руководителем, был вопрос о необходимости разработки плана по борьбе с наркотрафиком, что напрямую связано с проблемами сохранения здоровья населения, борьбы со СПИД и другими инфекционными заболеваниями.

Ведь именно увеличение потока наркотрафика из Афганистана стало причиной значительного увеличения числа заболевших ВИЧ/СПИД в 2009 г. (58 тыс. вновь заболевших – больше, чем в 2008 г.) молодых людей, потребляющих наркотики (до 23–25 лет). По данным ФСН, оборот от нелегальной торговли наркотиками составил 16 млрд. долл. США. При этом, помимо международных обязательств, в рамках национального проекта в России по итогам 2010 г. 70 тыс. молодых людей будут получать лечение за счет федерального бюджета.

Другим ключевым моментом для содействия устойчивому развитию и вкладу со стороны стран «восьмерки» можно считать выполнение Аквилской инициативы по продовольственной безопасности (*L'Aquila Food Security Initiative – AFSI*), на осуществление которой (развитие сельского хозяйства, преодоление негативных последствий изменения климата, удовлетворение повсеместного спроса на продовольствие и стабилизация цен на продукты) к концу апреля с.г. страны «клуба» распределили 6,5 млрд. долл. США.

В сфере военно-политической безопасности основными вопросами стали проблемы региональной стабильности, а также проблема нераспространения ОМУ. В связи с этим «восьмерка» традиционно одобрила подписанный двусторонний российско-американский договор о сокращении стратегических наступательных вооружений в апреле текущего года.

Что касается региональных аспектов, то опять же вполне традиционно на повестке дня оказался Иран, от которого «восьмерка» коллективно потребовала транспарентности в своей ядерной деятельности. Основная интрига вокруг Ирана заключалась в том, что хотя ранее в этом году против этой страны в рамках Совета Безопасности ООН были приняты санкции, но позднее США и европейские государства ввели дополнительные односторонние санкции, что вызвало негативную реакцию со стороны России. Итогом переговоров в рамках «Группы восьми» стал компромиссный текст с отсутствием жестких формулировок в отношении исламской республики.

Компромиссным стал и текст по проблеме КНДР. В данном случае не только по традиционной больной теме ядерного распространения, но и по мартовскому инциденту с потоплением южнокорейского корвета «Чхонан».

Западные страны настаивали на жесткой резолюции с обвинением северокорейской стороны в гибели корабля, что, по утверждению Республики Корея и этих стран, подтверждалось также и результатами международной комиссии по расследованию инцидента. Тем не менее, российская сторона, проводившая собственное расследование (без объявления результатов одного по сей день), выступала против прямого обвинения северокорейской стороны.

Итоговый текст стал отличным упражнением в искусстве дипломатиче-

ских формулировок. С одной стороны, лидеры коллективно осудили данный взрыв и его виновников, но при этом КНДР упоминалась лишь в следующем предложении в контексте необходимости воздержаться от любых действий, способных далее дестабилизировать ситуацию в регионе.

Интересно, что похожая обтекаемая формула была вновь использована в заявлении от 9 июля 2010 г. нынешнего председателя Совета Безопасности ООН постоянного представителя Нигерии при ООН Уче Джой Огву.

Также было высказано осуждение нападения на корабль, что привело к гибели 46 членов южнокорейского экипажа, предложено принять необходимые меры (исключительно мирного характера и в соответствии с Уставом ООН) в отношении ответственных за данный инцидент, но вновь в предложении не было прямо указано на КНДР. Компромиссом в данном случае стало последующее указание на то, что специалисты из 5 стран пришли к выводу о причастности Северной Кореи и выражение «глубокой озабоченности» по этому поводу со стороны СБ ООН. Хотя далее также была обозначена позиция самой КНДР, отрицающей свою причастность. Резолюция на основе декларации «восьмерки» так пока и не принята.

Россия в данном случае заняла среднюю позицию, как и по многим другим вопросам, предоставляя другим партнерам возможность портить отношения со странами. Аналогичная позиция была продемонстрирована и в вопросах, поднимавшихся на саммите «двадцатки», например, по проблеме бюджетной консолидации и прекращения государственного стимулирования экономики, по которым Россия предоставляла возможность другим участникам «дискутировать» друг с другом с прямыми противоположными позициями.

По проблеме Афганистана, с учетом заявленных намерений большинства союзников США начать в скором времени полностью или частично осуществлять вывод войск из этой страны, лидеры выдвинули достаточно интересное требование к этой стране о необходимости в течении 5 лет стабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию и перейти на использование исключительно национальных сил в осуществлении управления и обеспечении безопасности*.

Для России в данном случае «восьмерка» стала дополнительной возможностью обсуждения этой проблематики. Несмотря на то, что цель вроде бы общая – стабилизация Афганистана и помощь в борьбе с терроризмом – налицо различные приоритеты у РФ и стран НАТО, представленных в «Группе восьми», в частности с точки зрения подходов к вопросам борьбы с наркоугрозой, исходящей из этой страны. Также в российских интересах было и укрепление влияния местных региональных организаций, в частности ШОС в качестве равного игрока с организацией Северного Альянса.

Россия полностью поддержала инициативу канадского председателя об укреплении сотрудничества между членами «Группы восьми» и прибрежных стран Азии, Африки и Латинской Америки в борьбе с терроризмом и международным пиратством, что включало бы в себя обмен разведанными, поставки этим странам боевых патрульных кораблей и самолетов.

Важным моментом в работе «восьмерки» стала публикация отчета о выполнении обязательств (инициировано на саммите в Хоккайдо в 2008 г.). Вообще вопрос отчетности, поднима-

вшийся общественностью и СМИ практически с самого начала существования «Группы», в этом году наконец-то впервые обрел свое официальное звучание, когда было решено осуществлять мониторинг не только отдельных проектов и инициатив, запускаемых «восьмеркой», но и вести соответствующую отчетность на постоянной основе по целому ряду принимаемых на себя «Группой» обязательств.

Дело в том, что вопрос выполнения ранее данных обещаний в большой степени определяет реальную силу соответствующих механизмов и именно от этого зависит продолжение их существования. Была также внедрена система отчетности и для определения прогресса по новой инициативе в отношении поддержания здоровья матерей и детей.

При этом проблема остается. Осенью этого года планируется проведение конференции Глобального фонда (ГФ) здравоохранения по борьбе со СПИД, туберкулезом и малярией, но на данный момент под вопросом остается возможность получения всей требуемой суммы (возможную нехватку оценивают в 7 млрд. долл. США). Однако это не вся проблема. Дело в том, что увеличение ресурсов фонда не будет означать более сильные позиции одного в данных областях, так как фактически будет происходить перенаправление денег ГФ на выполнение инициативы материнства и детства, вместо общего увеличения суммы. Но это и не удивительно – уже не первый год лидеры стремятся к проведению таких инициатив, которые бы не потребовали новых значительных затрат, выходящих за рамки, запланированных в бюд-

* Интересно, что именно через 5 лет ближайший союзник США Великобритания намеревается полностью вывести свои войска из Афганистана.

жете. Тем более это актуально в связи с проблемой излишнего роста бюджетных дефицитов и необходимости ограничения государственных расходов.

В целом на осуществление инициативы Канада выступила самым щедрым донором, пообещав выделить 2,85 млрд. долл. США в течение 5 лет. При этом со стороны всех остальных стран «Группы восьми» ожидается вклад в размере 3,9 млрд. долл. США за тот же период. В данном случае сработал принцип «вы нам не пример», и Канада, чтобы показаться ответственной и инициативной, заявила, что такой разброс определяется тем, что Канада находится в лучшей экономической форме, чем остальные страны «клуба», и поэтому может позволить себе пообещать 20% суммы на собственную инициативу. Также было достигнуто соглашение о

привлечении дополнительных 2,3 млрд. долл. со стороны других стран (Нидерланды, Норвегия, Новая Зеландия, Южная Корея, Испания и Швейцария) и международных фондов (в частности, фонд Б.Гейтса пообещал выделить 1,5 млрд. долл.).

Что же касается обязательств предыдущих лет, то здесь картина (особенно с учетом того, что можно оценить объем необещанных, а реально выделенных средств) менее радужная. Памятуя о Глениглзской сенсации о доведении объемов помощи до 50 млрд. долл. США в год, то произведенные расчеты выявили недоплату в 10 млрд. долл. США, а если учитывать инфляцию – то все 18 млрд. долл. Наибольшей критике в этой связи подверглись Италия (что традиционно в донорской области) и Япония.

Повестка дня «двадцатки»

На встречах «двадцатки» продолжались обслуживание проблемы мирового валютно-финансового и экономического кризиса. Вариации этого года отражали стадию кризиса и включали в себя обсуждение общего положения, реформ Международных финансовых институтов (МФИ) и проблем фискальной консолидации, вопросов торговли и протекционизма, изменения климата и т.п. Обсуждался также и Питтсбургский рамочный план для сильного, устойчивого и сбалансированного роста.

Таким образом, можно сказать, что роль глобального экономического директората де факто перешла в ведение более широкой группы развитых и ведущих развивающихся экономик.

Основной интригой прошедшей встречи был вопрос возможности примирения двух различных позиций, а именно: необходимостью снижения бюджетных дефицитов и государствен-

ного долга для предотвращения развития ситуации по «греческому» варианту и продолжением стимулирования экономики с помощью государственных вливаний для предотвращения второй волны кризиса. Интересна была дискуссия, развернувшаяся в прессе в преддверии саммита между апологетами обоих этих подходов – Германией, пропагандирующей первый вариант (что неудивительно, так как именно Германии пришлось взять на себя большую долю бремени по вызову Афин из сложной ситуации) и США, мотивирующих свою позицию нежеланием повторения депрессии первой половины 30-х годов XX в. Интересно, что необходимость «сохранения лица» и важность достижения хотя бы видимого согласия в ходе саммита, для сохранения самого процесса «двадцатки» вынудила прибегнуть к дипломатической уловке, когда в открытых дебатах не участвовали первые лица госу-

дарства, а она свелась на уровень старших должностных лиц министерств и ведущих представителей научного сообщества.

В итоге на саммите «двадцатки» использовался обкатанный ранее «восьмеркой» механизм приведения к общему знаменателю на минимально конкретных условиях. С одной стороны, действительно было принято общее заявление о том, что существует необходимость приступить к процессу сокращения государственного долга и обозначено время начала – с 2011 г., но с другой – у каждой страны есть возможность выбирать в какой период 2011 г. приступить к выполнению данной задачи. Хотя положительно можно оценить взятое обязательство о сокращении объема госдолга в странах «Группы двадцати» к 2013 г. наполовину и стабилизации бюджета по отношению к ВВП к 2016 г.

Похожая ситуация сложилась и с вопросом, касающимся проблемы реформирования международной финансовой архитектуры, с точки зрения введения особого налога на банки или на финансовые операции. Россия изначально отрицательно относилась к данной инициативе, мотивируя это тем, что подобный налог станет дополнительным бременем не столько для банков, сколько для тех же самых граждан и так уже пострадавших от кризиса, на плечи которых в итоге и будет переложен этот налог. Основными проponentами этой идеи выступали США, Германия и Франция. При этом в ряду противников инициативы оказались не только страны БРИК, но и страны «семерки» Япония и Канада,

неоднократно с гордостью заявлявшая себя в качестве примера наиболее грамотного выхода из кризиса и реально-го отсутствия проблемы с банковским сектором. В итоге, в соответствии с формулой «согласия не соглашаться» было решено осуществить такие меры в тех странах, которые считают необходимым введение подобного налога*.

Проблема реформирования международных финансовых институтов также стояла на повестке дня «Группы двадцати», хотя тема отнюдь не новая и в большой степени унаследована от «восьмерки».

Достаточно вспомнить перипетии саммита в Галифаксе (Канада, 1995 г.), когда была предпринята очередная, хотя и не вполне успешная, попытка обсуждения реформирования ООН и МФИ. Хотя принятие конкретных решений по МВФ и Всемирному банку ожидается лишь к саммиту в Корее (ноябрь 2010 г.).

Так как проблема изменения климата также была отнесена к компетенции «двадцатки», то еще одним вопросом повестки дня стало сокращение энергетических субсидий для обеспечения «зеленого» роста. Хотя опять же серьезного прогресса на переговорах достигнуто не было, что не удивительно. Несмотря на все надежды, возлагавшиеся на прошлогоднюю знаковую Копенгагенскую встречу по изменению климата, она закончилась провалом и никакого юридически обязывающего документа так принято и не было. Соответственно ожидать от «двадцатки» чего-то большего, чем повторения положения об «общей, но дифференцированной ответственности» не приходи-

* В качестве конкретного примера можно вспомнить положение в итоговом документе по Глобальной энергетической безопасности, принятом «восьмеркой» на саммите в Санкт-Петербурге (2006 г.) об использовании и развитии ядерной энергетики теми странами «Группы», которые считают данное направление важным и нужным.

лось. Изменение касается скорее места следующих надежд по сравнению с предыдущими встречами – теперь основной упор делается на грядущую конференцию в Канкуне вместо Копенгагена.

Среди других вопросов, которые обсуждались на саммите «двадцатки» можно отметить проблему борьбы с коррупцией и призыв лидеров к самим себе и другим членам международного сообщества ратифицировать и полностью осуществлять Конвенцию ООН против коррупции, а также обязательство проведения «страновых обзоров» в соответствии с вышеупомянутой Конвенцией.

Была также подтверждена приверженность лидеров «двадцатки» достижению ЦРТ, несмотря на более тяжелые условия их достижения в условиях текущего кризиса.

Перспективы деятельности «Группы восьми» и «Группы двадцати»

Как же можно оценить прошедшие саммиты с точки зрения их пользы и реального вклада в устойчивое развитие, стабильность и процветание существующей международной системы?

На взгляд автора, текущие саммиты оказались довольно посредственными и ничем не выделялись, кроме достаточно низкого уровня организации. С точки зрения содержания, то и саммит «восьмерки», и саммит «двадцатки» не внесли серьезных инноваций и не предложили альтернативных вариантов улучшения существующей системы. Хотя представляется, что первостепенной задачей «восьмерки» является не столько улучшение, сколько максимальное сохранение существующего порядка на благоприятных условиях для участников «клуба», либо, в крайнем случае, модификация существую-

Можно уже сказать, что традиционно прозвучал призыв «двадцатки» к недопущению протекционизма и поощрению торговли и инвестиций, хотя предыдущий опыт показывает, что, несмотря на неоднократно принимаемые заявления, далеко не все страны «двадцатки» следуют собственным обещаниям, что опять же продолжает «славную» традицию «восьмерки» по достаточно спокойному отношению к принимаемым на себя обязательствам (касается ли это соблюдения сроков окончания переговоров (например, раундов ВТО), обозначенных в итоговых заявлениях, или объемов помощи, как это получилось с Глениглзскими обязательствами по помощи Африке и другим развивающимся странам или других инициатив, подобных все еще не завершеному Глобальному партнерству по борьбе с распространением ОМУ).

щей системы с наименьшими потерями для тех участников, мощь которых в международной политике и экономике перенесла относительную эрозию. «Группа двадцати» в этом плане представляет переходный механизм, в котором сталкиваются эти две силы – стремящиеся к сохранению статус кво, либо наоборот, к осуществлению революционных изменений, способных дать новым игрокам реальный доступ к глобальному управлению.

Соответственно принципиальная разница этих механизмов и представляет собой фактор, объясняющий необходимость существования обеих структур.

Возможно достаточно банальным прозвучит утверждение о преимуществах ограниченного количества участников клуба с точки зрения шансов на достижение конкретных устраивающих

всех договоренностей, но от этого реальность не изменится и «двадцатка» не превратится в клуб действительных единомышленников, способных достичь консенсуса и конкретных результатов по любому вопросу. Соответственно, именно продолжение жизнедеятельности «восьмерки» сможет обеспечить ту ситуацию, когда лидеры смогут неформально достигать договоренностей по ряду важных вопросов, впоследствии передавая консенсусные решения на дальнейшую проработку в международных организации вроде ООН, Всемирного Банка или МВФ.

При этом параллельная деятельность «двадцатки» позволит сократить количество недовольных тем, что серьезные решения принимаются без их участия. Это не предполагает того факта, что полностью исчезнут страны, возмущенные исключением из элитных «клубов», но, тем не менее, демографический, экономический и политический вес тех стран, которые входят в состав «двадцатки» позволяет в меньшей степени беспокоиться о возможной обструкции со стороны остающихся за бортом большой политики. Помимо этих двух механизмов, похожую на «восьмерочную» функцию консолидации и согласования могут выполнять и встречи БРИК.

Соответственно, нынешние условия мирополитического и мироэкономического развития требуют сохранения и продолжения деятельности всех этих трех структур. «Восьмерка» и БРИК могут играть роль моторов по выработке конкретных согласованных решений, а «двадцатка» – задачу примирения руководящих ролей новых и старых претендентов на мировое лидерство*, а также функцию относительной легитимизации принимающихся решений**.

Также существование «двадцатки» может способствовать тому, что «восьмерка» наконец сможет позволить себе проводить настоящий формат «бесед у камина» (*fireside chats*). Именно такая неформальная обстановка виделась как идеал создателями «Группы семи» Валери Жискар д'Эстеном и Гельмутом Шмидтом и могла бы привести к реальному единению лидеров, не обремененных формальными обязательствами и необходимостью отчитываться по результатам встречи перед прессой и международной общественностью. Наличие более широкого механизма также позволило бы избежать обвинений в «заговоре сильнейших», так как основное внимание антиглобалистов и других несогласных отныне будет приковано к встречам «Группы двадцати».

* Формальное же разделение по темам (экономическая «двадцатка» и социально-политическая «восьмерка») скорее позволяет избежать неудобных вопросов по ролевым функциям этих механизмов.

** Окончательная легитимизация, тем не менее, должна и будет происходить именно в рамках ООН или соответствующих специализированных глобальных организаций (ВБ, МВФ, ВТО, ВОЗ и т.п.).

Развитие наднациональных форм хозяйствования в Евросоюзе

Агнесса Иншакова
Ксения Беликова

Европейский союз добился значительных успехов в унификации и гармонизации законодательства и разработке наднациональных актов в области корпоративного права. Поскольку стала очевидной неэффективность привычных механизмов регулирования корпоративных отношений на наднациональном уровне в ЕС (например, унификации с помощью международных конвенций) объективно необходимым стало обращение к специфичным методам регламентации в форме гармонизации посредством директив и унификации за счет принятия регламентов. Последние в формате создания общеевропейского правового пространства рассматриваются как «наиболее сильное и эффективное средство интеграционного строительства»¹, позволяющее конструировать наднациональные формы юридических лиц, которые получают непосредственное развитие в праве ЕС и равное признание во всех государствах-членах*.

ИНШАКОВА Агнесса Олеговна – доктор юридических наук, профессор кафедры международного права РУДН. E-mail: ainshakova@list.ru

БЕЛИКОВА Ксения Михайловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и трудового права РУДН. E-mail: belikovaksenia@yandex.ru

Ключевые слова: унификация и гармонизация законодательства о корпорациях ЕС, наднациональные акты в области корпоративного права, специфичный метод гармонизации законодательства о компаниях в условиях региональной экономической интеграции в ЕС, наднациональные формы юридических лиц, Европейское объединение по экономическим интересам (*GEIE*), Европейское акционерное общество (*SAE*), Европейское кооперативное общество (*SCE*), Европейская ассоциация, Европейское общество взаимопомощи.

* В широком смысле *унификация права* – это создание одинаковых, единообразных, то есть унифицированных норм во внутреннем праве разных стран².

Среди наиболее значимых в области создания и деятельности наднациональных форм компаний, объединений и иных форм ведения предпринимательской деятельности следует выделить регламенты:

- о создании Европейского объединения по экономическим интересам (*Groupement europeen d'interet economique – GEIE*);

- о Уставе Европейской компании (*Societas Europaea – SE*);

- о Европейском кооперативном обществе (*Soci  t   coop  rative europ  enne – SCE*);

- о Европейской ассоциации и Европейском объединении взаимопомощи³ (деятельность двух последних до настоящего времени нормативными предписаниями не регламентирована).

Комиссия ЕС активно стимулирует развитие законодательных процессов в связи с принятием подобных актов, претворяя в жизнь стремление Европарламента уделять значительное внимание закреплению новых европейских организационно-правовых форм⁴.

Перечисленные общеевропейские организационно-правовые формы являются «проекцией» национальных разновидностей юридических лиц, и их существование обеспечивается санкцией ЕС, который сегодня приобрел многие черты федеративного государства. Весьма характерным является то, что даже соответствующим общеевропейским компаниям сегодня не предоставляется возможность свободного выбора применимого корпоративного права из числа правовых систем стран ЕС. Вместо этого по вопросам, не урегулированным в общеевропейских актах, в субсидиарном порядке императивно подлежит применению национальное право страны, на территории которой находится оседлость соответствующего юридического лица⁵.

Так, форма **Европейского объединения по экономическим интересам (GEIE или Объединение)**⁶ была введена Регламентом от 25 июля 1985 г. № 2137/85⁷. Цель Объединения – создание единого законодательного регулирования, стимулирующего трансграничное сотрудничество компаний разных государств-членов ЕС.

Для учреждения *GEIE* заключается договор о создании объединения, наделенного правами юридического лица, однако не имеющего права извлекать прибыль для собственных целей. Регламент о создании Объединения регулирует вопросы членства в Объединении, раскрытия информации об объединении и его членах, деятельности органов управления, распределения прибыли, ликвидации и другие. Однако большие полномочия предусмотрены национальным законодателем в развитии положений о *GEIE*.

Следует отметить, что Объединение – не слишком популярная форма ведения предпринимательской деятельности в ЕС в секторе реального бизнеса, она больше распространена в сфере услуг (например, среди юридических фирм). Дело в том, что вопрос о предоставлении *GEIE* правосубъектности отнесен на усмотрение национального законодательства.

Например, Германия и Италия не признают его юридическим лицом, следовательно, не возможно утверждать, что такое объединение имеет широкие полномочия в данных странах, а значит, может быть притягательной формой для европейских компаний.

К недостаткам, присущим Объединению, можно отнести следующие: эта организационно-правовая форма не предоставляет ее участникам преимуществ ограниченной ответственности, она не может быть учреждена для получения прибыли или быть холдинго-

вой компанией, и не может нанимать более 500 работников⁸. В то же время полностью «сбрасывать со счетов» данное экономическое образование не следует. Ведь цели данного хозяйствующего субъекта иные, чем у *SE*. Задачей *GEIE* является не концентрация капиталов и создание крупных «европейских» акционерных компаний, а развитие сотрудничества между мелкими и средними компаниями различных государств-членов, составляющими абсолютное большинство в экономическом пространстве ЕС.

Другим наднациональным юридическим лицом является **Европейское акционерное общество (*SAE*)**, или **Европейская компания (*SE*)**.

Данная организационная форма обеспечивает возможность беспрепятственного трансграничного слияния и перемещения по территории Сообщества с коммерческими целями.

В октябре 2001 г. Совет ЕС единогласно одобрил Регламент, содержащий Статут *SAE*, предполагающий создание национальными компаниями новой структуры на европейском уровне на основе модельного устава акционерного общества, регулируемой наднациональным законодательством.

Регламент «О Статуте Европейской Компании»⁹ вступил в силу 8 октября 2004 г.

По сути, Европейская компания – обыкновенное акционерное общество, созданное по законам страны места регистрации *SE* (п. 1 ст. 3 Статута).

Идеи о создании *SE* основаны на уровне Европейского союза без привязки к национальному законодательству*.

Эти принципы и легли в основу ныне действующего Устава Европейской компании, принятого Советом ЕС в 2001 г. на основе Регламента № 2157/2001, а также Директивы 2001/86/ЕС об участии работников в управлении компании, являющейся неотъемлемой частью Регламента.

Европейская компания – это дополнительная организационно-правовая форма к существующим в национальных правовых системах государств-членов. Прежде всего, она выгодна крупным компаниям с трансграничными операциями, так как:

- значительно снижает расходы на создание и поддержание деятельности дочерних компаний в государствах-членах;

- облегчает осуществление трансграничных операций по слиянию, созданию совместных предприятий, перенесению места нахождения и иных трансграничных операций.

Это существенно снижает расходы и позволяет оптимизировать деятельность ввиду отсутствия юридических барьеров, вызванных различиями в национальных правовых системах.

Устав *SE* регулирует вопросы ее создания, осуществления и прекращения деятельности. Остальные вопросы могут регулироваться национальным законодательством государств-членов или учредительными документами (если это предусмотрено в Уставе Еврокомпании), что, безусловно, делает привлекательной форму *SE*, содержащую единые для всех правила.

Иначе говоря, организационно-правовая форма Европейской компании, по мысли ее создателей, должна предоставить европейским хозяйствующим субъектам возможность воспользоваться

* Идеи создания некой наднациональной организационно-правовой формы деятельности на территории Европейского сообщества были предложены почти одновременно в 1959 г. в Нидерландах профессором Сандерсом и во Франции юристом и нотариусом г-ном Тибьержем¹⁰.

ся всеми преимуществами единого внутреннего рынка ЕС, в частности при ведении бизнеса, а также проведении реструктуризации на территории нескольких государств-членов ЕС.

Отныне *SE* призвана удовлетворить насущную потребность европейских законодателей и деловых кругов в создании такой организационно-правовой формы юридического лица, которая позволяет хозяйствующим субъектам осуществлять трансграничные слияния и переносить место нахождения официального административного центра из одного государства-члена ЕС в другое, не прибегая к процедуре ликвидации и повторной регистрации в другом государстве. Кроме того, это позволяет упрощать административные структуры и снижать уровень административных расходов компаний¹¹.

По замыслам европейских законодателей, *SE* должна стать «флагманом общеевропейского права компаний»¹², дополнительной организационно-правовой формой юридического лица, позволяющей открыть ряд новых возможностей по реструктурированию деятельности европейских предприятий и их выходу на международный уровень¹³.

Так, одна из крупнейших мировых страховых компаний – *Allianz* была преобразована из немецкого акционерного общества в европейскую компанию. Более того, среди европейских гигантов в *SE* были преобразованы такие компании, как *Porsche Automobil Holding SE*, лидер химической промышленности – *BASF SE*, электротехнический гигант – *Elcoteq SE* и некоторые другие компании¹⁴.

Положение о *SE* не является всеобъемлющим документом и представляет собой в значительной степени рамочный акт, так как многие вопросы

оставлены на разрешение национальным законодательствам государств ЕС. В то же время на сегодняшний день более десяти государств-членов ЕС уже приняли специальные нормативные акты, регламентирующие порядок формирования и функционирования такого вида юридического лица, как *SE*¹⁵.

Еще одним наднациональным правовым образованием является **Европейское кооперативное общество (*SCE*)**¹⁶.

Данная организационно-правовая форма представляет собой в государствах-членах ЕС современное и динамическое юридическое лицо, учрежденное на основах коммунитарного права.

В частности, правовой основой для него выступил Регламент Совета ЕС № 1435/2003 от 22 июля 2003 г. «О статусе европейского кооперативного общества»* и Директива Совета 2003/72/ЕС от 22 июля 2003 г. о дополнении статуса Европейского кооперативного общества правилами, регулирующими привлечение работников к управлению¹⁷.

Европейское корпоративное общество (далее – *SCE*) может быть учреждено как физическими, так и юридическими лицами. Кроме того, *SCE* может быть учреждено слиянием уже существующих кооперативов, при этом главным условием является сохранение элемента наднациональности, то есть субъекты всегда должны иметь происхождение или юридический адрес минимально в двух государствах-членах ЕС.

Таким образом, принятие статута *SCE* значительно упрощает возможность трансграничного ведения бизнеса кооперативными предприятиями.

В настоящее время Совет ЕС рассматривает проекты таких наднациональных правовых образований как **Ев-**

* Регламент применяется с 18 августа 2006 г.

ропейская ассоциация* и **Европейское общество взаимопомощи (Европейское общество взаимного кредитования)****.

Кроме того, 25 июня 2008 г. Европейская Комиссия представила на обозрение общественности предложения по Уставу о **Европейской частной компании** (*a proposal for a Statute on a European Private Company* – «*SPE*»), которая, по мнению разработчиков, должна прийти на смену мелких и средних компаний, количество служащих в которых не должно превышать 250 чел.¹⁸.

Изложенное позволяет заключить, что реализация унификации корпоративно-го регулирования за счет конструирования наднациональных организационно-правовых форм юридических лиц частного права представляется не менее интересным и перспективным, чем ставший уже традиционным метод гармонизации законодательства о компаниях в условиях региональной экономической интеграции в ЕС.

С помощью данного направления унификации может быть устранена основная причина различий в правовом положении юридических лиц государств-членов, которая коренится, главным образом, в том, что каждое государство имеет собственную систему организационно-правовых форм юридических лиц, а уникальные специфические особенности этих систем предопределяют отсутствие связующих звеньев между ними¹⁹.

Такие компании, в свою очередь, делятся на три подгруппы:

- самые мелкие с численностью служащих до 10 чел.;
- небольшие компании, в которых занято от 10 до 49 чел.;
- средние – от 50 до 250 служащих***.

Важность планируемых изменений заключается и в масштабах, поскольку такие предприятия составляют 99,8% всех европейских предприятий, обеспечивающих более 67% рабочих мест¹⁴.

Примечания

¹ Шемятенков В.Г. Европейская интеграция. М.: Международные отношения, 2003. С. 51.

² Доронина Н.Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции // Журнал российского права. 1998. № 6. С. 58–59.

³ Кадлец М.В. Корпоративное право Европейского союза: от общих принципов до Устава Европейской компании // Международное публичное и частное право. М.: Юрист, 2005. № 6. С. 14–16; Асосков А.В. Правовые формы участия юридических лиц в международном коммерческом обороте. М.: Статут, 2003. С. 246–268.

⁴ Reforming Company and Takeover Law in Europe, edited by G. Ferrarini, K.J. Hopt, J. Winter and E. Wymeersch. Oxford University Press Inc. New York, 2004.

⁵ Асосков А.В. Рецензия на статьи Дж.Дэмманна, посвященные концепции свободы выбора права, применимого к корпоративным отношениям // Вестник гражданского права. 2007. № 4. Т. 7. С. 271–280.

⁶ European Economic Interest Grouping (*EEIG*).

* European Association (*EA*).

** European Mutual Society (*EMS*).

*** Такое деление предприятий на малые и средние является распространенным в Европе¹⁹.

- ⁷ Council Regulation № 2137/85 (OJ. 1985. L 199) (Регламент вступил в силу в августе 1989 г.).
- ⁸ *Dine J.* The European Economic Interest Grouping and the European Company Statute: New Models for Company Law Harmonization // M.Adenas and S.Kenyon-Slade. EC Financial Market Regulation and Company Law. London, 1993. P. 189.
- ⁹ Council Regulation (EC) №2157/2001 of October 2001 on the Statute for European Company (SE) // Official Journal. № L294. 2001. P.001–0021.
- ¹⁰ *Tavares da Costa C., de Meester Bilreiro A.* The European Company Statute. Great Britain. Kluwer Law International, 2003.
- ¹¹ Proposition de loi relative a la societe europeenne, session ordinaire de 2003 – 2004, annexe au procus-verbal de la seance du 9 octobre 2003 // <http://www.senat.fr/leg/pp103-011.html>.
- ¹² *Hopt K.J.* Zeitschrift fur Wirtschaftsrecht (ZIP). 1998. P. 96.
- ¹³ Werlauff. SE – The law of the European Company. DJWF Publishing. Copenhagen, 2003. P. 1.
- ¹⁴ *Сокольников Д.Е.* Правовое регулирование слияния и поглощения компаний в праве Европейского Союза. Диссертация на соискание степени кандидата юридических наук. 12.00.03. М., 2009. С. 26, 27, 28.
- ¹⁵ European Company Statute blocked by national delays // Single Market News. Issue №35. October 2004.
- ¹⁶ European Cooperative Society (ECS) // OJ 2003 L 207/1.
- ¹⁷ OJ 2003 L 207/25.
- ¹⁸ Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions – “Think Small First” – A “Small Business Act” for Europe [SEC(2008) 2101] [SEC(2008) 2102]. COM/2008/0394 final.
- ¹⁹ Retrato de las PYME 2009. // <http://estadisticas.ipyme.org/InformesEstadisticos/RetratoPYME2009.pdf>
- ²⁰ *Асосков А.В.* Тенденции развития частноправового регулирования транснациональных корпораций. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2002. № 5. С. 63 (104); *Иншакова А.О.* Унификация корпоративного регулирования в Европейском Союзе и Содружестве Независимых Государств. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2008. С. 155–182 .

**ОБЗЕРВАТЕЛЬ
OBSERVER**

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Венесуэльский «социализм»

Ирина Букова

До Уго Чавеса

Говоря о венесуэльском «социализме» и политике его лидера, будет уместно кратко охарактеризовать ту непростую ситуацию, которая сложилась к началу 90-х годов XX в. в Венесуэле до прихода к власти подполковника Уго Рафаэля Чавеса Фриаса.

Периоду кризиса конца 80-х годов предшествовали более 30 лет устойчивого развития, относительного материального благополучия и функционирования институтов представительной демократии. Значительные валютные поступления от продажи нефти в условиях благоприятной внешней среды позволяли проводить сбалансированную социальную политику. В этот период Венесуэла выглядела как островок демократии и процветания среди огромного моря авторитарных диктатур и социально-политической турбулентности, распространенных в те времена по всей Латинской Америке.

Однако в силу ряда причин экономика страны постепенно входила в фазу стагнации. Использовать нефтяную модель в качестве источника развития больше не представлялось возможным из-за чрезмерной финансовой расточительности правящей группировки, массового бегства капитала за границу, истощения валютных поступлений в связи с резким изменением условий на мировом рынке и непомерного внешнего долга, достигшего 35 млрд. долл., на обслуживание которого уходило до 40% бюджета¹.

Для выхода из кризиса страна нуждалась в кардинальных свежих решениях социально-политического и экономического характера и финансовой помощи международных институтов. Международный валютный фонд и Всемирный банк согласились предоставить помощь странам, находящимся в ситуации жесточайшего спада экономики.

БУКОВА Ирина Андреевна – аспирантка кафедры социологии международных отношений МГУ им. М.В.Ломоносова. E-mail: irina-bukova@yandex.ru

Ключевые слова: Венесуэла, левый радикализм, «боливариизм», «социализм XXI века», социальные реформы, национализация, нефтяной фактор, антиамериканизм.

Необходимые финансовые ассигнования предоставлялись на определенных условиях, наиболее важным из них было обязательное проведение внутригосударственных экономических реформ, связанных с либерализацией экономики, приватизацией госпредприятий и минимизацией государственных расходов на социальные нужды. Анти-социальные, по сути, условия были приняты, в результате в стране резко ухудшилась социально-экономическая ситуация, что повлекло за собой массовое недовольство населения.

В стране неоднократно вспыхивали восстания, одно из которых в 1992 г. возглавили молодые офицеры под руководством подполковника Уго Чавеса. Путч был подавлен. Но, несмотря на неудачу, харизматичный лидер Уго Чавес и его выступление оставили след в сознании народа. Бедняки, говорил он, «не могут покупать мясо, они довольствуются едой из банановой кожуры. А зарплата большинства работающих населения в 4 раза меньше стоимости покупательской корзины»².

Социальная база президента Венесуэлы

В это время на политическую авансцену Венесуэлы возвращается Уго Чавес. Пересмотрев свои позиции, он в 1998 г. приходит к власти демократическим путем. Примечательно то, что в начале президентства политическая программа лидера Венесуэлы не носила радикального характера и не была революционной. Главное место в ней отводилось борьбе с коррупцией, внедрению социальных программ, в том числе по предоставлению всем гражданам медицинского обслуживания и возможности получения образования, борьбе с голодом. И все это должно было проводиться при активном участии граждан.

Одной из стратегий становления Чавеса как политической фигуры и

Ввиду массового обнищания граждан недовольство населения действиями правительства возрастало. Пришедший в 1994 г. к власти кандидат от левоцентристского союза партий Рафаэль Кальдера попытался изменить ситуацию к лучшему. За счет вмешательства государства в экономику ему ненадолго удалось стабилизировать социально-экономическую ситуацию в стране. Однако в этот же период обанкротилось более 70 тыс. малых и средних предприятий и вопреки своим левоцентристским убеждениям действующий президент, как и его предшественник Карлос Андрес Перес, также был вынужден прибегнуть к помощи МВФ на тех же условиях – Венесуэла должна была продолжить осуществление неолиберальных реформ.

Эта ситуация усугублялась и мировым нефтяным кризисом. Возмущение населения все больше возрастало. Страна нуждалась в серьезных социальных реформах, улучшении макро- и микроэкономических показателей, в новых социально-экономических решениях.

последующего удержания высокого рейтинга явилось «правильное» сегментирование электората.

Свою «целевую аудиторию» он определил еще в 1992 г., когда им была предпринята первая попытка прихода к власти силовым методом. Она состояла из так называемых «исключенных» (от испанского – *excluidos*) из жизни гражданского общества и жителей беднейших кварталов, а таких людей в Венесуэле большинство. За время проведения неолиберальных реформ прослойка среднего класса также уменьшилась.

В начале президентства электорат Уго Чавеса был достаточно репрезентативен. Но по мере радикализации правящего режима, проведения экономиче-

ских, политических и социальных реформ и, особенно, национализации предприятий уровень популярности президента среди средних и высших слоев населения начал стремительно падать.

В настоящее время социальную базу Уго Чавеса составляет малоимущее население, представители интеллигенции левой ориентации, а также многочисленная армия чиновников, которые в силу личных убеждений или для сохранения занимаемой должности проводят леворадикальную политику.

Революционно настроенный венесуэльский президент невольно вызывает ассоциации с известными харизматичными лидерами – В.И. Лениным в Рос-

сии и с Че Геваррой на Кубе, а впоследствии с Фиделем Кастро. И не случайно. Кубинский лидер является наиболее близким советником и соратником венесуэльского президента.

Ряд политологов, размышляя над причинами необычайной популярности Чавеса, объясняют ее тем, что для определенных групп венесуэльского электората, особенно бедняков или изгоев, которых в стране большинство, он представляет собой образ, который отражает ожидания чудодейственного выхода из тупика и намерения привести к власти новое поколение, наказав традиционное политическое руководство, погрязшее в коррупции»¹.

Формирование концепции «боливаризма»

К началу правления у нового президента сформировалась определенная картина мира. Огромное влияние на политико-идеологические воззрения Уго Чавеса оказали национально-патриотические и просоциалистические взгляды выдающегося латиноамериканского деятеля и национального героя Венесуэлы Симона Боливара.

Еще задолго до вступления на пост президента Уго Чавес со своими сторонниками создали **концепцию боливаризма**. В последствии основные постулаты боливаризма воплотились в конкретные внутри- и внешнеполитические действия венесуэльского правительства. Принятие этой концепции в качестве государственной идеологии послужило мотивом для легитимизации левосторонних убеждений президента и последующей разработки программы по построению *«социализма XXI века»*.

Боливарианская концепция относится к флангу просоциалистических подходов XX в. Она родилась в 80-е годы XX в., в недрах политической группировки КОМАКАТЕ, состояв-

шей из выпускников военного училища, возглавляемой Уго Чавесом. Члены группировки вдохновлялись идеями марксизма-ленинизма и практикой кубинской революции.

В 1983 г. Венесуэла отмечала 200 лет со дня рождения Симона Боливара – главного лидера освободительной борьбы народов Латинской Америки против испанских колонизаторов в первой четверти XIX в. Этот период стал переломным моментом для самоопределения группы.

Будучи ярыми поклонниками Симона Боливара, участники четко обозначили свой новый идейно-политический курс, сформировавшийся на основе осмысления и синтеза интеллектуальной и практической деятельности Симона Боливара.

Изучив политические воззрения латиноамериканского революционера, участники объединения пришли к выводу, что многие идеи Симона Боливара так и не были реализованы на латиноамериканской почве и остаются актуальными в современной Латинской Америке. Среди них:

- национальное самоопределение;
- поиск своего места в мире и модели политического устройства;
- развитие политического поведения граждан и другие.

В 1983 г. группа была переименована в **Революционное Боливарианское Движение (МБР-200)**.

В качестве образа боливарианской организации выступало дерево с тремя корнями:

Первый корень – идеи Боливара о равенстве и свободе, латиноамериканской интеграции;

Второй корень – взгляды Эсекиеля Саморы, сторонника суверенного народа и гражданского союза;

Третий корень – рассуждения Симона Родригеса, учителя Боливара о народном образовании, свободе и равенстве.

Одной из отличительных черт боливаризма считается *этатизм*. Его теоретики рассматривают государство как главного гаранта эффективности боливарианской революции.

Ссылаясь на слова Боливара о том, что демократическая форма правления является наиболее слабой, его сторонники утверждают, что государственная структура должна быть наиболее крепкой, где все институты направлены на сотрудничество во имя стабильности. Идеологи боливаризма обосновывают необходимость сильного государства как гаранта соблюдения прав человека и защиты национальных интересов. Они также ссылаются на цитату из Боливара, которую можно считать главной формулой идеологического и политического курса: «Наилучшая система правления должна максимально обеспечивать благосостояние, социальную безопасность и политическую стабильность. Как полагают аналитики, опираясь на данное утверждение, правительство Венесуэлы как бы ос-

тавляет за собой право на ужесточение методов руководства»³.

Исследователи отмечают, что в концепции государства Боливара чувствуется влияние идей социалистов-утопистов, одним из представителей которых был Симон Родригес⁴. Для заглаживания погрешностей деспотизма и войны, Боливар считал необходимым установление сильной центральной власти государства и пожизненного президентства.

Примечательно, что Уго Чавес уже предпринял ряд шагов, направленных на практическое воплощение этих идей. На сегодняшний день он сосредоточил практически всю власть в своих руках и изменил некоторые положения Конституции, таким образом, чтобы они давали ему основания для пожизненного президентства.

Большое внимание Симон Боливар уделял необходимости образования, морали и просвещения. Особое место во взглядах мыслителя занимала тема свободы и равенства. Наилучшей формой правления мыслитель считал республиканский строй.

Стоит отметить, что в период правления Уго Чавеса, Венесуэла была переименована в Боливарианскую Республику Венесуэлу. В планах президента последующее переименование страны на Боливарианскую Социалистическую Республику Венесуэлу. Идеи моральной ветви власти и 3-х палатного парламента также принадлежат ему. Противники Боливара полагали, что моральная власть являлась ширмой для установления диктатуры.

В боливарианской концепции революция рассматривается как качественно новое явление. Современные теоретики боливаризма трактуют революцию как ускорение процессов в сторону общества равных, где нет исключенных. По мнению критиков, боливарианцы используют имя Боливара в идео-

логии и политике для оправдания любых начинаний, а само течение все больше приобретает черты светской религии⁵.

Современная концепция боливаризма несет в себе не только преемственность и переосмысление идейно-политических воззрений Симона Боливара, но также и существенные отличия от традиционных идей латиноамериканского просветителя.

Марксистская теория социалистического общества, несомненно, оказала существенное влияние на формирование методологических основ боливаризма, однако на континенте сложилась традиция, согласно которой латиноамериканская мысль стремилась представить марксизм в адаптированном варианте, избегая простого заимствования.

По словам Уго Чавеса, диктатура пролетариата несовместима с современной Венесуэлой. Президент Венесуэлы часто упоминает о вкладе Г.В.Плеханова, А.Грамши, Х.К.Мариастиги в развитие боливарианской мысли.

«Левый поворот» в странах Латинской Америки и классификация режимов

На волне таких настроений в конце XX и в начале нынешнего века в ряде стран региона к власти приходят левосторонние правительства. Уго Чавес в Венесуэле, Лула да Силва в Бразилии, Нестор Киршнер в Аргентине, Табаре Васкес в Уругвае, Эво Моралес в Боливии, Рафаэль Корреа в Эквадоре, Даниэль Ортега в Никарагуа, Маурисио Фунес в Сальвадоре.

Несмотря на общую направленность движения, между социально-политическими взглядами лидеров стран проходит четкий водораздел. Политологи подразделяют их на центристов и радикалов. К левым радикалам относят Уго Чавеса и Эво Моралеса.

Нынешний боливаризм вписывается в левонародническое направление и предстает в виде социалистического учения, в котором акцент постепенно смещается с националистического патриотизма к левому радикализму. Основу современного боливаризма составляют концепции «*боливарианской революции*», демократии участия и программа «*социализма XXI века*».

Рост симпатий к так называемой левой идеологии в латиноамериканском регионе, и в Венесуэле в частности, не случаен и вызван, с одной стороны, недовольством населения результатами глобализации и навязанных Западом ценностей, что, в свою очередь, привело к формированию антиглобалистских движений. Наиболее ярким антиглобалистом в регионе является Уго Чавес. С другой стороны, возрождение популярности левых настроений связано с ухудшением условий жизни граждан, поиском альтернативы существующей неolibеральной модели, дискредитацией прозападных политических режимов.

Всех лидеров объединяет то, что «во-первых, они отвергают фундаменталистский неolibерализм, наиболее концентрированно отраженный в «Вашингтонском консенсусе». Во-вторых, они стремятся к поиску альтернативного пути развития»⁶.

Разделительная черта между ними проходит в области целей и методов осуществления развития, в отношении к внутригосударственным и международным институтам, пониманию демократии и международного порядка.

Радикалам свойственно окрашивать всю предыдущую политическую историю в черный цвет. Придя к власти, они предпочли разрушить систему

представительной демократии и на ее развалинах строить новый образ политической жизни общества, охарактеризованный как демократия участия. Согласно определению этой модели, граждане непосредственно участвуют в подготовке, осуществлении и принятии решений на основе принципов равенства. Однако такие реалии сегодняшней Венесуэлы, как централизация власти в руках президента и правящей партии, непримиримость по отношению к оппозиции и в соответствии с этим раскол общества на «своих и чужих» затрудняют и тормозят осуществление демократических принципов.

Центристы же, напротив, ничего не разрушая, стремятся к постепенному переходу от диктатуры к плюралистической демократии. Для центристов демократия не ширма, а абсолютная ценность. В отличие от радикалов, нацеленных на полный контроль парламента, центристы стремятся к поддержанию равновесия законодательной и исполнительной власти, соблюдая основной демократический принцип разделения властей.

В отношениях между государством и рынком, у радикалов наблюдается явный крен в пользу государства.

Ярким примером может служить проект национализации промышленности в Венесуэле. Если в начале процесса перевода частной собственности в государственную, речь шла о национализации исключительно стратегических секторов промышленной индустрии, среди которых на первом месте была нефтедобывающая отрасль, то впоследствии волна национализации захлестнула все области промышленности и повлекла за собой ухудшение отношений с представителями среднего и крупного бизнеса, СМИ, верхушкой католической церкви.

Центристы умело балансируют между государством и рынком. Стре-

мятся минимизировать негативные последствия капитализма и избирательно подходят к капиталистической и социалистической системам, взяв лучшее из них. Для центристов приоритетным является сохранение внутриобщественной стабильности. Реформы и социальные программы осуществляются постепенно, без резких выпадов популистского характера, свойственного радикалам.

Правительства Бразилии, Аргентины, Уругвая и Чили стремятся к налаживанию сбалансированных отношений с различными политическими и социальными кругами на основе взаимного согласия.

Власти Венесуэлы блокируют оппозицию, используя различные административные ресурсы, тем самым нагнетая обстановку.

По мнению ведущих российских специалистов по Латинской Америке, в венесуэльской политике смещены приоритеты, она носит экспансионистский характер и нацелена на аккумулярование благоприятного имиджа лидера Венесуэлы. Если власти Бразилии акцентируют внимание на решении социальных проблем, то правительство Уго Чавеса растрчивает финансовые ресурсы на оказание материальной помощи нуждающимся странам региона, притом что проблемы бедности в собственной стране до сих пор остаются нерешенными.

Критики венесуэльского социализма отмечают импульсивность и демонстрационный эффект внутригосударственной социальной политики. Социальные выплаты нуждающемуся населению являются крайне необходимыми мерами. Однако такие акции популистского характера рассчитаны на кратковременную помощь и не решают основную проблему – создание дополнительных рабочих мест.

В отличие от центристов, Уго Чавес выбрал революционный путь развития,

идеологическим наполнением которого призван служить боливаризм, где в качестве долгосрочного проекта в 2005 г.

была разработана и принята программа по построению «социализма XXI века».

Методологические основы программы «социализма XXI века»

Концепция «социализма XXI века» создана в 90-е годы XX столетия немецким социологом и политологом Хайнцем Дитрихом Стефаном, который в настоящее время является консультантом Уго Чавеса.

По мнению Дитриха, экономическая теория Маркса представляет собой статичную модель идеального общества и неосуществима в современных условиях. Дитрих не отрицает рыночную экономику. Его проект предполагает функционирование экономики в рамках действующей системы производства. В качестве экономической составляющей теории предлагается модель смешанной экономики, где главенствующая роль отводится трем субъектам: государству, частному предприятию, кооперативу. На сегодняшний день по такой схеме действует венесуэльская экономика.

В 2005 г. Уго Чавес поставил перед исследователями задачу по разработке методологической основы *венесуэльского «социализма»*.

Существенный вклад в создание данной программы внес венесуэльский исследователь Оскар Рейес.

Исследователь полагает, что ключевым моментом в социализме нового типа служит взаимосвязь между социалистической системой производства и правительством, проводящим демократический курс.

В «социализме XXI века» исследователь выделяет два принципиальных отличия от классического марксизма:

– во-первых, путь к социализму должен осуществляться мирным путем;

– во-вторых, политический режим должен быть демократическим.

Несмотря на стремление и веру президента и его сторонников в возможность осуществления данной программы, Оскар Рейес реалистически относится к новому проекту, предупреждая Уго Чавеса, что Россия, Китай и Куба уже пытались построить социализм и потерпели неудачу. По мнению ученого, жизнеспособность социализма нового типа, идущего по пути неортодоксального марксизма, можно будет оценить только в будущем.

Ряд отечественных и зарубежных специалистов критикуют венесуэльский «социализм» за эклектичность и явно незаконченный характер. Отмечается, что концепция представляет собой набор тезисов, частично взятых из марксизма, а также из теории «народного капитализма». Кроме того считают, что создание данной программы используется в большей степени для мобилизации низов, чем как стройная альтернативная теория, способная внести что-то новое в обновление социализма советского образца.

Давыдов В.М. отмечает близость этой концепции к идеям альтерглобализма⁷.

Другие исследователи считают, что новая социалистическая теория направлена, в первую очередь, на решение практических задач и поэтому лишена концептуальной строгости.

Такая позиция отчасти вытекает из общей направленности латиноамериканской социально-политической мысли. Исторически страны региона находились в зависимости от третьих стран. Затем наступил период активного ста-

новления самосознания и преодоления диспропорций зависимого, а впоследствии догоняющего развития и поиска альтернативного пути. Были созданы концепции «теологии освобождения», «латиноамериканской сущности» и многие другие.

По мнению автора, венесуэльская теория «нового социализма» находится в стадии становления и будет меняться в зависимости от происходящих событий и поставленных задач.

На данном этапе президент Венесуэлы определяет сущность «социализма XXI века» следующим образом.

Строители социализма, по его мнению, должны, прежде всего, исходить из моральной, общественной, политической, экономической, геополитической мотивации⁸, а именно:

1. Морально-этическую сторону социализма Чавес определил как осуществление моральной революции, подразумевающей сплочение нации на основе христианских принципов солидарности и любви. Примечательно, что президент в своих выступлениях часто использует теологическую риторику.

Так, к примеру, обличая в коррупции и бездействии чиновников, он неоднократно призывал их перечитать «Нагорную Проповедь» Иисуса Христа из «Священного Писания».

2. Общественная сущность социализма понимается лидером Венесуэлы как достижение всеобщего равенства, искоренение нищеты, право граждан на своевременную медицинскую помощь, образование, жилище и работу.

3. В политическом ракурсе социализм, по мнению Чавеса, призван олицетворять демократию. Именно здесь и кроется основное противоречие между словами и действиями правительства. Демократия все больше приобретает роль ширмы.

Так, в 2006 г. началась компания по роспуску правящего движения «V Респуб-

лика» и формированию на его месте единой социалистической партии Венесуэлы. Призывом к вступлению служили лозунги: «Кто против единой социалистической партии, тот против Чавеса», «Социализм или смерть» и т.д.

Широко использовались административные рычаги. Многие люди вступали в партию из боязни потерять работу.

К антидемократическим действиям, многие международные политологи отнесли решение правительство о закрытии оппозиционного канала *Radio Caracas Television (RCTV)*. Канал был закрыт за отказ транслировать выступления президента.

По словам директора национального телекоммуникационного агентства, такая участь может постигнуть любой канал, нарушивший правило «обязательной» трансляции правительственных программ.

Столь кардинальные шаги правительства повлекли за собой массовые акции протеста. По оценке международных экспертов, такая политика может лишить президента власти.

Безапелляционные действия команды Уго Чавеса противоречат логике «нового» в социализме, напоминая аналогичные меры, предпринимаемые в прошлом Коммунистической партией СССР.

4. С точки зрения экономики, строители «социализма XXI века» должны быть нацелены на создание пяти форм собственности: государственной, общественной, коллективной, смешанной и частной с преобладанием первых трех.

5. Геополитическая цель социализма – латиноамериканская интеграция и помощь со стороны Венесуэлы дружественным странам, диверсификация международных связей для ослабления зависимости государства от США.

Для создания более полной картины, происходящих в Венесуэле перемен будет целесообразно подробнее остановиться на «пяти китах» нового социализма.

Политическая база «венесуэльского социализма»

В первую очередь речь пойдет о кардинальных политических изменениях, произошедших в стране с приходом к власти Уго Чавеса. Сразу же после вступления в должность президента венесуэльский лидер принял указ о принятии новой Конституции, заложившей законы политического и экономического порядка. Одним из новшеств Основного Закона стало введение двух дополнительных ветвей власти: электоральной и народной (гражданской).

Функции *электоральной власти* заключаются в осуществлении и контроле процедур избрания органов власти на всех уровнях, а также руководства партий, профсоюзов и предпринимательских организаций.

Основной костяк *народной (гражданской) власти* образуют министры, отныне именующиеся «народными», призванные содействовать перестройке институциональной базы всей политической системы.

Комплекс народной власти также состоит из региональных и муниципальных коммун и 30 тыс. коммунальных советов, созданных на базе ликвидированных прежних муниципальных структур, сформированных с целью «трансформировать прежнее буржуазное государство, которое все еще существует, но уже себя изжило в государство коммун»⁹.

Примечательно, что гражданская власть практически не имеет аналогов в мировой политической практике. В ее обязанности входит контроль над действиями по искоренению коррупции и решение морально-этических вопросов, в том числе связанных с проблемами прав человека.

Сторонники президента полагают, что таким образом Венесуэла преодолела традиционную парадигму разде-

ления властей, в результате заметно активизировалось участие гражданского общества в принятии государственных решений. В подтверждение данной позиции часто приводится теоретическая возможность отзывать со своих постов государственных чиновников любого уровня – от руководителей муниципалитетов до президента. Критики же полагают, что увеличение количества ветвей власти создает видимость для прикрытия явной асимметрии в пользу полномочий президента¹⁰.

Значимым событием в политической жизни Венесуэлы явился референдум, проведенный в 2009 г., по вопросу реформирования Конституции и внесения 69 поправок, где центральное место отводилось увеличению срока правления президента с 6 до 7 лет и праву переизбрания неограниченное число раз «вплоть до искоренения бедности и нищеты».

В результате победы на референдуме политической программы президента, которую поддержали 55% избирателей, предполагалось:

- увеличить роль трудящихся в формировании вооруженных сил. Следует отметить, что по венесуэльской Конституции, армия является не только органом защиты страны, но и «активной участницей национального развития»;

- отменить автономию Центрального банка с целью полной подконтрольности государству;

- сократить рабочий день с 8 до 6 час.

Парламент в Венесуэле имеет слабо выраженную автономию и фактически является органом практически полностью подконтрольным президенту. На фоне видимости партийного плюрализма преобладает явное единовластие правящей и проправительственных

партий. Венесуэльская оппозиция во главе с бывшим кандидатом в президенты Мануэлем Росалесом не имеет значимых рычагов давления.

Политологи отчасти объясняют столь слабую позицию политических

оппонентов Уго Чавеса отказом оппозиции от участия в парламентских выборах 2005 г., в результате чего образовался политический вакуум, который незамедлительно заполнили сторонники президента.

Экономические аспекты венесуэльских преобразований

Экономическим локомотивом «нового социализма» является проект активного преобразования собственности из частной в государственную с последующей выплатой компенсаций. Этот процесс коснулся, в первую очередь, стратегически важного сектора экономики – *нефтяной промышленности*, где большая доля приходилась на частные компании с иностранным участием.

Нефть – основной экономический ресурс Венесуэлы, обеспечивающий более 80% валютных поступлений и покрывающий больше половины бюджета страны.

До национализации нефтеперерабатывающих заводов в районе бассейна р. Ориноко большая часть прибыли от продажи сырья приходилась на зарубежные ТНК. С недавнего времени зарубежным нефтяным компаниям, участвующим в совместных проектах с государственной нефтяной компанией *PDVSA*, придется согласиться с изменившимися налоговыми ставками на прибыль или покинуть страну.

В 2007 г. был принят декрет о том, что доля государства в совместных проектах с иностранными компаниями увеличится с 39 до 79%. Отныне иностранные компании, платившие 1% с налога на прибыль, должны будут платить по прогрессивной шкале, а размер их участия в акционерном капитале может составлять не более 40%.

Изменения коснулись и земельно-правовых отношений между государством и частными землевладельцами.

Земельная реформа носит выборочный характер и затронула только крупных землевладельцев.

Конфискуются в пользу государства большие площади необрабатываемых земель, находящихся в частных руках. Идет национализация земель, на которые у собственников нет исторических документов и которые не обрабатываются.

Так, член венесуэльского парламента Сабаяр Адель считает, что государство имеет право вмешаться в ситуацию, при которой наблюдается нарушение земельного законодательства.

В качестве примера приводится поместье «*La Vergarena*» площадью 187 тыс. га, где у собственников есть документы только на 20 тыс. га. Кроме того, земли заброшены, не обрабатываются¹¹.

В рамках правительственной программы по установлению общественной собственности на стратегические средства производства страны приняты законы о национализации предприятий *телекоммуникации, электроэнергетики и водоснабжения*, а также *горнообогатительных, металлургических и сталелитейных компаний, цементных заводов и золоторудных компаний*.

В соответствии с правительственной программой по борьбе с дефицитом и повышением цен на продукты питания из частных рук в государственные переходят и предприятия пищевой промышленности. Среди них компании по производству кофе и риса.

Волна национализации охватила и частные банки.

В настоящее время, более 70% банковского сектора страны находится под контролем частных предпринимателей.

В июле 2009 г. государству удалось значительно усилить свое влияние в этой отрасли, выкупив у испанской финансовой группы *Santander* третий по величине банк страны – *Banco de Venezuela*.

По мнению президента, государству для защиты своих граждан следует вмешаться в сферу банковского сектора, а именно в процесс «чрезмерной спекуляции» средствами. В связи с этим подвергаются критике частные финансовые организации, не соблюдающие законодательство и отказывающиеся расширять кредитование развивающихся производств.

В одном из своих выступлений Чавес обратился ко всем финансистам страны и недвусмысленно заявил, что любой частный банк, вне зависимости от его размера, нарушивший законы

Венесуэлы, может быть конфискован. Чавес также выразил крайнюю обеспокоенность тем, что государственные финансовые организации (включая госбанк *Banfoandes*) держат «гигантские суммы» денег на депозитах в частных банках¹².

Национализация промышленности, по мнению президента, поможет покончить с несправедливым распределением средств, присущим капиталистическому способу производства. Помимо национализации, политика правительства направлена на усиление социальной составляющей. В стране развернута крупномасштабная программа поддержки малоимущих слоев населения.

В чем же заключается сущность социальных программ команды Чавеса?

Социальные реформы

В первую очередь следует упомянуть две социальные программы, идея об осуществлении которых поступила от кубинских соратников Чавеса. Это образовательная программа, названная «миссией» – *Mision Robinson*, направленная на ликвидацию безграмотности, и создание сети медицинского обслуживания *Barrio Adentro* – «внутри района».

По заявлению самого президента, благодаря внедрению именно этих программ ему удалось выиграть референдум 2003 г. и избежать отставки¹³. В качестве одной из основных целей на будущее Чавес заявил о стремлении к полному искоренению неграмотности, как этого удалось добиться в свое время Фиделю Кастро на Кубе.

В рамках *Mision Robinson* осуществляются также и *Mision Ribas*, *Mision Sucre*, *Mision Cultura*. Эти проекты соответствуют четырем ступеням образования, начиная с начальной школы и заканчивая подготовительными курса-

ми в университет. Правительство помогает тем, кто ранее не имел возможности учиться. Бесплатно предоставляются учебники и тетради, каждый день утром и вечером в доме одной из семей проводятся уроки.

В рамках *Mission Simonsito* открылись бесплатные детские сады.

Реализация медицинской программы выглядит так.

По венесуэльско-кубинскому межправительственному соглашению в каждом «*barrio*» (районе) работают кубинские врачи.

На одного семейного доктора приходится примерно 1050 чел. – 250 семей. Люди получают бесплатные консультации и медикаменты. В Венесуэле кубинским докторам предоставляют компенсацию за питание и звонки на Кубу, а зарплату получают их семьи на Кубе.

Однако не все так безоблачно. Венесуэльские врачи, участвующие в этой программе, часто саботируют свои обязанности из-за того, что зарплата в частных клиниках намного выше, чем

в государственных. Кроме того, в стране очень развита бюрократическая коррупционная сеть. В связи с чем государственное финансирование часто не достигает пунктов назначения. Однако благодаря усилиям президента минимальная зарплата госслужащих в Венесуэле является самой высокой в латиноамериканском регионе и составляет 450 долл.

Острую проблему нехватки питания жителей бедных районов правительство решает с помощью программы *Casas de Alimentacion* – «дома питания».

Нефтяные «рычаги» политики Венесуэлы

Внутренняя политика построения «социализма» тесно связана с внешнеполитическими вопросами.

Во-первых, широко известен масштабный процесс трансформации частного бизнеса в государственный, который успел серьезно затронуть интересы зарубежных компаний.

Во-вторых, Венесуэла является одним из крупнейших мировых поставщиков энергоносителей.

Таким образом, возможность осуществления правительственных социальных программ в значительной степени зависит от конъюнктуры на рынке сырья.

В-третьих, Уго Чавес настроен на экономическое сотрудничество именно с идеологически близкими странами.

Нефтегазовый сектор Венесуэлы тесно связан с вопросами политики и идеологии. Осуществив практически полную национализацию сырьевой промышленности, Уго Чавес дал понять, что отныне Венесуэла сама будет выбирать партнеров по сотрудничеству на выгодных для себя условиях, где большая часть прибыли от нефтедобычи и переработки будет принадлежать государству. Компаниям, не согласив-

На кухнях в домах жителей района в больших количествах готовится питание для детей с недостатком веса, стариков, беременных и инвалидов. На домах жителей, предоставивших свои кухни для реализации программы, висит табличка «*Venezuela ahora es de todos*» – «Венесуэла теперь принадлежит всем».

Также в Венесуэле открываются государственные продуктовые магазины, где продаются товары по фиксированным ценам. В выходные дни в Каракасе работает так называемый «красный» рынок, привлекающий бедняков ценами в два раза ниже, чем в магазинах.

шимся с такого рода изменениями, пришлось покинуть Венесуэлу.

Среди таких компаний американские нефтяные гиганты *ExxonMobil* и *ConocoPhillips*.

Другие компании предпочли остаться на венесуэльском рынке, полагая, что при существующих ценах на нефть, даже с учетом значительно урезанной прибыли, такое сотрудничество все еще остается выгодным.

Среди этих компаний британская BP, французская *Total*, норвежская *Statoil*, американская *Chevron*.

Кроме иностранных компаний-«сторожил», в венесуэльской нефтяной промышленности есть и компании-«новички»: российские «ЛУКОЙЛ», «ТНК-ВР», «Газпром», «Сургутнефтегаз», китайская национальная нефтяная корпорация *CNPC* и другие.

Налаживание отношений между Венесуэлой и Китаем в нефтяной сфере также носит политический оттенок. Но обоюдный экономический эффект от данного сотрудничества здесь очевиден. Уго Чавес подчеркивает, что Венесуэла стремится стать главным поставщиком нефти на китайский рынок.

Политические мотивы этого проекта вытекают из принятого единого

плана сокращения поставок нефти в США и диверсификации продаж углеводородного сырья, о чем ранее неоднократно заявлял лидер Венесуэлы¹⁴.

Но есть и проблемы.

Как пишет оппозиционная ежедневная венесуэльская газета *El Universal*, надежды на то, что благодаря высоким ценам на энергоносители и полученным нефтедолларам можно решить все социальные и экономические проблемы, уходит в прошлое. После национализации энергетических компаний и заявлении президента о возможном выходе из МВФ иностранные инвесторы не стремятся инвестировать в совмест-

ные с венесуэльскими компаниями проекты. Высокий уровень странового риска и тот факт, что инвестор принимает на себя все валютные риски, приводят к отсутствию значимых иностранных инвестиций, а также удорожанию привлекаемого капитала¹⁵.

Несмотря на критические замечания со стороны венесуэльской прессы в адрес политики Чавеса, нефтяная отрасль продолжает привлекать внимание инвесторов, которые готовы заключать с венесуэльским правительством крупные долгосрочные контракты.

У Венесуэлы уже подписаны контракты с компаниями из Европы, Китая, Японии, России и Индии.

Политика регионализации Уго Чавеса

Уго Чавес занимает активную позицию и на международной арене. Внешнюю политику государства отличает динамизм и универсальность. Венесуэла решительно выступает за построение многополярного мира, за интеграцию страны в мирохозяйственную систему, но на более справедливых, равноправных условиях сбалансированной взаимозависимости.

Говоря о внешней политике Венесуэлы, следует уточнить одну важную особенность – ее персонификацию, связанную с именем Уго Чавеса. Именно он является ключевой фигурой и участником практически всех региональных и международных инициатив Венесуэлы.

Особые интересы президента простираются в области сплочения и объединения стран Латинской Америки по заветам известного в прошлом руководителя борьбы латиноамериканских народов за независимость от испанских колонизаторов, национального героя Венесуэлы Симона Боливара.

За время правления Уго Чавеса Венесуэла вступила во влиятельную торговую организацию стран южноамериканского рынка *MERCOSUR*.

В 2007 г. президент выступил с предложением создания южноамериканской газовой ОПЕК. Планировалось, что картель должен объединить страны-экспортеры газа: Венесуэлу, Боливию, Аргентину и Бразилию.

Создание регионального картеля стран-производителей газа позволит регулировать цены на природный газ в регионе, и может стать основанием для более глубокой экономической и политической интеграции стран Латинской Америки.

По инициативе Каракаса будет построен транс латиноамериканский газопровод, который позволит обеспечить стабильные поставки газа из Венесуэлы и Боливии в Аргентину, Бразилию и, в случае присоединения к организации – Уругвай и Парагвай.

Чавес использует нефтяные рычаги для упрочения собственного авторитета в регионе и сплочения идеологически близких стран.

Например, существует программа Каракасский энергетический договор, который гласит о том, что подписавшие его стороны при условии, что цены на нефть будут выше отметки 30 долл. за баррель, могут платить

Венесуэле лишь 70% от требуемой суммы. Оставшаяся сумма погашается с небольшими процентами в течение 15 лет.

Благодаря таким программам Кубе удалось за последние годы значительно снизить дефицит платежного баланса.

Для скорейшего сближения латиноамериканских стран президент Венесуэлы поддержал инициативу лидера Бразилии Луиса Игнасио Лулы да Силвы о подготовке проекта объединения оборонных структур стран Южной Америки и создании на континенте военно-политического блока, аналогичного НАТО. Создание южноамериканского НАТО преследует несколько целей: с одной стороны, препятствовать военным операциям и давлению третьих стран на регион, а с другой – «защитить природные богатства континента», такие как залежи нефти, пресная вода и биологическое разнообразие. В частности, Бразилия стремится помешать интернационализации бассейна Амазонки с его богатыми природными ресурсами.

Еще одним политическим шагом к консолидации идеологически близких стран стало создание по инициативе лидеров Кубы и Венесуэлы организации *ALBA*.

Завершая краткий обзор венесуэльского «социализма» следует еще раз отметить в этом процессе особую роль Уго Чавеса.

Несмотря на развернутые им социальные программы и активную внешнеполитическую деятельность, лидер Венесуэлы идет по пути радикализации режима, существенно сужая круг своих сторонников как в самой Венесуэле, так и за ее пределами.

Сохраняется ряд нерешенных, застарелых проблем, среди которых бедность населения, высокий уровень преступности и коррупции. Образ жизни политического окружения «лиц, приближенных к императору» во многом схож с принципом распределения благ среди партийной элиты времен Советского Союза, только в еще больших масштабах.

Родственники и соратники президента занимают высокопоставленные должности и владеют крупными компаниями. Кроме того, многие из них имеют в частной собственности дорогую недвижимость и это при ситуации, когда процент бедного населения в стране приближается к 80%.

Добившись практически единоличной и безграничной власти в ключевых сферах государства и пользуясь поддержкой половины населения, президент с трудом

Этот проект был создан в 2004 г. в противовес североамериканской инициативе свободной экономической зоны двух Америк *ФТАА*.

В нее входят Венесуэла, Куба, Боливия, Гондурас, Никарагуа, а также островные Карибские государства Антигуа и Барбуда, Сент-Винсент и Гренадины, содружество Доминики.

В качестве наблюдателя приглашен Эквадор.

Целью геополитического проекта является введение резервной валюты и создание Южноамериканского банка, а также формирование альтернативной США внешнеэкономической деятельности. На сегодняшний день странам группы удалось реализовать план по созданию резервной валюты *сукре*. По мнению стран-участниц, введение валюты позволит увеличить взаимный товарооборот и уйти от «навязанной диктатуры доллара».

Помимо развития и укрепления региональных связей Венесуэла активно налаживает разносторонне сотрудничество с дружественными режиму странами мирового сообщества, среди которых Китай, Россия, Белоруссия, Иран, Ирак и другие.

балансирует между диктатурой и демократией, все чаще в последнее время, склоняясь к первой.

По мнению специалиста по Латинской Америке, в частности по Венесуэле, Эмиля Дабагяна, у Венесуэлы под руководством Уго Чавеса есть несколько путей:

– *во-первых*, «это может быть синтез традиционной демократии с демократией участия при реальной поддержке широких масс и укреплении самых нижних этажей власти, то есть воплотится вариант развития, декларированный в предвыборных документах Уго Чавеса;

– *во-вторых*, вероятен симбиоз нынешней кубинской “неосоциалистической” модели с элементами, характерными для режима Перу 70-х годов XX в., который опирался на поддержку масс, активно эксплуатируя национальную идею. В таком случае неизбежно ограничение основополагающих демократических прав граждан, урезание свободы слова, печати и иных средств СМИ.

Не следует исключать и создание нигде не апробированной модели, представляющей собой причудливое переплетение и сочетание идейно-политического наследия Симона Боливара с неопопулистскими взглядами и концепциями. Это может быть и разновидностью националистического авторитарного режима»¹⁶.

Примечания

¹ Дабагян Э. Лики Уго Чавеса. 28.06.2001. http://faces.ng.ru/foreign/2000-01-27/7_chaves.html

² Бондаренко Т.А. Социально-политическое положение Венесуэлы на рубеже веков // Ибероамериканский мир в начале XXI века. ИЛА РАН. М., 2009. Ч. I. С. 49.

³ Цит. по: Кусакина М.В. Концепция боливаризма в современной политической мысли Латинской Америки. М., 2008. С. 46.

⁴ Шульговский А.Ф. Война за независимость и борьба за духовную и культурную самобытность молодых латиноамериканских государств (Боливар и идеи американизма) // Симон Боливар: история и современность. М., 1985. С. 21.

⁵ Petkoff T. La Venezuela de Chavez. Una segunda opinion. Caracas, 2000. P. 68–72 .

⁶ Дабагян Э.С. Россия и ибероамериканский мир в XXI веке: горизонты развития и сотрудничества. Левый поворот в Латинской Америке: сущность и особенности. ИЛА РАН. М., 2006. С. 379.

⁷ Давыдов В.М. Левая альтернатива в Латино-Карибской Америке – обусловленность, основные ориентиры и международная проекция. М., 2007.

⁸ Пять составляющих социализма XXI века // <http://commandantecha.ru/arhiv.htm>

⁹ Дабагян Э. Кубинский социализм на венесуэльской почве // <http://www.polit.ru/analytics/2007/01/12/venezuela.html>

¹⁰ Пятаков А. Венесуэла: десятилетие боливарианской Конституции // Латинская Америка. 2009. № 12 .

¹¹ Асламова Д. Новый «Фидель» Латинской Америки // Комсомольская правда. 11. 2007 // <http://kp.ru/daily/23998.4/79281>

¹² <http://lenta.ru/articles/2009/12/08/chavez/> 04. 2010.

¹³ Primera Mave. Chavez pierde fuele. 02.2010 // http://www.elpais.com/articulo/internacional/Chavez/pierde/fuelle/elpepuint/20100215elpepiint_9/Tes

¹⁴ Сотрудничество с Китаем // <http://www.mcds.ru>

¹⁵ Цит. по: РИА «Новости» 11.6.2007 // www.rian.ru

Национализм Каталонии – фактор риска для Испании

Александр Орлов

Всплеск радикального национализма в целом ряде государств является одной из острейших проблем современности. В последние годы сложилось устойчивое мнение, что он во многом обусловлен хаотичным распадом многонациональных социалистических государств – Советского Союза и СФРЮ, разрушившим межэтническое равновесие, сложившееся в Европе после Второй мировой войны. В таком утверждении, безусловно, есть доля истины. Но не более. Процесс продолжает развиваться, причем в последние годы уже безотносительно к советскому и югославскому прецедентам.

Одним из эпицентров радикального национализма является в наши дни Западная Европа, где в некоторых странах постепенно, почти в строгом соответствии с законами гегелевской диалектики, прежде всего с тем, который определяет переход количества в качество, складываются условия для вполне возможного распада этих государств в некоей перспективе.

Наиболее яркий тому пример – Бельгия, где противоречия (и экономические, и этнокультурные, и политические) между двумя основными сообществами – благополучной нидерландоязычной Фландрией и более бедной франкоговорящей Валлонией – демонстрируют тенденцию к неуклонному обострению. Государство, имеющее 180-летнюю историю независимого существования и являющееся конституционной монархией, может исчезнуть с политической карты мира, даже не сохранив в том или ином виде своего названия, уходящего корнями в глубины веков, когда на его землях проживало кельтское племя белгов.

Не менее остро проблема радикального национализма стоит и в Испании. Традиционно его ассоциируют со Страной Басков и, главным образом, деятельностью

ОРЛОВ Александр Арсеньевич – профессор МГИМО(V). E-mail: ORLOV_A@mgimo.ru

Ключевые слова: национализм, Испания, Каталония, Автономный статут, Конституционный суд, самоопределение, ИСПП, Народная партия, Левые республиканцы, Конвергенция и Союз.

террористической организации ЭТА, добивающейся методами насилия и террора предоставления этому региону Испании политической независимости. В то же время сложные политические процессы в Каталонии, не менее Страны Басков подверженной националистическим настроениям, как правило, остаются в стороне от внимания широкой общественности за пределами Испании.

Каталонский национализм в исторической ретроспективе

Расположенная на северо-востоке Пиренейского полуострова Каталония является одним из наиболее социокультурно и экономически развитых регионов Испании, где производится порядка четверти валового национального продукта страны. Каталония имеет долгую и весьма насыщенную историю.

Достаточно сказать, что на ее территории обнаружены останки предшественника неандертальца.

В этих краях обитали племена иберов, начиная с 1100 г. до н.э. на средиземноморском побережье появляются финикийцы, затем греки, позже карфагеняне.

Их сменяют римляне, владычество которых захватит и первые века нашей эры, затем придут вестготы, а тех в свою очередь вытеснят мавры (арабы).

Отбросив арабов в конце VIII в. южнее Пиренеев, новая западноевропейская сила – франки – создадут на части территории современной Каталонии ряд формально независимых графств, находящихся в вассальной зависимости от династии Каролингов, получивших название «Испанская марка» и выполнявших функцию «санитарного кордона» между Королевством франков и могущественным в ту пору мусульманским халифатом со столицей в Кордове.

801 г. датируется создание Барселонского графства, которое станет ядром формирующейся каталонской национальной идентичности и начнет объединять под своей эгидой другие графства.

988 г. считается годом рождения Каталонии. Это связано с самостоятельным освобождением Барселоны, захваченной маврами во время последнего нашествия,

и фактическим прекращением в дальнейшем вассальной зависимости этого графства от франков.

В XII в. в результате брачного союза династий графов Барселоны и королей Арагона было образовано Королевство Арагон. Однако Каталония сохранила свои традиционные права, в частности представительный орган дворянства, духовенства и горожан Кортс каталанас.

В 1359 г. Каталонский парламент был признан официальным органом, преемником которого считается нынешнее правительство Каталонии (Женералитат).

Однако по мере формирования испанского централизованного государства начинают нарастать противоречия между окрепшим Мадридом и Барселоной.

Первая попытка отделиться от Испании была предпринята Каталонией в период Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.).

Экономический кризис, некоторое ограничение традиционных привилегий каталонской знати, размещение на каталонской территории «иностранных», в основном кастильских, войск для выполнения охранных функций на границе с Францией, провозглашение независимости Португалией (1640 г.) и ряд других факторов подвигли каталонскую «верхушку» вступить в секретные переговоры с Ришелье. 16 октября 1641 г. было подписано соглашение, по которому Каталония перешла под суверенитет Франции. Однако в конце 1652 г. испанские войска взяли Барселону, а 3 января следующего года, для примирения, король Филипп IV подтвердил каталонские фуэрос (средневековые вольности и привилегии), правда, с некоторыми ограничениями.

Тем не менее, по Пиренейскому договору от 1659 г. расположенные севернее

горного хребта каталонские земли (Руссильон, Кофлан, Вальеспир и др.) отошли к Франции, в составе которой остаются по сей день, образуя департамент Восточные Пиренеи.

Трагические последствия для Каталонии имела Война за испанское наследство (1701–1714 гг.).

Поддержав в ней эрцгерцога Карла, Барселона была вынуждена 11 сентября 1714 г. капитулировать перед армией Бурбонов. После этого с автономией Каталонии было покончено: она лишилась своих фуэрос, были распущены традиционные каталонские институты власти, а многие представители местной знати и иного руководства подверглись репрессиям.

Из общественной жизни началось вытеснение каталанского языка, который целенаправленно заменялся испанским (кастильским), была проведена централизация каталонских университетов.

В 1808 г. Каталония была занята войсками Наполеона и вновь вошла в состав Французской империи. Оккупация продолжалась до 1814 г., когда довоенный статус-кво был восстановлен.

Кризис феодализма, укрепление позиций буржуазии в Испании обусловили нарастание в первой половине XIX в. республиканских тенденций в Каталонии. В процессе Возрождения (*Renaixença*, по-каталански) начинают восстанавливаться позиции каталанского языка, прежде всего в сфере культуры.

На фоне распространения идей Первого Интернационала и становления рабочего движения в среде каталонской интеллектуальной элиты зарождается и быстро начинает завоевы-

вать позиции **каталонизм** как проявление растущего самосознания каталонцев, первоначально выражающийся в их стремлении сохранить национальные традиции, культуру, язык, исторические особенности и символику Каталонии. В рамках этого течения набирают силу идеи регионализма, а позже автономизма и федерализма как форм территориально-политического устройства Испании.

Каталонизм стал предтечей и первоосновой каталонского национализма, идеологические параметры которого формируются в конце XIX – начале XX вв. Это направление политической мысли и действия, в свою очередь, генерирует стратегическую цель – достижение независимости Каталонии от Испании.

После провозглашения Второй испанской республики Каталония вновь обрела автономию – в 1932 г. был принят соответствующий Статут и созданы автономные органы власти. Однако поражение республиканского правительства в гражданской войне в Испании (1936–1939 гг.) означало для Каталонии откат в далекое прошлое – франкисты упразднили автономию, начав жесткую борьбу с любыми проявлениями каталонизма, включая язык и национальную культуру.

В период с 1938 по 1953 гг. жертвами франкистского террора стали более 4 тыс. каталонцев, включая последнего председателя Женеалитата (автономного правительства) Каталонии Л.Компаниса.

Каталония в демократической Испании: новый формат старых проблем

Для Каталонии «Колесо истории» завершило полный оборот только в 1979 г., когда был утвержден ее новый Автономный статут. К этому времени в Испании произошли кардинальные перемены: франкистский режим был демонтирован и страна по-

шла по пути «демократического транзита».

В принятой в 1978 г. Конституции Испании было гарантировано право на автономию для «национальностей и районов, ее составляющих» (ст. 2)¹, что позволило в Автономном статуте при-

знать каталанский язык «собственным языком Каталонии», который, наряду с испанским, получил официальный статус на территории этого автономного сообщества.

К власти в Каталонии в результате демократических выборов пришли умеренные националисты из «Конвергенции и союза», удерживавшие свои позиции в течение 16 лет. Только в 2003 г. председателем автономного правительства стал лидер каталонских социалистов Паскуаль Марагаль, возглавивший трехпартийную коалицию, сформированную по итогам очередного регионального голосования.

В общем-то рутинная смена власти в Каталонии как элемент обычного для Западной Европы демократического процесса привела, тем не менее, к существенному изменению политического фона в этом ключевом для целостности Испании субъекте. «Трехцветную» коалицию составили *PSC* – каталонское отделение Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП), «Левые республиканцы» («Эскерра републикана» – *ERC*) и блок «Инициатива за Каталонию – Зеленые» и «Объединенные левые и Альтернатива» (*ICV – EUA*), объединивший партии и группы, прежде коммунистической и близкой к ней направленности.

Хотя эти политические формирования придерживаются в вопросах национального строительства не во всем идентичных, а по некоторым темам весьма отдаленных позиций – от радикального национализма «Левых республиканцев», являющихся одной из главных движущих сил борьбы за предоставление Каталонии права на самоопределение, до «дозированного» национализма, свойственного *PSC*, их объединило убеждение в том, что Каталония созрела для нового шага к большей административной свободе. Если учесть, что «Конвергенция и

Союз» поддержала эту линию, то оппозиция правой Народной партии большого значения уже не имела. Началась работа над новым Автономным статутом Каталонии, призванным заменить аналогичный документ от 1979 г.

Политические процессы в Каталонии в значительной степени отразили новую реальность в вопросах административно-территориального устройства Испании, которая начала складываться в наступившем веке. Все более активно начал ставиться вопрос: является ли государство автономий в том виде, как это закреплено в действующей испанской Конституции, окончательным вариантом или же это некая промежуточная фаза, отразившая сложный статус-кво, сложившийся в Испании в самом начале постфранкизма, когда только подобным образом можно было уравновесить разнонаправленные политические тенденции, выразителями которых были неоконсерваторы (Народный альянс), правоцентристы (Союз демократического центра), социалисты (ИСРП), коммунисты (КПИ) и националисты, которые в свою очередь также делились на разные подгруппы в зависимости от степени своего радикализма.

То что это – форма компромисса понимают многие испанские политики и ученые.

По мнению известных политологов К.Алонсо Салдивара и М.Кастелса: «...Строительство государства автономий в условиях испанской демократии имело своим ориентиром фундаментальный принцип: добиться консенсуса политических сил и общественного мнения во всей стране, в каждом регионе и национальной области в отношении институтов нового государства»². Однако последующий тезис авторов не выглядит столь же однозначным. Они отмечают: «... результатом автономного политического процесса на протяжении 80-х годов явилось признание большинством граждан различных автономных со-

обществ и, в особенности, жителями сообществ, основу которых составляют исторические национальности, концепции государства автономий»². И далее: «... отмечены снижение настроений в пользу независимости в Каталонии и в Стране Басков в период между 1979 и 1987 гг. и рост положительного отношения к автономистской формуле»².

Как показали политические процессы и в Каталонии, и в Стране Басков, тенденция в пользу консолидации модели государства автономий, если даже согласиться с мнением, что она действительно существовала на определенном этапе, оказалась в лучшем случае кратковременной. Основные исторические автономии Испании, получив формально-юридический статус, стали требовать большего. Первыми на этот путь встали баски: в октябре 2003 г. глава автономного правительства (лендакари) Х.Х.И-барретче представил на рассмотрение парламента Страны Басков предложение о новом политическом статуте Сообщества Эускади, одним из базовых постулатов которого было право баскского народа на самоопределение и строительство своего будущего.

Не далеко отстали от своих соседей по Пиренеям и каталонцы. «Тройка» партий, образовавших автономное правительство, и примкнувшая к ним основная сила умеренных националистов – партия «Конвергенция и Союз» – быстро договорились об определении Каталонии как нации, о необходимости владения двумя официальными языками – каталанским и испанским и о создании единого каталонского избирательного округа на выборах в Европарламент. Некоторые шероховатости возникли только в вопросах финансирования ав-

тономного правительства и обеспечения светского характера образования, но и по ним, в конце концов, было достигнуто согласие.

30 сентября 2005 г. новый Автономный статут был одобрен каталонским парламентом. Против голосовала только правоконсервативная Народная партия, но ее вес в этом автономном сообществе традиционно невелик. Затем документ поступил на рассмотрение общенационального парламента – Генеральных кортесов Испании.

Хотя глава испанского правительства социалист Х.Л.Родригес Сапатеро ранее заангажировался поддержать реформу Статута, законодатели все же решили изъять определение «нация» применительно к Каталонии из постановляющих статей Статута, согласившись оставить его лишь в преамбуле этого документа. При этом со стороны центральных властей было сделано разъяснение, что текст преамбулы имеет только декларативное, но не юридическое значение.

После этих изменений новый Автономный статут Каталонии был одобрен обеими палатами Генеральных кортесов, соответственно, 30 марта и 10 мая 2006 г. и утвержден на общекаталонском референдуме 18 июня 2006 г.*.

Вызвавшее оживленную полемику определение «нация» нашло следующее выражение в преамбуле Статута: «Парламент Каталонии, отражая чувства и волю граждан Каталонии, определил широким большинством Каталонию как нацию. Испанская конституция, в своей второй статье, признает национальную реальность Каталонии в качестве национальности»³.

* «Левые каталонцы», посчитавшие, что текст Статута после его «обработки» в Генеральных кортесах Испании во многом потерял свою актуальность, призвали своих сторонников сказать «нет» на референдуме.

Политическая борьба вокруг нового Автономного статута Каталонии

После вступления нового Автономного статута Каталонии в силу политическая и юридическая борьба вокруг этого документа не только не завершилась, но даже обострилась. Семь различных испанских субъектов права посчитали противоречащими Конституции Испании целый ряд его положений и оспорили их в Конституционном суде.

Больше всех возражений подготовили юристы Народной партии, которая опротестовала 187 статей Статута.

Народный защитник⁴ не согласился с 112 статьями, свои возражения представили также 5 автономных сообществ – Мурсия, Риоха, Арагон, Валенсия и Балеарские острова.

Народная партия – главный критик Статута – посчитала, что этот документ является чем-то вроде «параллельной конституции», которая выходит за рамки существующей в Испании правовой системы.

Рассмотрение в Конституционном суде (КС) иска о неконституционности ряда статей Автономного статута Каталонии протекало с большими сложностями. Дело в том, что эта судебная инстанция, будучи в известном смысле оттиском всего испанского общества, разделена на консервативное и левоцентристское, просоциалистическое крылья. Поэтому им временами бывает трудно между собой договориться даже на чисто юридическом поле, тем более, когда на повестку дня был вынесен столь значимый вопрос, как трактовка Автономного статута Каталонии. Ко всему прочему в настоящее время из-за противоречий между ИСРП и НП, которые никак не могут прийти к общему знаменателю по кандидатурам новых судей, КС недоукомплектован – в нем представлены 10 вместо 12-ти положенных членов, при-

чем срок полномочий ряда арбитров уже истек. Все это создавало вокруг работы Конституционного суда дополнительное напряжение и неуместный в таких случаях ажиотаж.

Заключение КС по иску Народной партии было принято 28 июня 2010 г. и в чем-то напомнило попытку найти «соломоново решение». Примечательно в этом смысле, что окончательный текст был отредактирован лично председателем КС Марией Эмилией Касас, которая не решилась поручить эту работу кому-то из судей или секретарей. Судьи признали полностью или частично неконституционными 14 статей Автономного статута.

Речь, в частности, идет:

- о ст. 6 (п. 1), утверждающей, что каталанский язык (собственный язык Каталонии) является языком обычного и предпочтительного использования в работе органов общественного управления и средств массовой информации Каталонии, а также языком, обычно используемым в общении и в системе образования;

- о ст. 76 (п. 4), придающей обязательный характер заключениям Совета по уставным гарантиям⁵;

- о ряде статей, касающихся функций Верховного суда справедливости Каталонии⁶ и Синдики по жалобам⁷;

- о совместных компетенций Государства и Женералитета Каталонии;

- о компетенций Женералитета в Сберегательных кассах и т.д.

В то же время потенциально наиболее полемичный пассаж преамбулы Статута – об использовании применительно к Каталонии термина «нация» – остался без изменений, хотя мнение судей по этому поводу не было единодушным: шестеро из них высказались за то, чтобы ничего не менять в Статуте, в то время как четверо судей-кон-

серваторов голосовали против. В первом пункте принятого КС заключения была предпринята попытка окончательно поставить все точки над «i» в этом вопросе: «Не имеют интерпретативного юридического значения, содержащиеся в преамбуле Статута Каталонии ссылки на “Каталонию как нацию” и на “национальную реальность Каталонии”».

Давшееся с немалым трудом Конституционному суду заключение было встречено в Испании весьма неоднозначно. Часть каталонского общества отреагировала на него эмоционально-негативно. В начале июля с.г. в Барселоне прошла многотысячная демонстрация протеста, поддержанная всеми каталонскими партиями, кроме регионального отделения НП.

Проведенный по заказу газеты «*El País*» социологическим центром *Metroscopia* опрос дал следующие результаты. 61% опрошенных каталонских жителей посчитали, что вердикт КС является оскорбительным для Каталонии. Причем степень «осуждения» находится в прямой зависимости от уровня национализма той партии, которой они отдают предпочтение.

Так, среди сторонников «Левых республиканцев» мнение о том, что КС оскорбил Каталонию поддержали 97%, в стане умеренных националистов, приверженных партии «Конвергенция и Союз» – 79%, а среди каталонских социалистов – 54%.

При этом в других регионах Испании решение КС было встречено с откровенным облегчением. Во всяком случае, 55% опрошенных испанских граждан не углядели в действиях КС и намека на попытку оскорбить каталонцев. В том же ключе реагировало и испанское правительство, дав в целом позитивную оценку принятому Конституционным судом непростому решению. При этом большинство как каталонцев, так и жи-

телей остальной Испании признали, что наилучшим путем преодоления остающихся шероховатостей во взаимоотношениях центральных властей и Женеалитата являются переговоры⁸.

Попытка подвести итоги политической и юридической борьбы вокруг нового Автономного статута Каталонии была предпринята в обстоятельной статье «Заметки о Каталонии и Испании», опубликованной 26 июля с.г. на страницах влиятельной «*El País*», авторами которой выступили «исторический лидер» ИСРП, бывший премьер-министр Испании Фелипе Гонсалес и нынешняя министр обороны страны каталонка Карме Чакон. Хотя формально ими была изложена собственная оценка сложившейся ситуации, не вызывает сомнений, что речь шла о позиции правящей ИСРП, доведенной таким образом до сведения как каталонцев, так и всего испанского общества. Основными мишенями в статье оказались те политические силы, которые – одни справа (Народная партия), другие – с радикально-националистического угла оказывают противодействие единственно правильному, на взгляд социалистов, вектору развития национального вопроса в Испании, в рамках которого вполне укладывается новый Автономный статут Каталонии.

Целесообразно акцентировать внимание на ряде ключевых тезисов статьи.

– «Каталония является сегодня одним из негосударственных политических субъектов, называемых нациями без государства, обладающим наивысшим уровнем самоуправления во всей Европе благодаря испанской Конституции 1978 года и Автономным статутам 1979 и 2006 годов.

– ... история отношений между Каталонией и Испанией, со встречами и расставаниями, является многовековой».

С XIX в. остаются неизменными подходы трех основных политических тенденций в Каталонии:

- Тех, кто связывает себя с единственной историей, с одним языком, с единообразной Испанией*.
- Тех, кто никогда не принимал общего с Испанией пространства, кто стенает по независимости и суверенитету, преувеличивая и нагромождая обиды и оскорбления, а когда их нет, то изобретает их**.
- Тех, кто ... убежден, что сила Испании заключается в ее разнообразии, в самоуправлении, в федерализации, встроенной в существующую правовую систему. Это путь большинства каталонцев и испанцев***.

Авторы считают, что политические последствия, связанные с заключением Конституционного суда, «являются незначительными», поскольку «практически все статьи (Автономного статута Каталонии) остаются в силе», что вердикт КС «признает и конституционализует достигнутый наивысший уровень самоуправления... Признает исторические права, лингвистический статус, двусторонний характер отношений с Центральным правительством, подтверждает систему финансирования и собственную территориальную организацию Каталонии».

В конце статьи авторами делается вывод, который весьма напоминает призыв партийных съездов: «Мы должны показать, что последние 30 лет сосуществования и самоуправления не были скобками, а началом нового этапа; мы должны показать, что Конституция 1978 г. была мостом для встречи и движения; что концепция Испании как "нации наций" укрепляет нас всех. Что нет никакого смысла отвергать разно-

образие идентичностей, которое характеризует Испанию как политическую и культурную нацию, а не как простой юридический остров»⁹.

Следует признать, что многие оценки, содержащиеся в статье Гонсалеса/Чакон, представляются вполне справедливыми и могут работать на реализацию ключевой идеи авторов, которую можно сформулировать следующим образом: сила Испании в единстве ее многообразия. Каждый регион этой страны по-своему уникален. Многие из них вполне могли бы составить независимые государства, по образу и подобию Португалии, которая в свое время отделилась от Испании и успешно существует как самостоятельный субъект международных отношений в течение более чем трех с половиной веков.

Но политическая и экономическая сила Испании, ее культурно-этнографический шарм, туристическая привлекательность действительно заключаются в ее многообразии, которое рождает уникальную целостность. Дробление страны по регионально-национальному признаку было бы для нее шагом назад, в эпоху современной «феодалной» раздробленности, вредной как для Испании в целом, так и отдельных ее частей, пусть даже имеющих явно выраженную национальную идентичность.

Думается, что это понимают не только сторонники сохранения единства страны, но и многие представители тех сил, которые традиционно выстраивают свою политическую линию вокруг тезиса о потенциальной воз-

* Имеются в виду сторонники централизма, которые в настоящее время ассоциируются с консервативной Народной партией – *Авт.*

** Это – о радикальных каталонских националистах, которые не хотят слышать ни о чем ином, кроме как об отделении Каталонии от Испании – *Авт.*

*** Этот пассаж, естественно, об ИСРП и ее союзниках, тонко и политически ответственно реагирующих на особенности и характер развития национального вопроса в Испании.

возможности самоопределения исторических регионов, вплоть до их полного отделения от Испании. Речь идет о так называемых умеренных националистах, прежде всего в Каталонии и Стране Басков, которые в политическом процессе обычно балансируют «на грани», стараясь подороже продать Мадриду свою лояльность. В этой связи сошлемся на сравнительно недавнее (26 июля с.г.) заявление председателя партии «Конвергенция и Союз», которая как раз и является главным проводником идей умеренного национализма в Каталонии.

В интервью Каталонскому радио (*Catalunya Radio*) Артур Мас, не исключив возможности провозглашения в будущем независимости Каталонии, подчеркнул при этом, что такой шаг не будет означать «полного разрыва с остальным Испанским государством», поскольку «существуют экономические, социальные, социологические, семейные, душевные и исторические реальности, которые требуют сосуществования с Испанским государством»¹⁰.

А.Мас неспроста поставил на первое место «экономические реальности».

Националисты, как правило, стараются обходить этот важнейший вопрос стороной, не акцентируя на нем чрезмерного внимания. Это – очевидная уловка, поскольку в современном мире роль экономики в жизни общества велика как никогда прежде, и решать вопросы отделения части от целого, в данном случае – региона от сложившегося экономического организма государства, без учета мнения предпринимательского сегмента не просто нелогично, но чревато серьезными проблемами для самих националистов, в зна-

чительной степени финансируемых из кармана местного бизнеса.

В случае Каталонии большая часть каталонских предпринимателей даже не утруждает себя тем, чтобы глубоко вникнуть в суть как самого Автономного статута, так и перипетий борьбы вокруг отдельных его положений. Вопросы преодоления Испанией экономического кризиса волнуют их куда больше, нежели словесные баталии «за» или «против» тех или иных терминов и определений. И для них – в большинстве своем – вопрос об отделении Каталонии от Испании в настоящее время просто не стоит.

Другое дело радикальные националисты, для которых самоопределение – это смысл их существования. Реакция, в частности, «Левых каталонцев» на статью Гонсалеса/Чакон была весьма резкой. Особенно досталось каталонке Чакон, которую выставили чуть ли не предательницей своей нации.

«Жаль, что Чакон не встала в ряды сотен тысяч каталонцев, которые вышли на улицы Барселоны 10 июля в знак протеста против вердикта (Конституционного суда), чтобы подтвердить, что мы – нация и имеем право на принятие решения (читай, самоопределение – Авт.)», – рассуждал генсек «Левых каталонцев» Жоан Ридао. Теперь же, после того, что произошло со Статутом, наша партия «больше не верит в федеративную остановку и также в то, чтобы дать Испании больше возможностей для встраивания в нее Каталонии»¹⁰.

Но пока радикальные националисты не являются в Каталонии определяющей силой, и это – благо как для самого этого региона, так и для всей Испании.

Что в будущем: единство в многообразии или коллапс?

Национализм в Каталонии имеет глубокие исторические корни. Причин тому много. Отношения Ката-

лонии с Кастилией, вокруг которой и формировалась современная Испания, традиционно были непростыми, а на

отдельных этапах – весьма натянутыми.

В каталонском обществе всегда существовали силы, ориентированные на разрыв с Испанией и выбор этим регионом иного вектора развития. Периодические сближения Каталонии с Францией, в конечном счете, завершившиеся поглощением последней северокаталонских земель, не были случайными: определенная часть средневековой каталонской элиты явно отдавала предпочтение «политическим узам» Барселона с Парижем. Хотя стала бы Барселона в случае реализации такого сценария второй столицей Франции, подобно тому, как в настоящее время она фактически является второй столицей Испании?

Ответ на этот гипотетический вопрос нельзя считать вполне очевидным, как и то, что каталонско-французское сосуществование напоминало бы полную идиллию.

Мадрид, в свою очередь, реагировал на проявления нелояльности Каталонии в обычном для подобных ситуаций ключе: опалой фрондирующей каталонской знати, существенным ограничением или даже отменой фуэрос – исторических вольностей и привилегий, гонениями на каталанский язык, местные обычаи и культурные особенности каталонцев. Последним по времени всплеском кастильского антикаталонизма были франкистские репрессии, которым Каталония подверглась после поражения республиканцев в гражданской войне в Испании (1936–1939 гг.).

Политика давления на Каталонию со стороны испанского центра не могла остаться без последствий. Формировавшиеся в течение столетий антикастильские настроения у части каталонского общества нашли свое выражение в радикальном национализме. В отличие от умеренно-националистических

тенденций, приверженцы которых в целом настроены на диалог с Мадридом, хотя на отдельных этапах такой диалог может приобретать и острые формы, радикальные националисты нацелены на реализацию своей стратегической задачи – провозглашение независимости Каталонии, и только выжидают подходящего момента для ее воплощения в жизнь. В этом плане борьба за легализацию термина «нация» применительно к Каталонии приобретает для части местного политического класса особый смысл.

Хотя дефиниция «нация» традиционно относится к ключевым элементам политического лексикона, само это понятие сложно поддается однозначному определению и во многом зависит от того, какую научную школу представляет его трактователь.

В большинстве описаний нации «упомянутся, по меньшей мере, два ее признака: связь с той или иной территорией и наличие особой идентичности. ... ряд специалистов считает, что любая нация стремится политически выразить себя через создание собственного государства»¹¹.

Последняя мысль вполне созвучна оценкам В.И.Ленина, который утверждал, что образование национального государства является тенденцией (стремлением) всякого национального движения. «Типичным, нормальным для капиталистического периода является поэтому национальное государство»¹².

Классический марксизм исходит из того, что нация – это «историческая общность людей, складывающаяся в ходе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, некоторых особенностей культуры и характера, которые составляют ее признаки»¹³.

При этом нации могут иметь свою национальную государственность, так и существовать в составе многонационального государства, каковым является Испания. Исходя из этого каталон-

цы, баски, галисийцы в составе своих территориальных образований, несомненно, являются нациями, что признается и в статье Гонсалеса/Чакон, в которой совершенно справедливо указывается, что, в частности, Каталония – это негосударственный политический субъект, называемый нациями без государства, а сама Испания является «нацией наций». При этом в Конституции Испании понятие «нация без государства» отсутствует и в этом смысле употреблено понятие «национальность», и признается наличие только испанской нации, «единой и неделимой для всех испанцев» (ст. 2)¹.

В понимании радикальных националистов «нация» – это общность людей, однозначно имеющая право на самоопределение. Не случайно же (на это они любят особо ссылаться) универсальная международная межправительственная организация носит название ООН – Организация Объединенных Наций, что само по себе подчеркивает фактическую идентичность понятий «нация» и «государство».

За юридическим признанием за Каталонией, как, впрочем, и Страной Басков статуса «нации» может последовать следующий шаг – проведение референдума или иного подобного действия по легализации их права на отделение от Испании («право на принятие решения» – согласно используемой националистами формулировке) и создание собственного государственного образования. Такая перспектива, естественно, не радует Мадрид, как и не отвечает интересам той части населения национальных автономных образований, которые не мыслят своего будущего без Испании и вне ее пределов.

На данном этапе вопрос об отделении Каталонии (и Страны Басков) от Испании остро не стоит.

Политическая борьба вокруг термина «нация» имеет для националистов

смысл как некий задел на будущее. Кто знает, как все повернется в перспективе?

ИСРП и ее филиалы в национальных автономиях пытаются действовать на упреждение, введя в политический оборот концепцию многообразия идентичностей, составляющих культурно-политически единую испанскую нацию. Эта концепция объективно раздвигает формат Испании как государства автономий в направлении фактической федерализации страны. Только так, как полагают в сегодняшнем официальном Мадриде, можно ослабить центробежные тенденции в Каталонии и Стране Басков, которые пока не приняли радикального характера, но могут развиваться в этом ключе при определенных негативных обстоятельствах.

Однако концепция «многообразной» Испании не разделяется консервативной Народной партией, которая намерена жестко, до последнего отстаивать существующую конституционную схему Испании как государства автономий. Для нее определение Каталонии, Страны Басков как «наций» абсолютно неприемлемо. На данном этапе Народная партия опережает ИСРП в рейтингах популярности на 10 пунктов. Для Испании – это много. Шансы НП победить на общенациональных выборах, которые должны состояться весной 2012 г., как никогда за последние годы велики. Приход же консерваторов к власти серьезно изменит весь сложившийся политический ландшафт, явно обострит противостояние центра с радикальными националистами в национальных автономиях.

Объективно на руку националистам играет ситуация вокруг Косово.

Евросоюз поддержал самопровозглашение независимости этого Края в 2008 г. Из стран ЕС только 5 государств продолжают оставаться на позиции непризнания Косово, среди ко-

торых находится и Испания. Причем их позиция оказалась серьезно ослабленной вследствие вынесенного в июле с.г. Международным судом ООН вердикта, согласно которому «общее международное право не содержит запрета на декларации о независимости и поэтому декларация от 17 февраля 2008 г. (об одностороннем провозглашении независимости Косово – *Авт.*) не нарушает общего международного права»^{14,15}.

Еще более усугубил ситуацию отход Сербии от своей прежней позиции и фактическое признание Белградом законности провозглашения независимости Косово, нашедшее выражение в совместном с Евросоюзом проекте резолюции по этому вопросу, вынесенном на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре с.г.¹⁶.

«Морковка» в виде обещаний Брюсселя ускорить прием Сербии в Евросоюз оказалась для нынешних властей в Белграде важнее и, видимо, перспективнее продолжения борьбы за Косово, которая, на их взгляд, не имеет серьезных шансов на успех из-за проковосовской позиции Запада. В чем-то даже символично, что заявление о радикальном изменении позиции по Косово сербский президент Б.Тадич сделал по белградскому телевидению сразу после трудной победы сборной своей страны над испанцами на чемпионате Европы по баскетболу.

Как показывает опыт последних лет, Евросоюз – вольно или невольно – подыгрывает националистам в ряде стран, объективно усиливая их позиции во взаимоотношениях с центральными властями. Можно даже предпо-

ложить, что в отдельных случаях Евросоюз становится конкурентом многонациональных государств. И косовары, и каталонцы, и баски, и лидеры регионально-национальных образований в других странах, декларирующие самоопределение в качестве своей цели, неизменно подчеркивают свой интерес войти или остаться в составе ЕС.

Лейтмотив их рассуждений таков, что в случае отделения того или иного региона от своей страны ничего катастрофического в сущности не произойдет: границы останутся открытыми, товары, капитал и рабочая сила будут беспрепятственно циркулировать и т.д. Эти регионы так или иначе останутся членами большого Евросоюза как – фактически – европейской конфедерации. От такого развития событий, дескать, будет только благо – старые раны и обиды, которые характерны для отношений центра и периферии, постепенно зарубцуются, и между ними возникнет новое сотрудничество, основанное на взаимоуважении и добрососедстве.

Такой системе рассуждений не откажешь в известной логике, хотя она на деле крайне деструктивна для целостности исторически сложившихся многонациональных государств.

Почему косоварам Запад дал возможность создать самостоятельное государство, а каталонцам и баскам в этом отказывают? У последних несравненно более глубокая история, они издревле живут на своих землях, их нации во всех отношениях более состоятельные. Эти вопросы уже задаются и, как можно ожидать, будут ставиться частью каталонского и баскского общества с нарастающим упорством.

Какой же выход?

А выход, по сути дела, один: доказать жителям и Каталонии, и Страны Басков, что в составе многоликой, демократической Испании им будет лучше, комфортнее, интереснее жить. Что эта динамично развивающаяся страна открывает для них несравненно большие перспективы во всех областях, чем существование в соб-

ственных национальных пределах, погруженность в собственные более мелкие и приземленные проблемы.

Вывешивая на трибунах стадиона-стотысячника «Ной Камп» во время знаковых футбольных поединков «Барселоны» и мадридского «Реала» гигантские баннеры «Каталония – не Испания!» (чтобы их все видели, в том числе и иностранная аудитория), те, кто это делает даже, наверное, не задумываются над тем, что если так когда-то случится, то про такие матчи, видимо, придется забыть, подобно тому, как не менее принципиальные встречи московского «Спартака» и киевского «Динамо» только и остались – как ностальгия о прошлом – в памяти российских и украинских болельщиков со стажем.

Примечания

¹ Испания. Конституция и законодательные акты. М.: Прогресс, 1982. С. 30.

² *Alfonso Zaldivar C., Castells M.* Espana, fin de siglo. Alianza Editorial, S.A., Madrid, 1992. P. 149, 154.

³ Boletín Oficial de las Cortes Generales. Congreso de los Diputados. VIII Legislación. 22 de marzo de 2006. Serie B. Num. 210-14. P. 246.

⁴ Defensor del Pueblo.

⁵ Consejo de Garantías Estatutarias.

⁶ Tribunal Superior de Justicia.

⁷ Síndico de Agravios.

⁸ http://www.elpais.com/articulo/espana/Agravio/Cataluna/alivio/resto/Espana/elpepiesp/20100704elpepinac_1/Tes

⁹ El País. 26 de Julio de 2010.

¹⁰ <http://www.lavanguardia.es/politica/noticias/20100726/53971995095/ciu-y-erc-responden-a-chacon-y-gonzalez-que-el-problema-de-catalunya-son-los-enganos-socialistas.html>

¹¹ Бусыгина И.М., Захаров А.А. Общественно-политический лексикон. М.: МГИМО-Университет, 2009. С. 123.

¹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5 изд. Т. 25. С. 259.

¹³ Большая советская энциклопедия. 3 изд. Т. 17. М.: Изд. «Советская энциклопедия, 1974. С. 375.

¹⁴ http://www.elpais.com/articulo/internacional/independencia/Kosovo/legal/elpepuint/20100722elpepuint_2/Tes

¹⁵ Абашидзе А., Солнцев О. Международный Суд ООН и провозглашение независимости Косово // Обозреватель – Observer. 2010. № 10. С. 66–75.

¹⁶ http://www.elpais.com/articulo/internacional/Serbia/acerca/UE/reconocer/independencia/Kosovo/fue/ilegal/elpepuint/20100909elpepuint_13/Tes

Лики свободы в русской политической мысли XVI века

Анастасия Ермолина

Важнейшей частью русской интеллектуальной традиции является средневековая политическая мысль. К сожалению, в отечественной политологии взглядам средневековых авторов уделялось крайне мало внимания. До сих пор встречается мнение об отсутствии оригинальных политических идей в этот период.

Так, например, в современном научном издании, посвященном русской философии права, политико-правовая мысль Московской Руси характеризуется как «скудный по философским обобщениям период, совпадающий с периодом политического возвышения Московского царства, отмеченного удушливой для духовной жизни и активности обстановкой»¹.

Этому взгляду можно противопоставить точку зрения известного историка древнерусской литературы Д.С.Лихачева, который, отмечая «кипучесть» умственной жизни в XVI в., писал: «Никогда прежде не спорили так много в Древней Руси, как в первой половине XVI века»².

В XVI в. наблюдается необыкновенный расцвет философской и политической публицистики, формулируются глубокие идеи и предлагаются смелые политические проекты, идейная борьба становится особенно острой.

Проблема свободы, одна из наиболее популярных тем в публицистике и СМИ двух последних десятилетий, привлекающая и внимание ученых, была своеобразно осмыслена русскими средневековыми мыслителями. Тщательный анализ предложенных ими трактовок этого понятия способен опровергнуть некоторые из существующих в литературе и общественном со-

знании мифов: о «рабской психологии» и «любви к деспотизму» русской нации, отсутствии в России традиций гражданского общества и т.д.

Для иллюстрации одного из наиболее укоренившихся в общественном сознании мифов приведем пример. В 1945 г. в «Новом журнале» (Нью-Йорк) вышла статья Г.П.Федотова под названием «Россия и свобода». В ста-

ЕРМОЛИНА Анастасия Сергеевна – аспирант кафедры философии, политики и права философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. E-mail: an.ermolina@gmail.com

Ключевые слова: русская политическая мысль, власть, свобода, православие, И.С.Пересветов, А.М.Курбский, Иван IV Грозный.

ть автор попытаться ответить на злободневные вопросы современной ему действительности, рассматривает этапы российской истории с точки зрения наличия традиции политической свободы. В поле зрения публициста попал и XVI в., эпоха царствования Ивана Грозного. Именно первый русский царь, по мнению автора, положил конец всем зачаткам свободы, едва успевшим оформиться в Киевский период. Поставив себя над законом, Иван IV сделал всех подданных своими рабами.

Одной из причин того, почему на Руси не укоренилась свобода, Г.П.Федотов считает «византизм» как культурный тип Византийской империи, который «есть тоталитарная культура, с сакральным характером государственной власти» и который «исключает всякую возможность зарождения свободы в своих недрах»³.

Другая причина – глубинное влияние деспотических татарских порядков во времена ига. Благодаря этим причинам, а также сформировавшейся после падения Византии имперской идее, поддержанной московскими царями, Россия превратилась в деспотическое государство с централизованной властью, закрепощенным сверху донизу населением, застывшей в обрядах религии, унифицированным бытом.

«От царского дворца до последней курной избы Московская Русь жила одним и тем же культурным содержанием, одними идеалами», в котором свобода – «синоним распушенности»³.

В отличие от Западной Европы, где исторический процесс шел в сторону все большего распространения свободы во всех сферах общественной жизни, Россия, по мнению публициста, развивалась «от свободы к рабству». Именно в XVI в. наступил переломный момент в борьбе за свободу против тирании, в результате которого «побеж-

денные» (в их числе и князь Курбский, которого Г.П.Федотов называет «Герценом XVI века») были отодвинуты с исторической сцены, хотя в действительности были прогрессивно мыслящими людьми.

Мнение Г.П.Федотова не является уникальным, а достаточно распространено. Безусловно, всякая точка зрения имеет право на существование, однако, многие факты при такой трактовке все же остаются неясными. К примеру, остается непонятным, почему в глазах современников царь Иван Грозный не тиран, а скорее благодетель, освободитель (что прослеживается по фольклорным источникам⁴), почему с такой готовностью были восприняты «рабские» идеи и т.п. Указанный миф, в последнее время ставший инструментом политической борьбы, средством манипуляции за счет искаженно поданного исторического материала, нуждается в тщательном изучении.

Представления об обществе и государстве у русских средневековых мыслителей основывались на Священном Писании (книгах Ветхого и Нового Завета) и святоотеческой учительной традиции. В христианской традиции проблема свободы имеет неоднозначную интерпретацию.

По учению православной Церкви, человек сотворен Богом по Своему образу, в силу чего он обладает разумом и свободной волей. Однако главной ценностью является свобода не политическая, а духовная, смысл которой заключается в независимости от греха. Именно духовная свобода создает условия для пользования гражданской (политической) свободой, поскольку человек, сознательно избегающий греха, не нуждается в правовом принуждении со стороны государства для побуждения к общественно приемлемому поведению.

В то же время лишенная духовной основы политическая свобода в государстве создает условия для греха и произвола. Ставить преграду этому произволу является обязанностью государственной власти и заботой христианской Церкви, которые в этом смысле едины в своих целях обеспечения блага для человека. Однако и духовная свобода не обязательно предполагает свободу политическую, первая может реализовываться в любых, сколь угодно суровых социально-политических условиях.

Тем самым, свобода в христианской трактовке – категория двойственная, имеющая в общественной жизни и положительное значение, и разрушительный потенциал.

Надлежащее употребление гражданской (политической) свободы в значительной мере зависит от ее носителей, их духовно-нравственного развития, определяемого направленностью их свободных волей. Тем не менее, в конечном счете, по учению отцов Церкви, в земном мире в результате грехопадения свобода не может быть в полной мере реализована в соответствии с Высшим замыслом.

Библейские представления и богословские идеи легли в основу трех наиболее ярких и интересных политических концепций XVI в., принадлежащих перу воина и публициста Ивана Семеновича Пересветова, князя и воеводы Андрея Михайловича Курбского и царя Ивана Васильевича IV Грозного.

Обращение к их оригинальным трактовкам понятия свободы имеет смысл предварить ссылкой на одну из известных работ польского социолога Зигмунта Баумана, посвященную исследованию свободы как социальной категории.

Как утверждает автор, феномен свободы не является естественным состоянием, неизменной характеристикой человеческого общества, а представляет

собой возникшую в западном мире в определенный исторический момент форму социальных отношений. Вплоть до XVII в. свобода является привилегией отдельных сословий, притом весьма относительной⁵.

Этот вывод представляется чрезвычайно важным для понимания процесса формирования представлений о свободе на Руси в XVI в.

С первых же строк обеих челобитных Пересветова привлекает внимание форма его обращения к Ивану IV – «государев холоп» («бьет челом холоп твой государевъ Ивашко, Семенов сынъ, Пересветов»⁶). В этой формулировке, на первый взгляд, видится самоуничижение челобитчика и возвеличение царственного адресата. Однако, как показал А.Л.Юрганов, подобное обращение не несло какой-либо негативной смысловой нагрузки и было вполне традиционным для русского Средневековья⁷. Вплоть до указа 1702 г. царя Петра Алексеевича в письменной речи употреблялось самоназвание «холоп твой». В этот период холопами считали всех подданных, за исключением членов царской семьи.

Хотя комплекс произведений Пересветова представляет собой скорее политический трактат, нежели религиозное сочинение, идея свободы интересует автора, в первую очередь, с духовной точки зрения. По мысли публициста, причиной общественных бедствий является грех, «неправда».

«Которая земля порабощена, в той земле все зло сотворяются: татба, и разбой, и обида, и всему царьству великое оскужение, всемъ Бога гневят, дияволу угожают»⁶.

Последствием греха, «неправды» становится «неволя», порабощение не только внутреннее, но и внешнее (в виде иноземного ига). При этом «неправда» в сочинениях Пересветова пер-

сонифицирована, ее носителями выступают «лукавые вельможи», номинально верующие, но на деле преступающие Христовы заповеди.

В «Малой челобитной»⁶ публицист описывает произвол «сильных людей» в Русском государстве, вынудивших его растратить все свое состояние в «обидях» и «волокитах» по поводу пожалованного государем поместья. Русские бояре, по словам автора, чинят всевозможные препятствия на пути служилых людей, желающих честно служить царю. Но печальнее всего то, что этот произвол невозможно прекратить – «недруги» никого не подпускают к царю («яз тебя, государя благоверного царя, доступити не могу, пожаловаться на них»)*.

Такой меры несвободы Пересветов не встречал ни в одном из государств, где он служил:

«Служил есми, государь, трем королем, а такая обиды ни в котором королевстве не видал»⁶.

Положить предел бесчинствам «прелесников», по мнению Пересветова, способен только «грозный» и «сильный» царь, у которого он и просит защиты и покровительства.

Акцент на необходимости «грозной» власти для надлежащего управления государством, на первый взгляд, содержит в себе восхваление деспотизма и свидетельствует об отрицательном отношении публициста к гражданской (политической) свободе. Однако такой подход был бы серьезным упрощением взглядов автора.

Дело в том, что принцип «грозы», при помощи которого государю необходимо строить свое царство, у Пересветова ограничен другим началом – «мудростью». При принятии полити-

ческих решений царь неизменно должен руководствоваться мудростью, которая дарована ему Богом («от Бога мудрому прирожденному»), а не собственным своеволием и самочинием. «Гроза» и царский произвол – вещи несопоставимые.

Поскольку вельможи не хотят свободно исполнять Божии заповеди, то их свобода должна быть ограничена царским принуждением, и в результате в государстве будет наведен порядок.

Следуя этой логике, можно было бы сделать вывод, что порядок в иерархии ценностей Пересветова стоит гораздо выше свободы, что свободу он приносит в жертву порядку.

Однако это не так.

Пересветов отстаивает свободу как наилучший способ мотивировать подданных достойно исполнять свои обязанности. Свобода в его понимании – это свобода от произвола, равенство в возможности нести честную службу, возможность беспрепятственно исполнять свои обязанности.

И именно таким образом понятая свобода становится залогом свободы (сохранения суверенитета) государства, защиты государства от «неволи».

Где в таком случае проходят границы власти государя?

В «Большой челобитной» Пересветова для провинившихся чиновников предусматриваются строгие наказания, которые, однако, основаны не на постановлениях закона, а исходят единственно из государственной воли.

Царь создает для «воинников» необходимые условия несения службы, однако при этом жалует или казнит, распоряжается их жизнями по собственному усмотрению, то есть воины фактически являются рабами государя.

* Впрочем, известно, что Иваном IV был учрежден специальный Челобитный Приказ под руководством А.Адашева для подачи различных жалоб от населения.

Тем не менее, царский суд, по мысли Пересветова, не может быть несправедливым, поскольку государь сам является рабом Бога и должен, в первую очередь, творить Его волю, блюсти «правду». Каких-либо иных сдерживающих механизмов для власти царя, помимо суда совести и осознания неизбежного крушения царства по примеру падения Византии, публицист не предлагает.

Таким образом, по мысли Пересветова, в идеале в государстве должна быть выстроена своеобразная иерархия: царь, являющийся Божиим слугой, и подданные, послушные царю, а, значит, и Богу. («Бога бойтесь, царя чтите»).

Решения царя уподобляются по «правде» суду Божьему. Следовательно, противление царской воле приравнивается к богоотступничеству, которое подлежит суровому наказанию.

Идея свободы у князя Андрея Михайловича Курбского получает весьма многоликую и внутренне противоречивую интерпретацию.

На основании имеющихся источников можно выделить несколько уровней понимания свободы защитником «свобод христианских королей».

Первый уровень – обоснование вполне каноничной идеи свободы воли («самовластия»). Критикуя идею предопределенности, мыслитель пишет о самовластии как неотъемлемо присущей человеку способности осуществлять выбор в пользу добра или зла. Особенность воззрений князя состоит в том, что понятие самовластия он употребляет чаще с негативным оттенком и, как правило, применительно к тем фигурам, которые для него являются отрицательными (царь, «злые» советники).

Свобода из понятия богословского в его учении превращается в понятие политическое, вводится в общественно-по-

литический контекст, политизируется (*второй уровень* понимания свободы).

Так, основываясь на идее свободы воли, князь подвергает резкой критике практику принуждению к крестному целованию.

По его мнению, принесение клятвы верности на кресте противоречит известной евангельской заповеди и православно-богословскому понятию свободы. Принося клятвы царю, человек по сути дела отвергает Бога (он вынужден «Христовымъ именем кленуешься, евангелскихъ заповедей отрицаться»⁸) и Богом данные естественные законы, соблюдаемые не только христианами, но и язычниками.

Протест Курбского вызван именно этой обязанностью подданного исполнять любые, даже безнравственные, приказы царя: «точию во всемъ ему (царю. – *Авт.*) угождати и скверное его и кровоядное повеление исполняти»⁸ (князь приводит пример отречения от родных и друзей во имя государевой воли).

Наряду с принуждением к клятвам, отмечает князь, на Руси распространяется принуждение к клевете и доносам, насильственное постижение в монашество «всеродне» (всей семьей) и иное «неслыханное беззаконие»⁸.

Курбский, в отличие от Пересветова, не считает царскую волю непогрешимой, а напротив, потенциально скорее склонной к злу, чем к добру. Эта воля разрушает свободу подданных, от нее необходимо защищаться путем передачи власти «мудрым советникам».

Таким образом, понятие свободы дифференцируется Курбским в зависимости от того, кто является ее субъектом, носителем (*третий уровень* понимания свободы).

С точки зрения князя, царю свобода однозначно вредна, а советникам однозначно полезна. Почему?

Попытавшись реконструировать ход мыслей автора, исходя из средневековых христианских представлений о свободе, можно утверждать, что наделение советников гражданской (политической) свободой возможно постольку, поскольку их мудрость основывается на духовной свободе.

Именно духовная свобода в некотором смысле дает право на свободу политическую.

Злым же советникам свободу давать нельзя ни в коем случае – не из субъективных предпочтений, а по причине их духовной несвободы, рабства. Духовное рабство правящих лиц неизбежно приводит к преступлению ими тех границ, которые очерчены для всякой власти ее Божественным источником.

Понятие свободы в сочинениях Ивана Грозного, как и у Андрея Курбского, трактуется двояко – и богословски, и политически, постоянно перетекая из одного плана в другой.

Царь, как и его знаменитый оппонент, выступает с позиций восточно-христианского понимания свободы воли*. В «Ответе Яну Роките» Иван Васильевич утверждает: «Господь наш Иисус Христос сотвори человека самовластна»¹⁰.

Принцип самовластия в концепции Грозного неразрывно связан с принципом ответственности в виде посмертного воздаяния: если человек следует Божественной воле («последоваша по стопам Христовым»), он переходит «к вечному царствию»; если же «самовольно предаша себе князю мира сего (дьяволу. – Авт.) и прелести его последоваша» – попадает в ад, «царство смертное», где испытывает «бесконечные муки»¹⁰.

Однако в концепции Грозного идея политической свободы в том виде, в каком ее понимал Курбский, не следует из идеи духовной свободы, религиозного самоопределения.

Эти понятия, в представлении царя, принадлежат к совершенно разным областям человеческой жизни. Действительно, Творец изначально наделил человека свободой. Однако в то же время Бог наказывает человека за неправильное употребление этой свободы, то есть за грех, причем происходит это еще в земной жизни человека.

Вероятно, из этого представления царя вытекает его идея о праве правителя, как исполнителя Божьих повелений на земле, наказывать тех, кто преступает Божественный закон.

Это мнение базируется на известном в русской средневековой мысли уподоблении небесного и земного царств и, соответственно, Небесного и земного владык. Божественная и царская воли в представлении Ивана IV – это категории одного порядка; противление им является уже не «самовластием», а «самовольством» и подвергается царем резкой критике.

Однако правомерно ли говорить о том, что Курбский был защитником свободы, а Иван Грозный – апологетом деспотических порядков?

Справедливо ли утверждать, что Грозный использовал религиозную риторику в качестве идеологического щита, при помощи которого хотел развязать себе руки?

Думается, что такой подход оказался бы серьезным упрощением; вряд ли можно говорить о том, что призыв к жестким управленческим мерам лишь маскировался высокими идеалами православия, как некоторой идеологической формой.

* На этот счет существуют иные точки зрения, приписывающие Ивану IV детерминистский взгляд на проблему соотношения Божественного предопределения и свободы воли⁹.

Человек Московской Руси действительно жил по вере, и в текстах царя видна глубоко продуманная система политических идей, опирающаяся на православное вероучение. Стройность, непротиворечивость этой концепции, а также ее чрезвычайно эмоциональное выражение (филологи называют литературную манеру Ивана Грозного «кусательным стилем») убеждают в искренности автора.

Дело, скорее, в другом.

А именно, в кардинальном отличии глубинных философских и религиозных воззрений царя на природу человека, его свободу и призвание.

С точки зрения царя, гораздо важнее соблюдения личной свободы умение управлять разнонаправленными человеческими волями для достижения общественных целей.

Иван Грозный полагал, что правитель лучше способен судить о значе-

нии действий отдельного человека для общества в целом. Эта идея может быть понята, исходя из распространенного в средневековой Руси представления о серьезнейшей ответственности государя перед Богом за спасение подданных.

В сочинениях Ивана Васильевича выстраивается властная иерархия: Бог – царь – подданные.

В каком смысле Грозный считал своих подданных рабами? В той же степени он сам – раб Божий.

Каждый человек понесет ответ перед Богом, и царь в том числе. Но на царе более тяжелый груз ответственности, потому что его решения значимы для всего общества. Тем самым ответственность царя в каком-то смысле перевешивает его права.

По сути дела, всю ответственность за ошибки подданных Иван Васильевич берет на себя.

Насколько все же тот тип власти, который обосновывал в своих произведениях Грозный, выражаясь словами Г.П.Федотова, исключал всякую возможность зарождения свободы в недрах государства?

Тут нужно вновь вернуться к тому, что главная свобода в понимании русских авторов – это духовная свобода, скорби и тяготы – несение креста, сострадание Христу, жизнь сама по себе не имеет абсолютной ценности, ценность имеет вечность. Но этот выбор должен быть осознан и доброволен, и каждый человек должен сделать его самостоятельно.

С другой стороны, князь Курбский, который столь усердно отстаивал привилегию свободы для царских советников, в полной мере вкусил ее «прелести» в соседней Литве: слабая королевская власть не могла защитить права своих подданных (в первую очередь, право собственности), результатом чего явились не просто мелкие конфликты между шляхтичами, а настоящий произвол обеих спорящих сторон.

Большая часть литовского периода жизни Курбского прошла в имущественных спорах и тяжбах¹¹.

Наконец, как утверждают историки, противоречия между интересами королевской власти и шляхты стали одной из причин упадка Речи Посполитой в более позднее время (XVIII в.).

Примечания

¹ *Графский В.Г.* О своеобразии русской философии права // *Философия права в России: история и современность. Материалы третьих философско-правовых чтений памяти академика В.С.Нерсисянца.* М., 2009. С.8.

- ² Лихачев Д.С. Введение к чтению памятников древнерусской литературы. М., 2004. С.170.
- ³ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. М., 2005. С.390, 405, 409.
- ⁴ Курдин Ю.А. Образ Ивана Грозного в народной поэзии Арзамасского края // Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Арзамас, 2005. С. 150–172.
- ⁵ Бауман З. Свобода. М., 2006.
- ⁶ Пересветов И.С. Малая челобитная // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. Конец XV – первая половина XVI века. СПб., 2000. С. 428, 446, 430.
- ⁷ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. 2-е изд. СПб., 2009. С.168.
- ⁸ Курбский А.М. История о великом князе Московском // Библиотека литературы Древней Руси. Т.11. XVI век. СПб., 2001. С. 452, 450, 414.
- ⁹ Лурье Я.С. Иван IV Васильевич Грозный // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.2 (вторая половина XIV–XVI вв.). Ч. 1. А-К. Л., 1988. С.375; Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. М., 1960. С. 336–337.
- ¹⁰ Послания Ивана Грозного // Библиотека литературы Древней Руси. Т.11. XVI век. СПб., 2001. С.228.
- ¹¹ Филюшкин А.И. Андрей Курбский. М., 2008.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.

Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписной индекс **36789** в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.

ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

E-mail: observer@nasled.ru Электронная версия: <http://www.rau.su>

Подписано в печать 15.11.2010. Формат 70х100^{1/16}. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Джей Ти Принт». Заказ № 187.

Confidence – and security-building measures on the territory from Vancouver to Vladivostok

V.Goncharov

The article is devoted to a burning European security issue – modernization of the Vienna Document 1999 of the negotiations on confidence – and security-building measures.

The Vienna Document is a very important mechanism of early warning of the unusual or significant military activity in the OSCE region. It enhances predictability and confidence, restrains military activity. Since 1999 the Vienna Document has not been updated and now it does not meet modern politico-military realities to the proper extent. Many OSCE member-states believe that the Vienna Document needs to be updated. Since the beginning of the year 2010, this question is being under discussion in the OSCE.

Key words: confidence – and security-building measures, Vienna Document 1999, prior notification of certain military activities, observation of certain military activities, force majeure, thresholds, inspection team, quota of inspections and evaluation visits, Annual exchange of military information, compliance and verification, Annual implementation assessment meeting, OSCE Forum for Security and Cooperation (FSC).

About the author: GONCHAROV Vitaly – attaché of Department for Security Affairs and Disarmament of the MFA of the Russian Federation, expert of the Delegation of the Russian Federation on Military Security and Arms Control to the OSCE, MGIMO post-graduate.

Modern tendencies of global security

A.Boyko

The author investigates factors of influence of the process of globalisation on the international security. In the article modern lines of development of threats to the global security in the modern world are revealed. The necessity of working out new approaches to the international cooperation concerning global security, including the transformation of activity of the United Nations is shown.

Key words: Globalization, the international security, nuclear arms, the international terrorism, peace-making activity.

About the author: BOYKO Anastasia – listener graduate Diplomatic Academy of the MFA of Russia.

The «Sustainable development's» myths: the «Global getting warmer» or the global «creeping revolution»?

V.Pavlenko

The third part of the article continues the «Sustainable development» conception's examination. The author pays his attention to the contest of the «Our Global

Neighbourhood» report, as well as to the evolution of its main propositions in the UN documents. The globalization and the global governance, the «global citizen's society», the expansion of the «Environment» treatment, the global taxes and the other problems of this report are investigating in the article. The author proves the global plan's existence, which was formed by the totality of those propositions. The consecutive connection of this plan with the Club of Rome ideology is stressing in the conclusion.

Key words: The Club's of Rome global Plan, «Our Global Neighbourhood», UN documents, globalization, global governance, «Sustainable development», Environment, global taxes.

About the author: PAVLENKO Vladimir Borisovich – D-r of the political Sciences.

Regional conflicts on the post-Soviet territory and the role of Russia in their settlement

In article the analysis of all remaining internal and regional conflicts on the post-Soviet territory contains, the role of Russia in their settlement, danger of the further preservation of any international, interethnic, interconfessional conflicts to regional and international safety reveals. The author comes to a conclusion that in the conditions of globalization of all world processes and the further scientific and technical progress the role and value of the human factor considerably increase and even the small group of persons can cause an irreparable damage of our civilization (Chernobyl accident, acts of terrorism on September, 11th, 2001 in the USA). One of the basic sources of extremism and terrorism in modern conditions there are not settled regional conflicts, therefore Russia and the world community should make active efforts on their peaceful settlement.

Key words: Regional conflicts, the human factor, new calls and threats, the peace decision, role of Russia, the international terrorism

About the author: IVANOV Stanislav M. – the Leading research assistant of the Center of the International safety of The Institute of World economy and the International relations of the Russian Academy of Sciences, the Candidate of historical sciences

G8 and G20: the role of “clubs” in global governance

V.Panova

Debates on the role and functions of soft, not put into formal legal agreement, mechanisms of global governances have started in the mid-seventies of the previous century with the implementation of the initiative of the French and German heads of state – V.Giscard d'Estaing and H.Shmidt – on establishment of the informal forum of interaction of chiefs of the seven leading countries of the three centers of capitalist world. In this article the author reviews results of the evolution of this mechanism and its contemporary state. Only recently Canada hosted two summits – meetings of the “geriatric” elite G8 and new economic directorate of the G20. This article considers main results of those meetings, primarily from the point of view of their substance, main divergencies that existed in the run up to the meetings between the participants, and the compromises achieved. Also the article attempts to define current stature of Russia in those mechanisms, primarily in the G8, since it was this very structure our country was joining in the difficult period of formation after the demise of the Soviet Union, and the

process was distinguishable for dragging for a long time and being rather contradictory. Meanwhile in the G20 being one of its founders Russia holds unquestionable status. And finally, the article regards advantages and shortcomings of both mechanisms, their complementarity in terms of functions and capacities, as well as further prospects of the G8 and G20 in the international relations architecture.

Key words: G8, G20, global governance, Millennium Development Goals, development assistance, international security, global economic crisis.

About the author: PANOVA Victoriya V. – candidate of History (Moscow State Institute (University) of International Relation.

The Supranational Business Entities Development of the EU

A.Inshakova

K.Belikova

The paper deals with the latest and the most promising trends in the EU company law. Stating an obvious ineffectiveness of usual mechanisms of corporate relations regulation at supranational level in the EU, in particular ineffectiveness of unification at international conventional level, the authors emphasize an objective need for the European legislator to refer to specific methods of regulation in the form of unification through adoption of regulations, as the most effective instrument for integration construction. The paper considers the most important supranational legal forms of business entities, which are inherently a 'projection' of national types of legal entities, existing owing to the EU sanction.

The summary highlights the features, determining the advantages of considered method of company law unification in the context of regional economic integration in the EU.

Key words: unification and harmonization of the EU company law, supranational acts in the field of corporate law, specific method of company law unification in the context of regional economic integration in the EU, corporate law unification through adoption of regulations, supranational forms of legal entities, European Economic Interest Group (GEIE), the European Company (SAE), the European Cooperative Society (SCE), the European Association, the European Mutual Aid Association.

About the authors: INSHAKOVA Agnessa Olegovna – professor at the chair of International Law in the Peoples' Friendship University of Russia.

BELIKOVA Kseniya – assistant professor at the chair of International Law in the Peoples' Friendship University of Russia.

«Socialism» of Venezuela

I.Bucova

The study of the left oriented and radical policy of a Venezuela's President Hugo Chavez reflects increased research interest on this issue, in accordance with the deepening and diversification of Russian Governance contacts with the Latin America's countries. The article is aimed to examine theoretical base of Venezuelan «Socialism» that relies on concepts of – «Bolivarism», «Socialism of XXI century» and ideas of Hugo Chavez. The author draws attention to the material fundamentals of the new

version of «Socialism» basically consisting of export oil production income, analyses the structure of social reforms and process of industry nationalization. In the field of Venezuela's international policy the author makes research of the most important spheres, such as: regionalism, antiglobalism, multipolarity.

Key words: Left oriented radical policy, «Bolivarism», «Socialism of XXI century», Social reforms, Nationalization, Export oil production, Regionalism, Antiglobalism, Multipolarity.

About the author: BUCOVA Irine Andreevna – Postgraduate student of the cathedra of the International Relations Sociology of the M.V. Lomonosov Moscow State University.

Nationalism in Catalonia as a risk factor for the integrity of Spain

A.Orlov

The article describes problems of nationalism in Catalonia: the historical basis of its arising, particularities and forms of manifestation, and its influence on the character of relations between central powers of Spain and autonomous communities.

Key words: Nationalism, Spain, Catalonia, Autonomous Statute, Constitutional Court, self determination, Spanish Socialist Workers' Party, People's Party, Republican Left of Catalonia, Convergence and Union.

About the author: ORLOV Alexander A. – professor of the Moscow State Institute of International Relations (University).

The faces of freedom in Russian XVIth-century political thought

A.Ermolina

The article is devoted to the concept of freedom and its analysis, suggested by Russian political thinkers of XVIth century. The Christian interpretation of idea, taken them as basis of their own conceptions, was reviewed. The relations between the freedom of will and social freedom, given in writers' works, were investigated. On the base of research there was made an attempt to disprove a stereotyped point of view, denying existence of social freedom tradition in Muscovy.

Key words: Russian political thought, authority, freedom, orthodoxy, I.S.Peresvetov, A.M.Kurbski, Ivan IV Grozny.

About the author: ERMOLINA Anastasia Sergeevna – advanced student of political and legal philosophy department at Moscow State University.